
Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин Саййид
Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Раим ФАРХАДИ
Раиса КРАПАНЕЙ
Анатолий БАУЭР
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

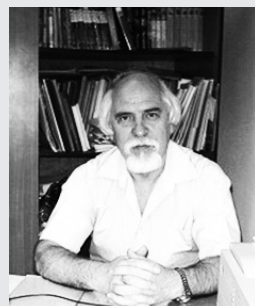
Владимир ВАСИЛЬЕВ

проза

ДУША ОСВОБОЖДЕННАЯ

Рассказ

...любящие души образуют мультисолитон, являющийся единой устойчивой волновой структурой! Вот почему мне так больно!.. Не только в клетках дело, а в распаде мультисолитона на отдельные индивидуальные солитоны. В такие моменты очень важно, чтобы не более одного солитона отделялось, чтобы в мультисолитоне любящих сохранилось как можно больше участников этого «мульти». Ушел только я один, и я теряю живые связи, обретая исконную духовную индивидуальность, а они, живые, должны поддерживать друг друга, сохраняя свое духовное единство уже без меня.

Вика ОСАДЧЕНКО

ПОЭЗИЯ

Мечутся лунные зайцы

Прошлое – бросить в стирку.
Жизнь продолжает тикать.
Медленно, очень тихо,
словно по первому снегу,
будущее приближается
к спящему человеку.

Мечутся лунные зайцы...

В доме сегодня чисто.
Выметен мелкий мусор.
В доме сегодня пусто.

Нодир НОРМАТОВ

переводы

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА

Рассказ

Гаффар-ака пристально сверху вниз посмотрел на крепкую фигуру старика. Ему показалось, что это он виноват во всём, во всём: и в том, что у него ослабло зрение, и в том, что жена его умерла в годы войны от голода, и ещё во многом другом... Закипев от гнева, он схватил старика за ворот... и сам не заметил, как ударил его кулаком... Подбежали люди, стали разнимать их, со стороны магазина прибежал милиционер Карим.

НОВЫЕ ИМЕНА

Михаил АНИЩЕНКО

Я лишь проездом на земле

Мне нет пути. Мой путь заказан:
Не знаю – как, не знаю – кем...
Но для короткого рассказа
Мне хватит жизни между тем.

Взгляну назад – дымится детство.
Зола – и больше ничего.
Всё остальное – только бегство
От дня рожденья своего.

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЁВ

РОМАНТИКА ОБЫДЕННОСТИ

Эссе

Во многих картинах художника присутствует эта лёгкая воздушность, свежесть и чистота. На первой персональной выставке представлено около тридцати работ Эвелины Григорьянц. Здесь нет заимствований, повторений, художник ищет в окружающих её обыденных вещах смыслы и знаки, краски, настроения, удачно передавая их зрителю, который видит в элементарных и знакомых предметах нечто возвышенное и как бы необходимое. Именно в этом прелесть романтического символизма, прочно обосновавшегося у нас в Узбекистане начиная с двадцатых годов прошлого столетия.

ПОЭЗИЯ

Николай БОНДАРЕНКО

Восточные этюды

«Шахинам, о менинг Шахинам!» –
Воспалённые губы бормочут.
Там, за выжженной степью, страна,
У неё изумрудные очи.

«Шахинам, о менинг Шахинам!» –
Слышишь? Песнь донеслась непростая.
Ворожит вечерами луна
И горячие руки сплетает.

СОДЕРЖАНИЕ

Славные потомки Амира Темура.

Интервью Народного писателя Узбекистана, лауреата Государственной премии Мухаммада Али Николаю Ильину. 87

Галина ДОЛГАЯ. Ташкент – Екатеринбург: мосты дружбы.150

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Анна АХМАТОВА. Памяти друга. 5

Сергей ГОРДИН. Последний герой. Рассказ. 6

ПРОЗА

Лидия ДУДАРЕВА. Школата. Роман. 12

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Душа освобожденная. Рассказ. 48

Виктор НАДОЛЕНКО. Вот так... Рассказы. 72

Татьяна ОСИНА. Трудно вечно хранить то, чего нет.
Рассказы. 99

Николай ПОПОВ. Записки мигранта. Рассказ. 133

ПОЭЗИЯ

Вика ОСАДЧЕНКО. Мечутся лунные зайцы... 9

Николай БОНДАРЕНКО. Восточные этюды. 45

Адель ЧИЛЯКОВА. Благодарю за каждый день. 90

НОВЫЕ ИМЕНА

Михаил АНИШЕНКО. Я лишь проездом на земле. 62

Александр ТРИШКИН. Не твоё – не бери. Рассказ. 102

Абдували КУТБИДДИН. Я соловей, потерявший свой сад. 107

ПЕРЕВОДЫ

Нодир НОРМАТОВ. Последние дни лета. Рассказ. Перевод с узбекского Гавхар Норматовой. 67

Кучкар НАРКАБИЛ. Другая жизнь. Рассказ. Перевод с узбекского Саодат Камиловой. 92

Рисолат ХАЙДАРОВА. Третье предсказание. Рассказ. Перевод с узбекского Нодиры Рашидовой. 109

КАРАВАН ИСТОРИИ

Юрий ФЛЫГИН. Ташкентский губернатор. 120

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир КАРАСЁВ. Романтика обыденности. Эссе. 127

Феруза МУХАМЕДОВА. «Рубаи» Бориса Гиенко в фортепианной музыке Узбекистана. 129

К 90-ЛЕТИЮ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Художник планетарного масштаба

Наталья ПЕТРУХИНА. Картина мира Чингиза Айтматова. 77

Ирина РОДИНА. Идея самопожертвования в романе «Плаха». 79

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Кодиржон НОСИРОВ. Мудрое слово акына. 81

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины
Эвелины Григорьянц.

Звезда Востока

2018 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хиёбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Елена Юрченко

Подписано в печать 23. 05. 2018 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 1005 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
«MASHHUR-PRESS NASHRIYOTI».
г. Ташкент, ул. Ислама Каримова, д. 16

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

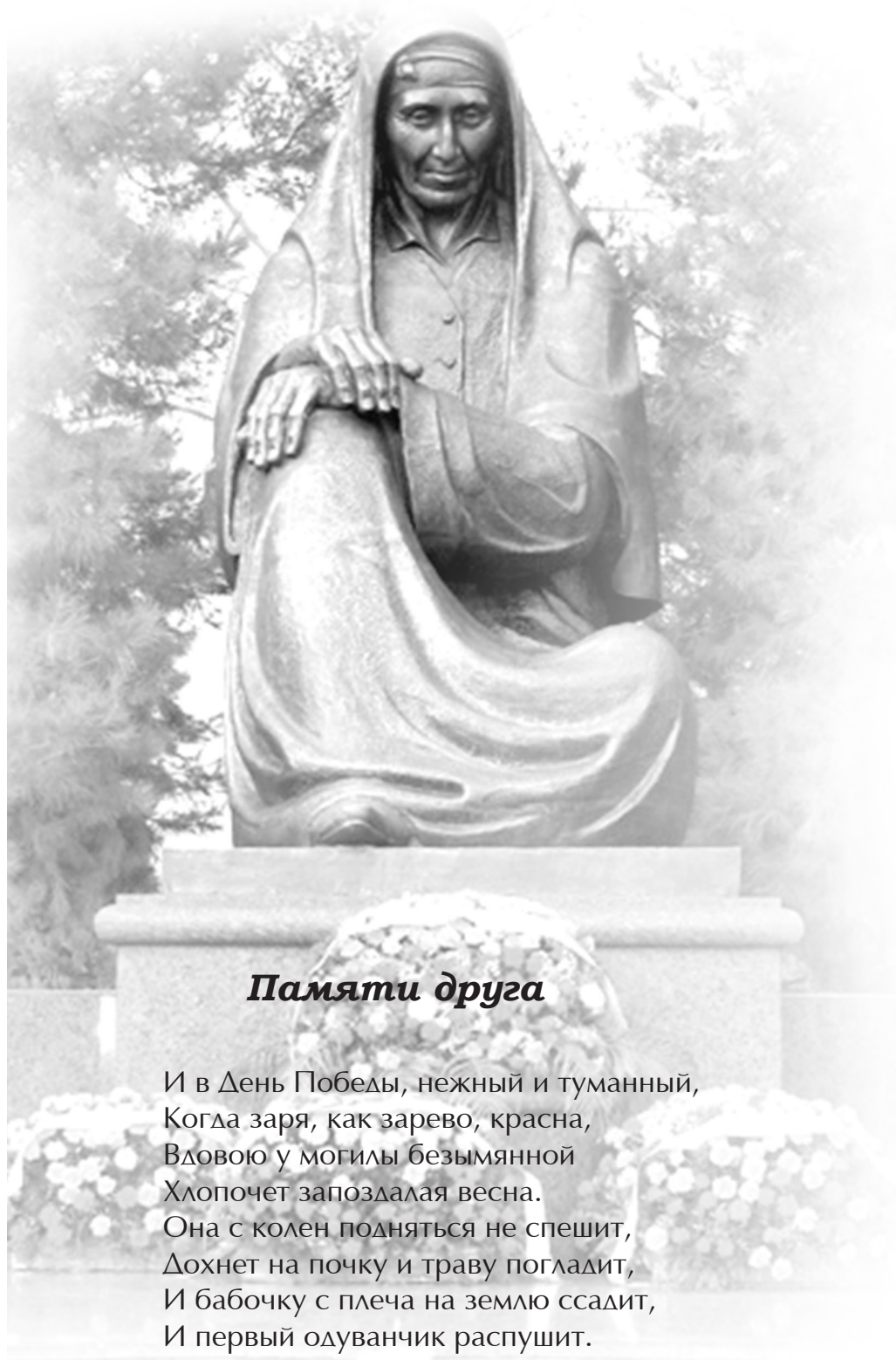
Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Памяти друга

И в День Победы, нежный и туманный,
Когда заря, как зарево, красна,
Вдовою у могилы безымянной
Хлопочет запоздалая весна.
Она с колен подняться не спешит,
Дохнет на почку и траву погладит,
И бабочку с плеча на землю ссадит,
И первый одуванчик распушит.

Анна АХМАТОВА

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Рассказ

Сергей ГОРДИН

Иногда ночью я выхожу на улицу. Раньше почти везде тявкали собаки, нет-нет покрикивали шальные петухи, да и люди попадались знакомые, кивали головой друг другу, проходили мимо.

Люди-то не ходят по ночам просто так, каждый думает о своем.

А для меня, как маяки, слышалось за темными окнами, хотя это невозможно услышать, немного хрипловатое дыхание стариков наших дорогих, на чьих глазах мы выросли.

Но абсолютных героев в моей жизни было два – мой израненный и парализованный отец, и тоже израненный, но живой, как жизнь, дядя Костя Погосов.

Папы не стало давно. Дядя Костя ушел недавно.

Он уже не видел почти, слышал плохо, лежал. Но у него была прекрасная семья.

Ни на миг, ни на секунду не оставляли они его, потому как воспитал он порядочных людей, сам никого не предавал ни в бою, ни в мирное время.

Чуть раньше его не стало другого ровесника. Тот все учил понадевать юбилейные железки на широкую грудь, идти по присутственным местам, требовать: «Мне положено!»

Ну да – положено.

Кому девять граммов свинца, а кому три кило мяса.

Оккупационные войска в Германии... ну да вы знаете – кто что вывозил, этот аж самолет умудрился.

Только вот ушел из жизни по законам божеским. Сам предавал в свое время, и его предали самые близкие люди – дети. Умер в беспомоществании, в безразличии.

А дядя Костя стеснялся, даже говорил с болью. Ордена свои кровавые, такие страшные ордена, как и у моего папы, прятал при поездках в чемодан. Таможенники, конечно, находили, он показывал документы, и они, молодые ребята, поражались: «Как же так? Да вы на грудь! Да вы с гордостью!»

Насмотрелись они на всяческих псевдогероев...

Сергей ГОРДИН. Родился в 1954 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал на Гостелерадио. Публиковался в периодических изданиях и альманахах.

В настоящих-то пули да осколки попадали, настоящим-то руки да ноги отсекало, настоящие-то, они настоящие и есть.

Думаю, скоро придумают вкусозаменитель героизма – не отличишь, да и дешевле, даром.

А дядя Костя...

Оказывается, на днях юбилей штурма Кёнигсберга. 2 апреля в 1945 как раз и началось. Самая защищенная цитадель Третьего Рейха, один самых кровавых и страшных эпизодов войны...

Штурмовали самые смелые, самые лучшие – и среди них Константин Погосов.

Ну как без него?

Труднее всего – брать мосты. Он и был на мосту. Посмотрел в справочнике – река Преголя... Там его и покосили осколки... там он и очнулся...

Сам рассказывал, помню, до слез тому самому оккупационисту, который и мотоциклик прихватил из Германии, и ружьишко Зауэр, три кольца с пулями дум-дум не забыл... Дяде Косте не до ружьишка было – очнулся ночью, полз... Увидел, как светлый лик, фигуру, подумал: мама... оказалось, медсестра, но до последнего дня был уверен, что видел маму... Вчера узнал ее имя. Я и не думал, что такие имена бывают в армянских семьях – Жоржетта... Потом очнулся уже в Церкви – рядом лежал холодный, над головой тоже уже не двигались...

Утром дверь распахнулась и зашел военный хирург, такой усталый, какими только врачи бывают усталы, потому что все отвоевались, а у них боевое дежурство за боевым...

Опять привиделась мама. Дядя Костя говорил:

– Отмолила она меня!

Хирург от усталости ногой трогал тела. Простим ему. Наклониться не было сил...

И шел дальше...

Трогал...

Шел дальше...

Трогал...

Шел...

Дядя Костя почувствовал даже не боль – прикосновение.

На него смотрели глаза.

– Быстро на стол! – сказал врач.

Очень ясно слышался чей-то голос:

– Не жилец, оставьте!

– Будем спасать!

А потом приехала мама. Жоржетта. Нашла его в госпитале. Плакала и без конца молилась.

Я его уже в Ташкенте узнал.

И он папу знал.

Оба ведь подранки.

Через дорогу друг от друга.

Только моего война добила, а дядя Костя выжил всем войнам назло, всем осколкам наперекор...

В Ташкентском военном госпитале мирный уже хирург сказал ему:

– Ну, что там у вас?

Дядя Костя распахнул рубаху. Хирург встал. Мересьев не выдумка. Дядя Костя тоже.

Он – чудо.

Для меня его семья – веселая, дружная, деловая – всегда была под светом одной мысли: а если бы мой папа дожил?!

Вопрос, конечно, риторический.

Но для нас, уже тоже немолодых послевоенных мальчишек и девчонок, вовсе не праздный, наверное, и у меня все было бы по-другому.

Но я очень рад, что знаком с ним. Потому просто, что настоящих героев все больше и больше вытесняют люди с юбилейными черненковскими железяками, липовыми удостоверениями, неискренними словами.

Ордена и медали солдата только боевыми могут быть. Иначе какие это ордена и медали? За что?

На моей улице умер Последний Настоящий Герой Великой Отечественной войны Константин Погосов.

На моей улице – последний... А улица эта больша-ая. От Сквера... Старой Консерватории, где Галина Витальевна, Римма Николаевна, Инна Глебовна... мимо моего дома до – вы не поверите (кто бы знал!) – последнего Адольфа, как я его называю. Адольфа Анатолича, приятеля моего. Перед самой войной назвали. Хороший, кстати, мужик.

Так вот последний Адольф жив и пусть живет, а дяди Кости не стало.

Друзья мои, налейте, помяните!

И послушайте стихотворение, которое я написал, глядя на фото моего отца – тоже Настоящего Героя Великой Отечественной войны, врача Виктора Гордина:

*Он мне отец?
А может сын –
Папан в заштопанный шинели,
Мы разминуться с ним успели,
И наш разрыв необратим.
Я пережил его, как плен,
Я старше на века страны,
А он стоит у переправы –
Смешным, расхристанным,
Босым...
Ах, папка,
Ты ведь был живым.*

Мечутся лунные зайцы...

Вика ОСАДЧЕНКО

* * *

Как ветви заслоняли нас от неба!
Как нашу глупость, жадность и жестокость
своей листвой чинары укрывали,
склоняясь к нам, как к неразумным детям...
Наверное, деревья нас жалели.

А мы беспечно шли себе и шли
сквозь летние шумящие аллеи
среди своей сияющей земли.

Качалась тень, лучи перебирая,
дышала жаром неба глубина,
и город весь, от центра до окраин,
лежал младенцем на руках чинар.

Горячий ветер одевался в зелень
и замирал, запутавшись в листве.
Держали ветви – небо, корни – землю...

Но эту связь мы сами разорвали,
и небо отдалилось от земли.
Теперь все оправдания бесполезны,
и мёртвые, безмолвные стволы
за нас уже не в силах заступиться.
Стоим одни в холодном ярком свете.

Вика ОСАДЧЕНКО. Родилась в 1980 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Участник ташкентских открытых фестивалей поэзии. С 2006 г. член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда», публиковалась в республиканской и зарубежной периодической печати, альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат».

* * *

Дети осени ждут окончания лета.
Слишком больно глазам от сухого света
на горячем, пыльном дневном ветру,
и чинары сбрасывают кору,

как одежду. Все до одной приметы
предвешают яростную жару.

Остаётся надеяться лишь на осень,
что стоит чуть правее в календаре.
Дни в конце июля звенят, как осы
над арбузными корками во дворе.

Жаркий ветер пустые пакеты носит,
и листва осыпается вниз, к коре.

Всё в пыли теряется у корней.
Белый звон земли, солнца слой на ней,
потускневшее небо – поверх всего.

Обитатель мира, едва живой, –
сколько их осталось, июльских дней?

Не осталось ни одного.

* * *

Небо заполнено птицами и ветрами –
белое, ожидающее дождя.
Это февраль улыбается на экране,
в прошлое, как в кинохронику, уходя.

Дерево вслед раскачивает всем телом.
Трогает белый ветер над головой.
Небо заполнено белым, безбрежно белым.
Но, засыпая, шепчет про голубой.

Зарафшан

Там камни, как замедленные звери,
лежат в прозрачной облачной воде,
и человек спускается на берег –
на облака и камни поглядеть.

Там птицы проплывают в отраженьи,
как лёгкие небесные цветы.
И поровну покоя и движенья.
И вдоволь глубины и высоты.

* * *

Старый поезд в казахской степи.
По вагонам стучит и скрипит
человеческий быт,
а когда вспоминаешь стихи,
то размер их разбит.

Деревца вдоль путей.
Меж изломанных чёрных плетей
гнезд пиалки наполнены снегом.
Но нетронута гладь,
и хозяев тех гнезд не видать.
Пусто, слепо.

Степь лежит без конца,
и несут пиалы дерева
неизвестному гостю,
что никак не идёт.
Старый снег превращается в лёд,
и устали древесные горсти.

А вокруг – ни души.
Только поезд стучит, да шуршит
занавеска под ухом,
отделяя чужую страну,
превращая её черноту, белизну
в звук, привычный для слуха.

По степи, вдоль пути
тянет поезд стучащий пунктир,
тусклым светом наполнен.
Засыпаю с трудом
и во сне превращаюсь в пустое гнездо,
что о птице не помнит.

* * *

Присвоили себе право
убивать всё живое:
лису, похожую на рыжее солнце,
птицу, похожую на неизвестную букву,
собаку, дерево, море.

Если разум – причина убийства,
то разум ли это?

Пустота на месте собаки, дерева, моря
смотрит мне прямо в глаза.

* * *

Прошлое – бросить в стирку.
Жизнь продолжает тикать.
Медленно, очень тихо,
словно по первому снегу,
будущее приближается
к спящему человеку.

Мечутся лунные зайцы...

В доме сегодня чисто.
Выметен мелкий мусор.
В доме сегодня пусто.

Мечутся лунные птицы...

Дальше всё будет просто.
Рано ещё просыпаться.
Светится лунный остров.
Падают наземь звёзды,
тают в горячих пальцах.

Лидия ДУДАРЕВА

ШКОЛОТА¹

Роман

ГОРНЫЕ ВЕРШИНЫ, ТИХИЕ ДОЛИНЫ...

Ленка и Марьям сдружились на практике и составили удивительно гармоничный тандем. Носились по тропинкам, недоступным никому, убегали на речку, заныривали в бассейн с ледяной водой. Никто не отваживался купаться в ледяной бирюзовой воде бассейна, кроме двух неугомонных дриад. Именно Ленка и Марьям подбили практику отправиться с походом к водопадам в соседнее ущелье. Семен Ефимович выделил им охрану в лице Камала, Рустама и еще нескольких из старших классов. К походу присоединились Подберезкина с Ахмедзяновой, а затем и Сониная.

Возглавляли поход, конечно, Лемешева и Кадырова. Девчонки храбро продирались через все заросли, распугивая всевозможную живность. Остальным только и оставалось, что радоваться кузнечикам, мотылькам и мелким птахам, вспархивающим из-под ног этих спортсменов. Вровень с ними из девчонок могла идти только Сониная, но она, наоборот, замедляла ход, все норовясь принять помощь или опереться на руку одного из джигитов. Камал сопровождал Подберезкину, поминутно ойкаящую и хихикающую, стоически перенося Нинкины ойканья некоторое время, а потом пригрозил:

– Подберезкина, еще раз ойкнешь, заламаю!

– Ой, как это заламаешь? – захлопала ресницами Подберезкина, чем полностью обезоружила своего провожатого.

Камал захохотал, разбудив эхо в ущелье.

– Привал! – скомандовал Рустам.

– Девчонки же умчались вперед, – озаботилась Эльмира, которую сопровождал как раз Рустам.

– Догоню и верну. Отдыхайте, потом поедем, – дал команду формальный лидер, молчаливостью и лаконичностью высказываний соперничавший с самой Ахмедзяновой.

Ребята выбрали относительно пологую полянку над рекой и устроили привал. Умида снабдила их в изобилии сухим пайком, так как до ужина они не рассчитывали вернуться. Подберезкина хлопотливо накрывала на «стол», Ольга Сониная изо всех сил демонстрировала томную усталость. Сопровождавший ее персонально джигит был на редкость предупредителен.

Эльмира молча созерцала разворачивающуюся картинку, схватывая и осмысливая все ее живописные детали. Юрка Веденеев застыл, как камень, в потоке, невзначай взглянув ей в лицо. Леха Азаров, заметив это, проследил за направлением Веденеевского взгляда и тоже призадумался. Подтянулись ликующие Маринин и Самойлов, которым удалось наломать опят в рощице по склонам.

– Ой! – вскрикнула Подберезкина. – Вы зачем этих поганок набрали? Это же яд!

Один из старшеклассников мельком глянул на добычу мальчишек, проглядывающую сквозь мелкочаеистую сетку.

¹ Окончание. Начало в № 2.

– Нет, Нина, это хорошие грибы. Отнесем Умиде, она с ними плов вечером сварит.

– На обратном пути еще накосим! – восторженно заверил всех довольный Маринин. – Их там по горло!

И он выразительным жестом дополнил свой восторг.

– Может, еще и кекликов наловим, – деловито предложил второй добытчик. – С ними плов еще вкуснее.

– Вот не ожидала, – томно протянула Сониная, возлежащая, подобно античной купальщице, в грациозной позе на огромном серебристо-голубом валуне, – да с вами не пропадешь, оказывается.

– Так я прошлое лето на турбазе провел, – порадовал публику откровениями Самойлов.

– А я-то думала, ты только битлов слушать можешь.

– Не только! – радостно заулыбался польщенный Самойлов. – Я в школе спортивного ориентирования занимался, а еще в секции стрельбы из лука!

– О как! – восхитилась Сониная. – Так ты тогда и кекликов настреляешь?

Она небрежно выбирала ягоды покрупнее из сомкнутых ковшиком смуглых ладоней своего джигита, который навтыжку стоял рядом с ее персональным валуном и таинственно улыбался.

– Легко! – отозвался воодушевленный Самойлов и завертел головой в поисках подходящего материала для изготовления лука и стрел.

– Эй, остыньте! – прикрикнул на свою паству расслабившийся на пару минут Камал. – Ты тоже хороша, Цирцея! Сама, что ли, их ошиповать станешь?

Ольга томно хмыкнула и выразительно указала подбородком на своего провожатого. Тот явно не вслушивался в слова «Цирцеи», попросту наслаждался музыкой ее плавной речи.

– Данияр, будешь кекликов ошиповать? – строго спросил Камал.

– Зачем? – улыбнулся Данияр. – Они так поют хорошо, разве не слышишь?

Ольга с интересом взглянула на него и что-то для себя явно решила. Камал, в полминуты восстановивший статус-кво в своей группе, удовлетворённо кивнул и принялся помогать Подберезкиной. Бодрые добытчики сложили добычу в тени от валуна, но получилось, что как бы к ногам Цирцеи, а затем принялись плескаться в реке.

Солнце сверкало в плещущих струях реки, загорелые плечи мальчишек блестели под его лучами. К полудню цветущее ушелье наполнилось запахами можжевельника, горячей земли, цветов. В зарослях боярышника выше по склону отчаянно перекликались перепелки – кеклики на местном наречии.

Рустам с девочками все не возвращался, и Камал решил и там навести порядок. Он кивнул Подберезкиной и широкими прыжками, перескакивая по камням в потоке, стал подниматься вверх по реке к шумевшим водопадам и скоро нагнал Рустама. Но тот оглянулся на шум его шагов и приложил палец к губам:

– Тсс! Не спугни! – прошептал Рустам.

Камал осторожно выглянул из-за скалы, под которой устроил свою засаду комсорг, и тоже застыл, наблюдая.

Бесстрашные спортсменки затеяли очередную игру. Водопад с трех метров обрушивался в кипящий резервуар, выбитый им в грунте. А скала, по которой неизвестно сколько столетий скатывался бурный поток, сформировала естественный желоб. Неугомонные нимфы использовали желоб по назначению, скатываясь по очереди в струях прозрачной бирюзовой воды в бурлящий пенный резервуар.

– Я уже минут двадцать за ними наблюдаю, – поделился Рустам. – Когда ж им надоест?

- Когда шею свернут! – припечатал Камал. – Не раньше!
- Пойдем, не будем им мешать, – улыбнулся Рустам.
- Шею сворачивать?
- Они ловкие, не переживай, пусть плещутся. А я теперь знаю тему своей дипломной работы.
- Ладно, дарю! – широким жестом от сердца «подарил» одноклассниц будущему дипломнику Камал.

СЕНТЯБРЬСКИЕ СЮРПРИЗЫ

В сентябре художников из класса звезд и жемчужин ждал сюрприз. Дорогую Азизу у них забрали и отдали, бедную, на растерзание новобранцам-кишатам. Неугомонный директор собрал их по всем домам творчества района и соседних областей. В итоге его бурной вербовочной деятельности Азиза оказалась среди двух десятков совершенно бестолковых, ничего не умеющих детей. Они толпились вокруг нее и наперебой протягивали свои творения. Азиза бесцеремонно повыдергивала из детских ручонков листочки с гениально срисованными с этикеток и фантиков шедеврами и грозно рявкнула:

– Чтоб не смели больше такое рисовать! Руки вырву!

От ее грозного окрика кишата брызнули во все стороны. Бывшие ученики Азизы во главе с Камалом как раз навешали любимую преподавательницу и увидели сценку во всей красе.

Для своих бывших подопечных Азиза тоже нашла доброе слово:

– Отстаньте от меня, надоели как бесы! У вас техника масляной живописи в этом году. Юрий Иванович – лучший колорист в городе, я ему все лето кланялась, чтобы он вас взял, неблагодарные. Отстаньте, сказано, мне больше нечему вас учить!

* * *

Новый преподаватель специальности ростом с сидящего пса был лыс, как бильярдный шар, и при этом густо-рыжебород. Румяные щеки и веселые незабудковые глазки гармонично дополняли его облик. Лысину прикрывал бархатный берет темного, благородно-синего, цвета. Берет прибавлял ему роста, что было нелишне.

Поначалу мальчишки держались с новым преподом несколько натянуто, а он в свою очередь на них и вовсе чихал с высокой колокольни. Зато сразу же принялся строить девчонок. Девчонки старательно раскладывали свои работы на полу перед художником, вальяжно развалившимся на стуле. Тот хмыкал, поджимал губки бантиком и небрежным жестом руки повелевал сменой декораций, позволяя себе иногда весьма бесцеремонные комментарии.

– Так, как вас там, Лемешева, Кадырова! Вас что, на практике друг к дружке веревками привязывали? Почему все ваши этюды с одной точки?

Марьям и Ленка переглянулись и невольно отодвинулись друг от друга.

– Ладно, вижу, убирайте... А ты кто? Тебя как зовут? Ах, Подберезкина... Ты мне не ойкай тут, поняла? Не люблю. Что это у тебя за бледная немочь к скале прилеплена? Чахоточная какая-то. Где ты ее нашла?

– Это иллюстрация, Юрий Иванович, она действительно чахоточная. Это Мари.

– Что? Мари?! Что за бульваршину ты иллюстрируешь?

– Это к «Идиоту».

– Это вы все вообще чокнулись, что, из меня идиота решили слепить?

Нинка заалела как маков цвет, и хрустальные слезинки повисли на ресницах ее карих очей. Ойкать ей грозный ментор запретил, а как по-другому начать оправдываться, она не знала. Камал стиснул кулаки и сделал шаг вперед. Но Ленка Лемешева его опередила, частично загородив от нового препода и самого Камала, и его кулаки.

– Это к роману Достоевского «Идиот», Юрий Иванович, – звонко застрекотала Ленка. – Нам его на лето Илона Бектемировна задала прочитать. Подберезкина прочла и сделала иллюстрацию. Там есть такой персонаж, Мари, она действительно умирает от туберкулеза.

Художник уставился на Лемешеву и попытался испарить дерзкую негодницу строгим взглядом. Но его незабудковые веселенькие глазенки для этой цели не годились!

– А ты здесь кто такая, адвокатесса самопальная? Как там тебя, Лемешева? Дед у тебя случайно не оперный тенор был?

– Дед у меня как был, так и остается донским казаком.

– Эва! Землячка, выходит! – обрадовался новый препода. – У меня тоже родова оттуда! Но ты, подруга, все равно дерзка не по годам. Слышь, Подберезкина, убирай свой тубдиспансер и больше такого мне не подавай! Рисуй где-нибудь втихомолку своих чахоточных идиотов, раз тебе так хочется, а я их видеть не желаю!

Подберезкина молча собрала с пола этюды и композиции.

– Ну, кто там следующий?

Следующей оказалась Лёка Андреева. И зря Эльмирка Ахмедзянова про Лёку думала, что она лишена чувства юмора. Просто юмор у Лёки по накалу совпадал не со всяким, а вот с юмором нового препода как раз и совпал!

Лёка выступила из-за стайки одноклассниц и улыбнулась новому преподавателю по-детски открыто и непосредственно. А потом выложила перед ним свои этюды с летней практики, а еще – длинную панораму, склеенную из трех листов. Панорама объединяла несколько этюдов, но Лёка переработала их, применив интересную стилизацию. Плавные акварельные размыты и разливы были обведены замкнутыми линиями в тон. Картинка напоминала не то переливы маргиланского шелка, не то батик, не то гобелен.

Юрий Иванович оторвался от Лёкиной улыбки и взглянул на ее творения. Потом уже спокойно, без ёрничанья, разобрал все работы, обнаружив незаурядный талант искусствоведа и острый глаз великолепного колориста. Когда Лёка стала собирать листы с пола, он задумчиво добавил:

– А вот эту панорамку ты, мать, сохрани... Это для тебя может стать в будущем базой. Основой твоего индивидуального стиля. Такие идейки редко под темечком проклеиваются и далеко не у всех.

После этого Юрий Иванович погрустнел и остальные работы смотреть отказался.

– Ладно, хватит на сегодня, вы меня пресытили своими шедеврами, остальные потом посмотрю.

В ГРЕЧЕСКОМ ЗАЛЕ...

Театр в жизни звезд и жемчужин играл огромную роль. Почти в полном составе класс ходил на занятия драмкружка к Илоне Бектемировне.

Подберезкина, у которой врожденный талант нравиться мальчишкам, грация и обаяние так гармонично сочетались, исполняла роли романтических героинь. Неверов блистал в амплу резонера, Ленка и Марьям по очереди исполняли роли инженю. Ну а уж амплу комического персонажа без

колебания доверили Славке Цветаеву. Остальные охотно участвовали в масках, конструировали из картона декорации, шили костюмы. Накрахмаленные до хруста бязевые камзолы и кринолины расписывали под бархат, шелк и златотканую парчу.

Музыканты составили небольшой камерный оркестрик под управлением Марика Покровского.

Марик пришел в эту школу, как и большинство детей, в пятый класс: здесь не было начальной школы. Илона Бектемировна усадила мальчишку за четвертую парту у окна с Марьям Кадыровой. И, всем на удивление, они там и до сих пор сидели!

Рассеянный и мечтательный Марик выглядел, как и положено выглядеть музыканту: тоньше скрипичного смычка, с густой шапкой ореховых кудрей крупными кольцами, с нежной светлой кожей. Он походил на девочку гораздо больше воительницы Марьям. Его золотисто-карие глаза служили ловушкой для всех, кто неосмотрительно заглядывал в их таинственную головокружительную глубину! Музыкальный и очень чуткий на уроках специальности, на всех остальных уроках Покровский витал в облаках.

Добиться от Марика ответа на вопрос, который его не интересовал, было просто невозможно! Сначала Марьям его слегка поколачивала, чтобы привести в чувство. Но Марик так трогательно и беспомощно заслонялся от ее ударов и так недоуменно мигал, что ей пришлось оставить эту тактику и выработать другую, безотказную: она резко подталкивала острым локтем соседа в тощий бок под выпирающие ребра. Марик не сразу, но приучился подскакивать от ее тычков. Затем Марьям шепотом суфлировала ответ на заданный вопрос, а слухач Марик воспроизводил его нота в ноту, как кенарь-виртуоз, не воспринимая ни слова. Конечно, учителя прекрасно понимали цену таким знаниям, но почему-то не гнобили мечтателя. Может, потому, что, заглянув раз в его янтарные, чистой воды глазоньки, тонули в них навсегда. И почти все рисовали Покровскому совершенно незаслуженные круглые четверки.

На контрольных, пока Марик невинно грезил, Марьям всегда решала сначала его вариант. И только подсунув под локоть мечтателю черновик с решением, приступала к своему. Именно поэтому Марьям не училась на круглые пятерки, как Лёка Андреева. Тянула упряжку с гранитом науки за себя и Покровского.

Марика выбрали дирижером в драмкружке. Невинная овечка за пультом обернулась клыкастым волком. От его окриков вздрагивала даже Илона. Стоит ли упоминать, что камерный оркестрик драмкружка под руководством такого дирижера быстро превратился в ансамбль виртуозов?

Драмкружок процветал. Вот только на роли романтических героев никого из парней было почему-то не звать. Эти роли с успехом играла Лёка Андреева. Но к нынешнему сентябрю Лёка не только вымахала, а еще и так преобразилась, что играть мужские роли больше не могла по определению. Илона, увидев Лёку в костюме героя, зажмурилась, а потом бессильно махнула рукой и произнесла:

– Снимай! Это ужасно.

Природа так щедро одарила Лёку, и при том так внезапно, что дары эти никак не вмещались в камзол героя и уж ему-то точно не полагались! Лёка перешла в разряд инженеру, а Кадырова, почему-то вдруг охладев к драматургии, охотно передала ей свои роли.

Накануне премьеры «Тартюфа» в клубе греческой диаспоры Самарканда труппа осталась без героя. Илона решила больше в поисках героя не кружить безнадежно по школе, а направилась в кабинет директора.

– Да вы что, Илона Бектемировна! – изумился директор. – Вы это серьезно? Это я должен вам героя искать?

– Они все наотрез отказываются. Соглашался только Баринов, но из него герой как из канцелярского стола.

Директор развел руками.

– Но что я могу сделать, Илона, дорогая?

– Что хотите! Это с самого начала было вашей затеей.

Директор вынужденно признал ее правоту, а затем мысленно дал себе слово больше не играть с Илоной в Макиавелли.

– Ладно, я что-нибудь придумаю, – пообещал директор и после ухода Илоны вызвал к себе Рахматуллаева. У Камала было на той неделе достаточно причин избегать встречи с директором, и потому он шел на зов неохотно. Но директор неожиданно пристал к нему с каким-то детским вопросом об отсутствии героя в драмкружке!

– Да я тут при чем? – возмутился Камал. – Ноги моей в этом дурацком кружке не было и не будет!

– Тебя кто просит туда свои ноги носить? Уговори Веденева, вы, вроде, друзья?

– Вы шутите? Юрка свою жизнь расчертил в тетрадке на годы вперед! Да там места нет даже для поэзии, не говоря уж о драмкружке.

– Умный, да? – рявкнул директор.

– Но, Рахим Ахмедович...

– Что Рахим-Махим, Ахмедович-Махмедович! Я уже не скажу тебе, сколько лет я Рахим Ахмедович! Кручусь тут, как бес перед заутреней, всю жизнь! Жена и дети вообще начали забывать, как я выгляжу. Скоро в мехмонхоне, как гостя, принимать начнут! Сказано, иши героя, дуй отсюда и без героя не возвращайся!

Камал пожал плечами и завел карие очи, неосмотрительно проделав эту пантомиму на глазах у директора.

– О! – ликующе выкрикнул Рахим Ахмедович. – Да ты, парень, он самый и есть! Можешь не искать. Вопрос закрыт. Иди к Илоне и скажи, что герой – это ты.

Расширепевший Камал понесся в актальный зал с твердым намерением дать там всем «оторваться от земли» с их дурацкими играми в героев! Влетел с разбега в зал и промчал, застыв на середине. На сцене Славка, Ленка и Серега Неверов репетировали сцену из «Тартюфа». Под столиком, закрытым скатертью со стороны Тартюфа, но открытым зрителю, сидел муж-Неверов и получал свою порцию разочарований. А Славка-Тартюф, вероломный друг семьи, всю атаковал неприличными предложениями Ленку-Эльвиру, Серегину мужнюю жену по пьесе. Неверов гримасничал, как сам родоначальник комедии. Ленка, в фижах, затянутая в корсет, заламывала в отчаянии руки, а Славка свои вдохновенно «распускал» над ее декольте. Камал залюбовался и заслушался. Реплики ребят звучали безупречно. Камал засмеялся. На него зашикали. Тогда «назначенный герой» тихонько сел рядом с Подберезкиной. Она тронула его руку прозрачными пальчиками и шепотом посетовала:

– А вот мне сегодня репетировать не с кем. Героя до сих пор нет.

Заглядевшись в эти бездонные глаза, Камал принял решение:

– Будешь репетировать. Есть у тебя герой.

* * *

В амплуа романтического героя Рахматуллаев оказался выше всех похвал. Его яркая внешность и прекрасный звучный голос могли свести с ума толпы

поклонниц. При этом он никогда не рвался на первый план и в сценах с Подберезкиной только оттенял ее артистизм и обаяние. На сцене пара смотрелась так, что глаз не оторвать! Спектакль сверстали, генеральную репетицию провели в костюмах. Зрители аплодировали стоя. А Рахим Ахмедович даже прослезился.

– Каков герой! Вот, Илона Бектемировна, учитесь. Я вам героя в шесть секунд нашел.

В те же «шесть секунд» директор заказал туристический «Икарус», в него погрузили декорации, костюмы, труппу вместе с руководительницей и маленький оркестрик.

* * *

Предания донесли до нас, как именно бушевала публика в древнегреческих амфитеатрах. Актерам, исполнявшим роль злодеев, с большим трудом удавалось дожить до конца спектакля. Зрители так самозабвенно выражали свои эмоции, что даже, случалось, накидывались на актера, взвалившего на себя неблагодарный труд представлять отрицательного персонажа. Легкие увечья не в счет! Но и вполне серьезные травмы у бедных актеров редкостью не были. Когда лимит желающих играть злодеев был окончательно исчерпан, Аристофан завел обычай выходить на сцену перед спектаклем и обращаться к публике с призывом:

– Дорогие зрители! Не убивайте злодея, дайте ему сначала исполнить роль. После спектакля мы сами его примерно накажем!

Говорят, дело пошло на лад, и древние греки бить злодеев перестали. Ну, или не на каждом спектакле.

Прошли тысячелетия но... эллины в качестве театральных зрителей с тех пор не сильно изменились.

* * *

И надо же было директору додуматься отправить школьный театр на гастроли именно в клуб греческой диаспоры, да еще с «Тартюфом»!

Гениальный Мольер в своей лучшей пьесе так талантливо обличил гнуснейшие пороки человечества – подлость, лицемерие и вероломство, что и у самого спокойного и флегматичного зрителя кровь от возмущения закипала!

В общем, Славка Цветаев до конца спектакля дожил чудом. С самого начала действие на сцене сопровождалось постепенно нарастающим гулом, знаменующим крайнее негодование публики. Волнами, как морской прибой, накатывались на сцену звуки эллинской речи.

Филипп Папазоглу, первая скрипка в оркестре Марика, услышав из зала «божественный звук» эллинской речи, чуть смычок не проглотил, а его оттопыренные уши запыльхали, как рубины. А вы думаете, ахейцы с троянцами во время кровавой сечи мадригалы друг другу пеи? Бедняга Фил пропустил такт, ведь парень, в отличие от остальных, понимал все от слова до слова!

На Илону напал бес-хохотун, и она умчалась в режиссерскую, бросив своих учеников на произвол судьбы.

В строгом смысле слова спектакль был кое-как сыгран до сцены с разоблачением Тартюфа, где легковверный муж сидит под столом и, побряхтывая, слушает, какие слова говорит «друг дома» его честной, добродетельной жене.

Так что же спасло Цветаева от смерти? Реакция Камала и национальная принадлежность Фила Папазоглу! Камал успел выскочить из-за кулис и схватить Тартюфа за «талию», а Фил, швырнув в накатывающую грозным девятым валом публику свой смычок, запрыгнул на сцену и что-то закричал на родном

зыке, продемонстрировав незаурядный лексический запас и отменные вокальные данные. Зрители-«неэллины» разобрали только пару знакомых слов, типа «идиойдос» и «имбецилос». Во всяком случае, так они их расслышали.

Партер отступил, отхлынул, но трое самых горячих зрителей по-прежнему играли с романтическим героем в игру «Перетяни Тартюфа». Ленка, в полном шоке, абсолютно утратила дар речи и не предпринимала ничего. Даже реплики свои забыла. А вот раздираемый на части Славка упорно продолжал объясняться Ленке в любви словами своего персонажа и сулил ей золотые горы. Неверов под столом уже рыдал от смеха, но его все равно никто не слышал. Зато все слышали звонкий дискант Цветаева, который просверливал шум в зале и доводил негодующую публику до белого каления.

Неожиданно на помощь Камалу пришел Марик. Сначала он принялся колотить троих самых разгоряченных зрителей дирижерской палочкой, но мальчишки только отмахивались от ударов subtilного дирижера, как мулы от укусов овода, и упорно продолжали тащить Тартюфа в партер. Тогда Марик забрался на сцену и принялся вместе с «героем» перетягивать «злодея» в другую сторону. Теперь состязались двое на троих. На сцену выскочила Подберезкина и тут же сорвала шквал аплодисментов, а потому ее слезная просьба отпустить Славку публикой услышана не была.

Наконец, из дальних рядов к сцене проследовал, как сам Аполлон (кстати, он был его тезкой), один из зрителей постарше. Аполлон пружинно-тигриным прыжком вознес себя на сцену и, повернувшись к бушующей публике, поднял руки с раскрытыми ладонями.

Постепенно зал затих, повинувшись безмолвному призыву «властителя муз». Только трое отчаянных борцов с воплощенным в лице Тартюфа злом по-прежнему не отпускали его. Аполлон метнул черные стрелы грозного взора, и борцы разом выпустили Славкины лодыжки, стянув с них, правда, и шелковые чулки, и бабушкины лакированные туфли с пряжками. Камал и Марик едва устояли на ногах, а Славка, босой, в растерзанном камзоле, как ни в чем не бывало продолжил свои посягательства на Лемешеву-Эльвиру.

Аполлон шикнул на него и обратился к залу.

– Я сам с ним разберусь!

Потом он встал между Славкой и Ленкой и отчетливо произнес:

– Эта женщина твоей не станет никогда! Она лучше умрет. Ты понял меня? Ленка захихикала, а Славка возмутился.

– Это мы еще посмотрим!

Зал взорвался отнюдь не аплодисментами. Камал и Марик быстро вытолкали упирающегося Славку за кулисы, и новой волны возмущения удалось избежать. Аполлон снова утихомирил зал своим неподражаемым жестом и обратился к Камалу:

– А ты, если еще раз свою девушку обидишь, будешь дело иметь со мной!

Одарив Подберезкину щедрой лучезарной улыбкой, Аполлон повернулся к Лемешевой:

– Дорогая, впредь не разгуливай перед мужчинами в декольте, пожалуйста. Они могут тебя неправильно понять.

Потом Аполлон шагнул к столу и, нагнувшись, извлек за шиворот Неверова. Серега все еще хохотал, хотя Аполлон держал его на весу.

– Ты досмеешься, дурень легковерный! Этот гад тебя ограбит, детей наследства лишит и по миру пустит. А жена от горя и гордости умрет. Все, спектакль окончен. Аплодисменты!

И таких аплодисментов не слышала ни одна профессиональная труппа!

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА

Блистательный дебют в Самарканде вдохновил Илону на новые замыслы. В перспективе она даже видела возможность постановки одной из пьес Шекспира. Пока же, чтобы плавно перейти от комедии к героике трагедии, решила остановиться на пьесе «Тристан и Изольда».

Илону вдохновила яркая игра Камала, и она решила, что с таким героем «Тристан» школьной труппе по плечу. Оставалось найти героиню. Воспользовавшись окном в расписании, Илона сидела в кабинете литературы и мысленно перебирала имена всех своих учениц. Андреева? Но нет, девочке не хватает взрослости, и она слишком подчинена чувству долга. Такую Изольду никакой напиток не одурманит, она заставит Тристана доставить себя королю Марку в целостности и сохранности.

Подберезкина как раз наоборот. И безо всякого напитка влюбится в странствующего рыцаря и заставит его уехать с ней куда глаза глядят. А вот кто сможет передать своей игрой внутренний драматизм образа Изольды? Кто из девчонок сможет, подобно Изольде, преодолеть неодолимое, осознать, что эта победа горше поражения, и отказаться от нее без колебаний?

Илона по разным причинам последовательно отвергла Соню Ли, Марьям Кадырову, Надю Зубову и Ольгу Сонину. Наконец, чей-то звонкий голосок отчетливо произнес в сознании Илоны: «Кругом меня цвел божий сад!»

– Ленка! – досадливо выкрикнула Илона и ударила ладонью по столу.

Да, возникла дилемма. Меньше всего Илоне хотелось отдавать роль Изольды Лемешевой! Будет с нее и Эльвиры в «Тартюфе». Хотя, если объективно, лучше Лемешевой в школе Изольду никто не сыграет. Илона еще немного подумала и отправилась на урок географии, где сейчас находился Ленкин класс. Но географию вела вернувшаяся с больничного Ираида, а о ее непреклонном характере восторженная литераторша успела позабыть.

– Кого? – удивилась географичка. – Лемешеву и Рахматуллаева?

– Да, на две минуты.

– А кто же их вызывает?

– Да я и вызываю.

Ираида холодно посмотрела в глаза Илоны, демонстративно пожала плечами, и, посмотрев на часы на руке, распорядилась:

– Лемешева, Рахматуллаев, собирайте сумки и не возвращайтесь.

– Но мне они нужны только на две минуты, а урок только начался, – удивилась Илона.

– Вот именно! И из десяти минут, отведенных по плану, я уже две потратила на этот диалог с вами, Илона Бектемировна! А потом детей еще раз отвлекут своим возвращением неожиданно понадобившиеся вам ученики! Нет уж! Забирайте их совсем! – метнула Ираида в литераторшу выразительный взгляд.

Рахматуллаев вышел первым, за ним с виноватым видом следовала Лемешева. Илона удивилась, увидев на Ленкином нахальном личике столь явно выраженное чувство вины. Потом можно будет вызнать, почему Ленка чувствует себя виноватой: кое-кто в классе охотно делится информацией с учителем, стоит только задать несколько правильных вопросов.

– Так, ладно, раз вас отпустили, – заключила Илона, – идемте в мой кабинет, там и поговорим.

Камал и Ленка на максимальном расстоянии друг от друга нехотя следовали за Илоной, дробно цокавшей каблукками.

– Входите, садитесь! – распорядилась Илона.

Рахматуллаев сел за первую парту в крайнем ряду у окна, Ленка – за первую

в третьем. Илона положила перед ними листочки с ролью и про себя снова удивилась, глядя на мрачные лица своих самых загадочных учеников. Герой и героиня? Изольда и Тристан? Да они же ненавидят друг друга! Или... не ненавидят? Атмосфера в кабинете литературы медленно начала накаляться.

Илона еле удержалась от вопроса, что между ними произошло, но решила выяснить у Пантелеевой.

– Мы ставим новый спектакль, – начала Илона, – «Тристан и Изольда». Репетиция в понедельник, после уроков. Ваши роли самые длинные, времени не теряйте. Ленка пробежала глазами строки машинописи, Камал тоже, и вдруг, будто сговорившись заранее, они одновременно встали со своих мест и положили листки на стол.

– Нет, я не смогу это сыграть!

– Я этого играть не буду!

Их голоса слились в полнозвучный гармоничный дуэт, лишний раз убедив литераторшу в правильности выбора.

– Что-о-о?! – опешила Илона. – Как это не смогу! Почему это не буду! Вы бессмертием заразились оба?

Камал и Ленка, не глядя друг на друга, стояли по углам стола и молчали.

– Да вы хоть понимаете, что это за роли? – возмутилась Илона. – Вы же даже не читали еще.

Две пары глаз, одни, темные, как ночь, другие – с изумрудным блеском, сверкнули прямо ей в глаза.

– Я читала Жозефа...

– Я читал Бедье.

– И не хотите играть?

– Я не могу, – уточнила Ленка, а Камал молча кивнул.

Илона ощутила накатившую волну гнева:

– Да кто вам позволит решать, что вы можете, а чего не можете! Взяли роли и пошли прочь отсюда!

Ленке на миг показалось, что косы литераторши сейчас прянут из ее прически и медными змеями с шипением ошеряются на нее. Камал понял, что не сможет объяснить Илоне, почему он не хочет играть Тристана, если Изольду будет играть Ленка Лемешева. Он и самому себе это объяснять не хотел бы. Камал в первый раз пожалел, что повелся на Нинкины слезки хрустальные и согласился участвовать в этом драмдурдоме! Схватив свои листки, он вылетел из класса, а Ленка все еще стояла у стола и упорно смотрела в глаза Илоне.

– Ну?

– Я не могу играть Изольду. Это героиня, а я инженерю.

– Ты будешь играть героиню на этот раз.

– Но Подберезкина обидится.

Илона возмущенно вздернула плечи:

– Ей никто не обещал роли всех героинь. Изольда – ты, и точка. И нечего меня взглядом сверлить.

– Добром это не кончит... – начала она было цитировать любимого учителя, но тут кто-то резко постучал в дверь кабинета литературы.

– Да! Войдите, – раздосадованно крикнула Илона, и на пороге возник математик в стадии белого кипения.

– Лемешева, бегом на урок!

– Но нас отпусти...

– Немедленно!

Ленка взяла листочки со стола и, осторожно обойдя математика, затворила за собой дверь. И уже в коридоре услышала:

– Илона Бектемировна! По какому праву вы позволяете себе врваться во время урока...

Ленка быстро удалилась, но на географию не пошла. Ираида не шутила, когда распорядилась не возвращаться в класс. Но вот откуда математик узнал, что Илона неосмотрительно вторглась на урок географии?

Размышляя об этом тему, Ленка брела по коридору-перемычке к выходу во двор с чинарами и фонтанчиком. Окна были распахнуты через одно, погода стояла все еще летняя, и Ленка, ощутив внезапную жажду, направилась к фонтанчику, решив подождать звонка под сенью густых, совсем еще летних, крон. И только усевшись на скамью у фонтана, она увидела на противоположной скамье Рахматуллаева. И что делать? Ленка приняла решение оставаться на месте, а он пусть поступает, как знает сам. С затаенным вздохом развернула она листки машинописи и прочла: «Нет, то было не вино – то была страсть, жгучая радость, и бесконечная тоска, и смерть...»

Ленка невольно оторвала взгляд от терзающих душу строчек и увидела пристальный, изучающий ее особу, взгляд Камала. Он смотрел так, будто видел ее впервые. Ленка внезапно ощутила, как кровь прилила к лицу и сильно заколотилось сердце. Камал быстро отвел взгляд и принялся «учить» роль, а она растерялась. В этой клятой роше Лемешева чуть ли не впервые в жизни ощутила абсолютную беспомощность. Она не знала, что ей делать, и принялась «учить» роль, пробегая взглядом строчки и не видя их, но (хитрая лиса!) не забывая прилежно откладывать страницу за страницей.

Камалу такой трюк не дался. Парень растерянно смотрел на страницу, после первой же фразы все поплыло у него перед глазами. «Тристану казалось, что живое терние, с острыми шипами и благоуханными цветами, пустило свои корни в крови его сердца и крепкими узами связало с прекрасным телом Изольды его тело, его мысль, все его желания».

ИЗОЛЬДА И ТРИСТАН

Не успела Ираида прийти в себя после вторжения Илоны, как в дверь снова постучали.

– Да! – рыкнула географичка.

В класс вошел математик и еще слова не успел сказать, ученики встали, приветствуя его. Грохот отодвигаемых стульев взвел географичку, как курок.

– Сидите! – распорядился математик и обратился к Славке. – Цветаев, отец прислал за тобой машину. Она у ворот. Только зайди сначала к секретарю, Халима Мамедовна готовит твои документы.

– Я не хочу! – выкрикнул Славка.

– Надо, – строго отозвался математик. – Приедешь на каникулы, на этудную практику тебя Юрий Иванович возьмет.

Славка вцепился в парту и надул губы.

– В чем, собственно, дело? – взорвалась, как петарда, географичка. – То Илона Бектемировне срочно понадобились Лемешева и Рахматуллаев, то вы Цветаева куда-то забираете! Сорвали мне урок, превратили кабинет в проходной двор!

Ираида, побледнев, швырнула указку на стол и отвернулась к окну.

– Извините! – повысив голос, произнес математик. – Но здесь чрезвычайные обстоятельства. Цветаева ждет борт на военном аэродроме. Его отца срочно переводят в другой округ. Слава, пойдем.

– Ты переезжаешь! – ахнула Валька Петрова и без стеснения обхватила Славкины плечи своими гибкими и цепкими музыкальными пальцами. – И ничего мне не сказал!

– Славка! – выкрикнул Неверов. – Хоть бы заранее предупредил, мы бы тебя проводили по-людски.

Класс сочувственно загудел, даже Пантелеева выразила сожаление.

Славка едва не заревел в голос. Дети, бросая виноватые взгляды в сторону застывшей соляным столпом географички, потянулись к Славке. Мальчишки жали ему руку в суровом мужском прощании, девчонки легонько касались его плеч и вихров своими невесомыми пальчиками. Валька, уткнувшись ему в плечо, рыдала взахлеб. Цветаев поверх ее головы поймал взгляд карих очей Подберезкиной и не мог оторвать от них свой взгляд. Наконец, с трудом отцепив Валькины пальцы, Славка встал, наскоро спихнул в сумку учебник и тетрадки и подошел к математику.

– Ребята! Я вернусь!

Ребята хором одобрили его намерение. Этот вихрастый кругленький мальчишка за год пребывания в их школе каким-то таинственным образом успел завоевать сердца одноклассников. Славка ушел, а математик, еще раз наскоро извинившись перед Ираидой, вышел и осторожно закрыл дверь.

Впервые в своей практике Ираида столкнулась с таким явлением, как сорванный урок...

* * *

Когда из школьных дверей на яркий свет вышел Славка Цветаев, шурясь и мигая, как соенок, Рахматуллаев призывно свистнул, Славка повернул голову и направился в рошу. Только подошел почему-то не к Камалу, а к Ленке. Тень вихрастой Славкиной головы легла Ленке на колени, она подняла голову от ненавистных листков и вскрикнула:

– Что?!

Камал сорвался со своей скамейки, и ему захотелось повторить Ленкин вопрос. Славка молча протянул ему руку, Камал машинально пожал ее.

– Уезжаю, – выдохнул Славка, – вот... Пока, народ...

– Стой! – выкрикнул Камал и только после этого заметил, что в руках у Славки папка с канцелярской маркировкой. Личное дело. Этикетка пестрела множеством штампов. Прибыл, выбыл. Славка продолжил кочевать по школам.

– Вот, документы забрал, – уже справившись с собой, сказал Цветаев.

– Почему? – спросила Ленка.

– Отца опять переводят! – вздохнул Славка. – Просил же оставить меня у деда и бабушки – так нет! Настояли... «Мама будет скучать».

Камал молча хмурился, а у Ленки глаза вдруг заблестели сильнее обычно. Славка заметил это и подмигнул Рахматуллаеву:

– А эта «американка» до сих пор должна мне три поцелуя!

Рахматуллаев засмеялся, красиво запрокинув голову, а Ленка вдруг подскочила со скамейки, роняя в пыль листки своей роли, и звонко чмокнула Славку в заалевшую щеку. Три раза, как задолжала! Камал оборвал смех, а Славка потерял дар речи.

– Вот! И ничего я тебе больше не должна, так и знай! – выкрикнула Ленка и улыбнулась.

Славка надолго затаил в памяти ее лицо в зеленоватой шероховатой тени, улыбку сквозь слезы, плеск фонтанчика и шелест рассыпающихся под ногами листков бумаги.

Камал хлопнул его по плечу и предложил:

– Пошли, провожу.

Они уходили, а Ленка смотрела им вслед и потихоньку смаргивала слезы. Славка обернулся и звонким дискантом крикнул:

– Я вернусь еще, Лемешева!

Ленка засмеялась. Уж в том, что Цветаев вернется, она несколько не сомневалась. Только его звонкого дисканта она больше не услышит. Заговорит Цветаев, вернувшись, голосом совсем другого тембра и с иными интонациями.

* * *

– Как вы могли ворваться на урок географии, Илона Бектемировна!

Он на нее кричал! Как на школьницу! Губы ее задрожали, слезы закипели на ресницах.

Что произошло потом, Илона плохо помнила. Как и когда она оказалась в мужских объятиях? Как и почему ее расплывшаяся косметика оставила следы и на платке, который он ей подсунул, и на лашканах его серо-голубого костюма из тонкого бостона? И почему она, всхлипывая и причитая, как девчонка, выплеснула ему все накипевшее за долгие годы одиночества. Он молча слушал ее, твердой рукой поглаживая растрепавшиеся медные косы. Илона боялась поднять взгляд.

– Это ты звонишь мне по телефону и молчишь, или кто-то из «конторы»? – спросил он, и она захохотала, как пятнадцатилетняя девчонка, пойманная с поличным.

– Какая же ты красивая! Илона! Ты мне в дочери годишься...

– Не гожусь! Ненавистный! Только не в дочери!

Тогда засмеялся уже он...

* * *

Ленка редко обращалась к кому-либо за советом. По разным причинам сложилась у нее такая практика в жизни – все решать самостоятельно. Но и огреть потом за этот выбор по полной. С матерью доверительные отношения не сложились. Почти обо всем можно было поговорить с отцом, но только не о том, как ей вести себя с Камалом теперь, когда им придется изображать на сцене безумно влюбленных друг в друга Изольду и Тристана. Отец крайне болезненно воспринимал даже самую мысль о каких-то особых отношениях его дочери с мальчиками.

Ленка вспомнила, как после «американки» с Цветаевым и вызова на ковер к директору отец пришел домой непривычно мрачный.

– О чем ты думала, когда соглашалась играть с мальчишкой в эти дурацкие игры?! – грянул он.

Ленка растерялась, таким видеть отца ей еще не доводилось.

– Неужели у тебя мозгов не хватило просто отказаться? Да мало ли что он мог загадать!

– Па, но он же сказал, что мне слабо...

– Да! – перебил отец. – Да, Лена, да! Надо было так и сказать, что тебе слабо играть с дураками в дурацкие игры! Хорошо, хоть догадалась выкрутиться с этим жуком... И нечего глазами хлопать! – продолжал возмущаться отец, а до Ленки медленно стало доходить, что он возмущен совсем не тем, чем должен был, по ее мнению, возмущаться.

– И этот еще подпол – хорош гусь! Породниться он со мной собрался! Разлетелся, как же!

– К-к-то? Подпол?

– Подполковник ВВС Цветаев!

– Породиться с тобой? Это как? – удивилась Ленка, ее мысленному взору представилась картинка, как ее и Славкин отец в глубине пещеры в свете костра братаются на крови, подобно карбонариям.

– Как породниться? А ты не догадываешься? Один шелкун армейский увез сестру в какой-то Кечкемет к чертям на кулички! Теперь еще и дочь за будущего командира засватали!

– Кого засватали? Меня засватали? – еще больше удивилась Ленка. – За какого командира?

Теперь ее воображение услужливо представило ей стройного молодца комкора в форме и португее, пахнувшей кожей, и почему-то рядом с норовистым гнедым скакуном.

– За Славку Цветаева тебя засватали! Подпол видит будущее своего сына только в армии. А мне что-то не хочется, чтобы и ты провела жизнь в скитаниях по армейским казармам.

До Ленки, наконец, дошло, чем именно был возмущен отец, и она звонко расхохоталась. Отец, глядя на нее, тоже заулыбался.

– Где же твое чувство долга, па? Кто же будет воспитывать новое поколение командиров, если отцы запретят дочерям выскакивать за лейтенантов?

Улыбка мигом слетела с лица Александра Лемешева, но Ленка расхохоталась еще звонче, и он перевел дух.

– Я твоих шуток, лиса негодная, иногда не понимаю.

«Лиса негодная» – это было единственное ругательство отца в адрес дочери, и оно неизменно веселило Ленку.

– Торжественно клянусь, па, если я и выйду за командира, то это точно будет не Славка. Так что зря твой подпол утруждал себя сватовством, – заверила Ленка отца, но Ленкина клятва почему-то его не успокоила...

* * *

Перебирая с утра листки ненавистой роли, Ленка вспоминала прошлогодний разговор с отцом и пришла к выводу, что лучше не посвящать отца в свои проблемы, но вот что бы мог посоветовать ей отец чисто теоретически? В тот раз запоздалый совет отказаться от «американки» с идиотом и не вестись на «слабо» был вполне дельным. Заболеть, что ли? Чем бы?

– Па! У меня этот... как его... ринит!

– Да ну? Тогда сходи в ванную и высморкайся, – отец удивленно пожал плечами и вернулся к своей газете.

– Но это же надо сначала в поликлинику. Вдруг чего не так?

– Сегодня контрольная по физике? – ненавязчиво поинтересовался отец.

– Да говорю же, ринит.

– Не морочь мне голову! У тебя сухой нос! Какой еще ринит?

– Нос? А при чем тут нос?

Отец расхохотался, глядя, как Ленка озадачено трет свой нос.

– Когда в следующий раз вздумаешь симулировать, полистай медицинский справочник, – посоветовал отец дочери.

Медицинский справочник был в домашней библиотеке единственной книгой, к которой Ленка даже не притрагивалась.

– Ага, и обнаружу у себя весь список, кроме родильной горячки...

– Так, хорошего понемножку, – заключил отец. – Ступай в школу!

* * *

«Хоть бы эта Лемешева додумалась притвориться больной и прогуляла с недельку! Может, Илону тогда черти надоумят ставить какую-нибудь еще пьесу или отдать роль Изольды Нинке?»

Камал давно изменил свой ежедневный маршрут в школу. Теперь он подходил к школе со стороны футбольного поля. Там в заборе около огромной орешины неизвестный умелец отогнул в ограде один прут. Но и Ленку черти туда же принесли! В общем, Тристан и Изольда столкнулись нос к носу на узкой дорожке именно потому, что оба изменили маршрут, чтобы избежать случайных встреч. Камал вздрогнул от неожиданности, но Ленка, которая заметила его появление парой секунд раньше, успела отвернуться и как ни в чем не бывало просочилась сквозь узенькое отверстие в ограде. Камал, помедлив полминуты, тоже протиснулся боком. Он шел следом и, набравшись решимости, собрался окликнуть свою ненавистницу, но вдруг опять забыл, как это – произносить звуки. «Лена», – произнес Камал, но, как в детстве до встречи с фониатром, беззвучно. А девочка убежала в сторону парадного входа. Он знал, Ленка на бегу ни разу не оглянется, она никогда не оглядывается, да и нет ей никакого дела до того, идет кто за ней следом или нет. «Лиса негодная, негодная лиса», – продолжал, беззвучно шевеля губами, твердить Камал. А ноги сами несли его по «лисьему» следу.

Лемешева летела от злополучной орешины, как от лесного пожара. Чутким ухом она слышала шаги Рахматуллаева и всей кожей ощущала на себе его пристальный, изучающий взгляд. Ох, вот только бы не запнуться! Волейбольная площадка, прыжковая яма с намокшим песком... Неужели ночью был дождь? Ленка ступила на асфальтовую дорожку, по периметру обгивавшую здание школы, еще чуть-чуть – и виноградные шпалеры закроют ее от глаз преследователя. Слева от дорожки, за густой зеленой изгородью, благоухали розы. С этой, северной, стороны школы усто Халил высадил самые неприхотливые сорта.

– Лена, не торопись, звонок еще не скоро! – внезапно окликнул ее садовник.

– Ой, здравствуйте, Халил Азизович! Я вас не сразу заметила, – ответила Ленка, приостанавливаясь.

– Я сегодня розы обрезаю, тебе какие черенки отложить?

– А можно белые?

– Белые так белые. Положу на карниз под окном в музыкальной комнате.

– Спасибо! – ответила Ленка и помчалась дальше как подстегнутая.

Садовник немного удивился: летит куда-то, как будто за ней погоня... «А, вот и погоня!» – улыбнулся садовник, когда над зеленой изгородью показалась унылая физиономия Камала.

– Эй, джигит, девушка любит белые розы. А во внутреннем дворе они как раз и растут. Во время обеда там их никто не видит, все кушать уходят.

– Какая девушка? – растерянно спросил Камал после такой подробной инструкции.

– Сам знаешь, если не дурак, – лукаво прищурился садовник.

Камал уныло кивнул и пошел дальше.

* * *

– Да что вы оба как деревянные! Неужели тебе не ясно, Рахматуллаев, Тристан только думает, что он обманывает Изольду, на самом деле он в первую очередь обманывает себя. А ты, Лемешева, ты ведь им спасена от жуткой доли! И ты исцелила его, тоже спасла, а потом узнала, что он кровный враг.

Твое чувство сложное. Здесь и благодарность, и сострадание, а долг принуждает тебя его ненавидеть! Но ты, вопреки всему, любишь Тристана, только не позволяешь себе это осознать! Понятно? И это не значит, что ты должна разговаривать с Тристаном, как с мебелью!

– Илона Бектемировна, я же говорила вам, что я не героиня, я инженерю.

В темных глазах Камала блеснула искорка надежды. Вдруг Ленке удастся убедить Илону?

– Нет, нет и нет! – выкрикнула Илона.

– Может, тогда вам героя сменить? – неуверенно предложил Камал.

– Еще чего скажешь? Да Тристан будто с тебя писан. Взяли свои роли и на подиум! Сцена в саду у лавра, когда они оба заметили Марка в засаде.

– Госпожа моя, не знаю за что, но король мой ненавидит меня лютой ненавистью, уеду я из Корнуэльса в королевство Логрийское, – с неподдельной мукой в голосе проговорил Камал.

– Не уезжайте, король скоро взглянет на вас не так, как смотрел до сих пор, и сменит гнев на милость. Стыдно храброму рыцарю столь поспешно покидать эту землю из-за наветов завистников им на радость. Они, торжествуя, решат, что вы уезжаете из страха и по недостатку мужества. А тем временем судьба может перемениться, и благая мысль надоумит вас, как вам быть дальше, – ошутив внезапное головокружение, ответила Ленка.

– Госпожа моя, встретимся ли мы еще? – произнес Камал пересохшими губами, а в бездонной глубине его черных глаз плескалось такое неподдельное отчаяние, что Ленка похолодела.

– Клянусь честью, конечно, – отозвалась она, ошутив мороз по коже от этой клятвы.

Пауза тянулась и тянулась. Тристан и Изольда только взглядами могли касаться друг друга, зная, что из засады за ними наблюдает ревнивый король и тетива его тугого лука в любой миг может пропеть кому-нибудь из них погребальную песню.

– Та-а-к... Это что же вы здесь репетируете? – внезапно пресекла мученья Ленки и Камала неизвестно откуда взявшаяся Руфина.

Камал обернулся на голос завуча и успел заметить, как мелькнул в полутьме коридора за приоткрытой дверью знакомый пухленький силуэт. «Ага, Пантелеева! Вот уж не знаешь, откуда оно придет, твое спасенье!» – успел подумать Тристан и тут же уловил чутким ухом, как перевела дух его Изольда.

– «Тристана и Изольду», – ответила Илона так спокойно, будто они репетировали речевку к майским праздникам.

– Илона Бектемировна, – вкрадчиво промурлыкала Руфина, прищутив свои оливковые кошачьи глазки, – мне надо с вами посоветоваться, пройдемте в мой кабинет.

Даже самый наивный кишонок в этой школе отлично знал, что на деле означают такие ласковые приглашения в кабинет завуча. Илона, не зная за собой вины, пожала плечами и двинулась к выходу. Но Руфина отточенно-выверенным жестом руки с выпрямленной ладонью остановила ее.

– И вирши эти ваши захватите.

Ленка и Камал чуть не сбили друг друга с ног, кинувшись навстречу протянутой за «виршами» руке Илоны. Педагоги удалились в напряженном молчании, а Камал легко спрыгнул со сцены и подал руку Ленке. Та от растерянности приняла ее, легонько коснулась невесомыми пальчиками распахнутой ладони парня и тоже соскочила на пол. Но сели они все же через пару кресел друг от друга.

– Как думаешь, – решил я первым прервать их обоюдное молчание Камал, – премьеры состоится?

– Ну, теперь вряд ли... – покачала головой Ленка.

Камал откровенно засмеялся, а она только улыбнулась – затаенно, из-под ресниц, любуясь несостоявшимся Тристаном.

ШИПЫ БЕЛЫХ РОЗ

Ленка летела домой абсолютно счастливая. Тягостная необходимость играть Изольду, когда Тристана играл Камал, похоже, миновала. В актовый зал Илона так и не вернулась. И теперь, после того как Камал первым заговорил с ней, у Ленки словно камень с души свалился. С ним, оказывается, можно общаться так же легко и непринужденно, как с любым другим одноклассником. Во время ожидания к ним присоединилась Пантелеева. Уныло сопела в последнем ряду и колупала спинку кресла перед собой.

– Пожалуй, Илона уже не придет, – наконец сказал Камал. – Репетиция отменена, роли учить тоже не нужно – листки забрали на цензуру...

– Думаешь, после цензуры все опять начнется? – встревожилась Ленка и впервые прямо взглянула ему в глаза.

Камал выразительно приподнял брови и покачал головой. Ленка улыбнулась и перевела дух. Потом они, непринужденно болтая, пошли под бдительным оком Пантелеевой к выходу. В фойе они одновременно сказали друг другу:

– До завтра!

– Пока!

Ленка отправилась к «парадному выходу», а Камал – к боковому. Пантелеева во время их короткого прощания заметалась между гипсовыми статуями, не зная, за кем следовать. Потом все же отправилась за Камалом. Дойдя уже до перекрестка, Ленка спохватилась:

– Черт! А черенки! Черенки белых роз, оставленные усто Халилом на карнизе окна в музыкалке! – повернулась и помчалась обратно.

Никем не замеченная, Лемешева вернулась в школу и быстро прошла в музыкалку. Черенки роз, завернутые в старую газету, лежали на жестяном карнизе за окном. Она открыла окно и схватила сверток, забыв о шипах...

Отдернув исколотые пальцы, Ленка с досадой увидела, как сверток плавно сполз с карниза и шлепнулся вниз, на отмостку фундамента под стеной.

Придется спускаться во дворик. Подобрал сверток, она осторожно уложила его уже на подоконник и собралась было подтянуться на руках и влезть в музыкалку обратно, но внезапно отскочила заколка, стягивающая волосы в одном из двух хвостов. Где она там? Ага, вот! Лежит себе смирененько прямо под окном в учительской.

Только Ленка захватила пальцами заколку, как она, будто заговоренная, выскользнула из рук и улетела в траву под кустом роз. Да что же это такое! Теперь следовало действовать осторожно: из окна учительской ее могли заметить. Ленка прислушалась в надежде определить, есть ли кто там, и до нее донеслись звуки чьих-то сдавленных рыданий. Рыдала, конечно, Илона. А если Илона застывает свою ненавистную противницу под окном?!

Хлопнула дверь, в учительскую кто-то вошел стремительным шагом.

– Илона!

– «Математик», – обреченно вздохнула Ленка, только его здесь не хватало!

– Кто? Кто посмел?

Ого, как оказывается их невозмутимый математик умеет звучать! Лев рыкающий!

– Отстань, ненавистный!

Ленка обомлела: да они на «ты»?

– Скажи немедленно!

– Руфина запретила спектакль, – плачущим голосом пожаловалась литераторша. – Видите ли, Лемешева и Рахматуллаев в роли Изольды и Тристана взорвут мир!

Математик захохотал, а Ленка, чтобы не подслушивать дальше, попыталась отползти от окна учительской, махнув рукой на свою заколку. Не тут-то было! Ноги затекли!

– Ты точно не в себе, Илонка! – застонал математик, прервав смех. – Ленка и Камал в этой пьесе! Да вы точно устроили бы светопреставление!

– Да почему? – возмутилась Илона.

– А еще литературу преподаешь! Да неужели ты не видишь, каково этим двоим в одном пространстве? Насколько им обоим и горячо и солоно!

– Да что ты выдумал, извращенец? Они же дети!

– Дети? А ты себя в их годы помнишь? Да я бы на месте Рахматуллаева за такую провокацию тебя вообще прикончил! Как он, по-твоему, должен играть опьяненного любовью Тристана с девчонкой, в которую влюбился по уши с первого взгляда!

– Глупости! – выкрикнула Илона. – Они даже не общаются!

– Вот потому и не общаются, дурочка моя! Много мы с тобой общались до недавнего времени?

Ленка под окном в ужасе закрыла глаза. Господи! Да за что ей это все? Спасенье пришло неожиданно. Руфина заглянула в учительскую, вызвала к себе Илону еще раз, а математику передала, что его ждет директор. Учительская опустела.

Ленка прокралась к музыкалке, влезла в окно и первым делом плотно его закрыла. А чтобы никто не ворвался и не увидел, что на Ленке лица нет, она просунула в дверную ручку ножку стула, заперев дверь.

Ленка сидела перед инструментом на круглом вращающемся стульчике и созерцала свое отражение в полированной поверхности. Слезы хлынули внезапно. Слова математика жгли ее изнутри, жжение подкатывалось к векам, слезы лились прямо на полированную поверхность, горячие, соленые. «Горячо и солоно»!

Камал влюблен в нее? А она? И ей вдруг открылось, что чувство, которое она упорно подавляла в себе, вовсе не неприязнь! Ленка чуть в голос не зарыдала от этого своего открытия. И теперь единственным ее желанием стало оказаться на необитаемом острове и вырваться всласть.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем Ленка пришла в себя. Она вытерла глаза, стянула с шипением разозленной кошки оставшуюся заколку и расчесала волосы. Придется идти домой так, простоволосой...

* * *

Ленка и Камал встретились в заколдованной роше чисто случайно. Она наклонилась к фонтанчику, а Камал тут как тут. Ленка оторвалась от фонтанчика, и в тот же миг Камал опустил в воду кусочек коры чинары. А еще этот иезуит как бы невзначай прижал своей ладонью к краю мраморной чаши ее тонкие пальцы. Сомнений быть не могло: именно так, на глазах у пыхтящей за спиной героя Пантелеевой, он объяснился своей ненаглядной. Намекнув на условный знак Тристана и Изольды. Так, бросая в ручей кусочки коры, Тристан извещал свою любовь, что уже ждет ее в условном месте.

– Хочешь пить? – спросила Камала Ленка.

– Очень, – протяжно ответил он, глядя ей в глаза.

Ленкины пальчики скользнули по краю мраморной чаши, убегая от его ласки. Камал легонько погладил их на прощанье и снова улыбнулся. Ленка ушла из-под платановых крон в небывалом смятении. Как с этим теперь жить? Еще и первый урок сегодня – литература у Илоны, с которой математик неожиданно поделился своим открытием о том, почему Ленка и Камал избегают общения...

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Солнечным субботним утром Юрий Иванович назначил своим ученикам рандеву на конечной остановке автобуса номер восемнадцать. При себе велено было иметь этюдники и бутерброды. Ребята загрузились в автобус и привели в веселое недоумение водителя.

– Это куда вы все такой гурьбой?

– На этюды.

Ребята десантировались на нужной остановке, прошли сотню метров вперед, свернули налево и спустились к реке. Река отражала кроны плакучих ив всех оттенков желтого, полоскавших свои косы в реке. Там, где ветви соприкасались с поверхностью воды, течение расчерчивали параллельные «ёлочки».

– Твид! – воскликнула Ленка.

– Что? – спросил мрачный Азаров, плетущийся на шаг позади.

– До меня вдруг дошло, почему так называли ткань.

– И почему?

– Так она в «ёлочку»!

Через реку художники прошли по звонкому мостику, обшитому листами нержавеющей стали. Поверхность моста отражала высокое небо с редкими облаками. За мостом пыльная дорога вела к высокому холму в форме срезанной пирамиды, а направо плавно перетекала в сельскую улочку с глинобитными домами и разноцветными пестрыми кронами деревьев. В мае на крышах цветут маки, вспомнила Ленка. Она уже бывала здесь. Большой холм со срезанной вершиной («тепе») – остатки древней крепости. В рельефе еще и сейчас можно было угадать оплывшие остатки крепостных стен с бойницами. К полям за поселком от реки были проведены извилистые арыки. А на горизонте в легкой дымке голубели снежные горы.

– Вот! Такое вы видели? – торжественно обвел всю панораму широкой распахнутой ладонью художник.

– Высший класс, Юрий Иванович! – отозвался Веденеев.

Коричневый ослик с темной полосой по хребту, запряженный в арбу с огромными деревянными колесами, прощол по мостику. Мальчишка-погонщик бежал за ним, спотыкаясь и оставляя в рыхлой мучнистой пыли следы босых ног. На бегу он поздоровался, ребята ответили ему дружным хором.

– Приступайте! – скомандовал преподаватель. – В полдень встречаемся вон там – он указывал за реку. У самого моста над рекой была устроена дощатая платформа с дастарханом. Серебристо-серые, выгоревшие от времени доски оттенялись лимонными и золотисто-охристыми кронами ив, отражавшихся в воде. Настил с дастарханом необычайно уютно смотрелся в таком обрамлении.

– О! Вот его я и буду писать, – заявил Юрка Веденеев.

Ленка не раздумывая рванула к холму с явным намерением штурмовать крепость. Марьям тоже нацелилась на холм, но преподаватель тут же ее намерения пресек.

– Кадырова! Пойдем-ка, я тебе чего лучше покажу!

– А что именно?

– Там, за поворотом улочки, в поселке, настоящий хауз, окруженный ясеними. Опавшая листва островами лежит на воде, кроны по берегам – залюбуешься!

– Ой, а мне с вами можно? – заранее восхитилась видом Лёка.

– Можно, пошли.

Вслед за Ленкой, никого не спросив, отправился на холм Азаров. При этом он на пару шагов опередил Камала, которого Ольга Сониная попросила открутить тугой винт на этюднике. На срезе холма Ленка уже установила свой этюдник и начала писать, а Азаров упорно карабкался по крутому склону.

– Пойдем к чигирям? – неожиданно предложила Камалу Ольга.

Остальные разбрелись по берегу реки, по арыкам, по тихим улочкам с глинобитными стенами. Оригинал Маринин устроился посередине моста.

Ленка с крепостной стены залюбовалась открывшейся панорамой и сразу же вспомнила понятие «обратная перспектива». С холма все планы – с первого до последнего – выглядели как на восточной миниатюре. До вершины как раз добрался Азаров.

– Смотри! Суслики! – не постеснялся выразить свой восторг Азаров.

Ленка невольно обернулась. Холм в середине разделяла глубокая ложбина, а за ней целая колония сурков устроила себе городок. Сейчас толстошекие пушистые красавцы торчали столбиками над своими норками и грелись на утреннем солнышке. В небе плавно нарезал круги ястреб, поэтому сурки далеко от своих норок не уходили.

– Красавцы! – продолжал восторгаться сурками Леха. – Чуть не с кошку!

– Тогда скажи им «кис-кис», – съязвила Ленка и повернулась спиной к суркам, лицом к обратной перспективе.

Между чигирями, на хлипком мостике, переброшенном через арык, балансировала Сониная. Из последних сил удерживая равновесие, Оля заслоняла глаза рукой от блеска переливающейся через лопасти воды. Камал бросился на помощь однокласснице, как будто той грозила смертельная опасность. Ленка сразу же вспомнила, какова Ольга на гимнастическом бревне, и хмыкнула. Камал обнял Ольгу, и она томно повисла на нем, изогнув лебяжью шею. Налетевший ветерок каскадом взвихрил Ольгины соломенные пряди и забросил их в лицо рыцарю.

– Обратная перспективка, однако! – вырвалось у Ленки.

Чудак Леха все еще любовался сурками, сюсюкал и причмокивал.

– Кис-кис! – еще раз подсказала ему Ленка.

– Думаешь, поможет?

Леха, не оглядываясь и на ходу разворачивая свой бутерброд, стал спускаться в ложбину с явным намерением покормить «сусликов». Ленка снова повернулась к своей «обратной перспективе». Камал на руках нес по мосткам сомлевшую Сонину.

– Княжна, блин-н-н, Мэри! – пробормотала обозленная Ленка.

Но работа есть работа. Ленка принялась писать маслом эту обратную перспективу и запечатлела на холсте все: глинобитные домишки поселка с плоскими крышами в шетине сухой травы, кроны деревьев и их отражение в реке, забытую тарзанку на громадной орешине, опасно нависшей над рекой, облака в небе и облака в реке, горы на горизонте и даже ослика с арбой, нагруженной связками стеблей хлопчатника. И босоногого мальчишку-погонщика, и Маринина с этюдником на мосту, и даже тот настил, где назначил им рандеву художник.

– Они все время убегают в свои норки, как только я приближаюсь, – пожаловался вернувшийся «натуралист».

– Что же ты хочешь, это дикие сурки, – ответила ему Ленка, уже почти спокойно наблюдая, как Сониная и Рахматуллаев отправляются под укрытие свисавших до земли ивовых ветвей.

– Сурки? А я думал, суслики!

– Без разницы, суслики бы тоже от тебя сбежали.

– Ух ты! Это когда же ты успела? Ну ты и автомат!

– Масло, не акварель. Это кроющая краска. Никакой тебе лессировки, пиши в свое удовольствие, – пояснила Лемешева причину бойкости своей кисти.

– Какая же ты к-к-рутая, Ленка! – с явным упреком в голосе заявил Леха. – Любому мужику с тобой будет тяжело...

– Ладно, – неожиданно для Лехи согласилась Ленка. – Пускай этому мужику будет легко.

– Ленка, – голос Лешки надломился, как сухая травинка. – Ты с Камалом или... нет?

Лемешева от изумления чуть не выронила кисть.

– Что-о-о?

– Ответь, по-человечески прошу...

Она с минуту смотрела на Леху, которому удалось поразить ее как никогда прежде. Парень все прочел в ее изумленном взгляде.

– Ладно, не страдай... понял. С ним или без него, для меня это ровным счетом ничего не изменит. Не суслики, так сурки...

КАКИЕ ЖЕ ВЫ ТАЛАНТЛИВЫЕ, ДЕТИ!

Математика вызвали в... «контору». И началось!

– Ведь вы же фронтовик, участник Сталинградской битвы, коммунист!

– У меня там сыновья. Если бы можно было ездить к ним, навешать и обратно возвращаться...

– Ну, это вы даже не мечтайте! Обратной дороги не будет.

– У меня там дети, я их почти пять лет не видел...

– Ладно, вот ваши документы, окно – месяц. Советую поторопиться. Награды, – сотруднику КГБ эта фраза далась не без труда, в горле застряла, – награды сдайте.

* * *

– А там Моисея Семеновича из партии исключили! – принесла новость в класс Пантелеева. Ее пухленькие щечки отдышливо бугрились и крохотные глазки сверкали, как глянцевые бусинки. – Он на ПМЖ в Израиль уезжает. Илона его предателем родины назвала. Так кричала, что мне аж уши заложило.

– Что?! – Лемешева выпустила из рук подрамник с натюрмортом. – Врешь!

– И нисколько не вру! Можешь сама туда сходить, они уже проголосовали, но еще не разошлись, кричат как ненормальные. Кворум был, большинство «за»! Исключили.

– Кворум! – заорала Ленка, теряя контроль над собой. – Да кто они такие! Математика в партию в сорок втором году на Сталинградском фронте принимали. Вот те бы и исключали!

– Лемешева, заткнись! – заорал Веденеев и указал кивком на распухшую от информации Пантелееву. – После выскажешься.

– После, Юран? А чего после-то? Прямо сейчас схожу туда и выскажусь! Без купюр. Где, говоришь, Пантелеева, этот кворум твой заседает? Пойду поднаберусь у старших товарищей ума, совести и чести, пока их эпоха не накрылась медным тазом!

Юрка заржал, а Камал заступил Ленке дорогу и еле выговорил:

– Лена, они ничего все равно бы сделать не смогли. Это известная процедура. Все, кто уезжает на ПМЖ в капстрану...

– Да знаю я! Менее тошно оттого, что это известная процедура, не становится!

Пантелеева бочком по стеночке прокралась к двери мимо бушующей Ленки и выскользнула в коридор. Камал заметил ее маневр и мигом сообразил, к чему он приведет.

– Веденеев, не выпускай Ленку, если надо за косу к парте привяжи!

Парень выскочил в коридор вслед за Пантелеевой и немного удивился: ее уже не было видно. Когда успела? Камал перешел на бег. Доносчицу нужно было перехватить во что бы то ни стало!

* * *

В классе атмосфера накалилась. Как оказалось, никто, кроме Ленки, не знал, что их математик – фронтовик и участник Сталинградской битвы.

– Да с чего ты это взяла? – изумлялась Лёка. – Он такой молодой!

– Он учился в той же школе, что и мой отец. Там в музее стены с биографиями фронтовиков школы!

– А что же ты раньше молчала? Мы его даже не поздравили ни разу!

– Я всегда поздравляла и подписывала открытку «Ваши ученики», – призналась Ленка.

– А нам-то почему не сказала?

– Не знаю, – пожала плечами Лемешева. – В голову не приходило, что вы не в курсе.

– Балда!

– Еще какая, – с горечью согласилась Ленка.

* * *

Рахматуллаев Пантелееву не увидел в коридоре и не догнал по одной простой причине. Она укрылась от его зоркого ока в соседнем кабинете. Наташка с горящими глазами влетела в кабинет Илоны и, увидев ее сидящей за столом, с места в карьер понеслась.

– А Лемешева сказала, что те, кто его в Сталинграде принимал, пусть бы они и исключали, а вы все олени ездовые, а не коммунисты! Правда-правда!

Кто-то засмеялся, Наташка оглянулась и обомлела: под портретом Николая Островского с его знаменитой цитатой про жизнь стоял математик.

– Ой! Я вас не заметила...

Математик взглянул в лицо Пантелеевой, и она мигом потеряла дар речи. Затем он медленно склонил голову, почти поклонился Илоне и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Даже тупая Пантелеева поняла, что математик попрощался с Илоной навсегда. Как-то по-особенному попрощался.

– И-и-лона Бе-бе...

– Что тебе еще, Наташа? Что ты носишь все эти сплетни туда-сюда, как сорока на хвосте, а? Ты помнишь Рому Полетаева? Ты знаешь, как он погиб? Тоже какая-то сплетница разнесла по околотку, что его завербовал участковый, и погубила паренька своим длинным языком.

– Это не я!

– Конечно не ты, – поморшилась Илона. – Но кто-то ведь сдал парня бандитам. И он погиб. Иди и никому не передавай слов ни Лемешевой, ни Рахматулаева, ни Веденева. Они твои одноклассники и ничего плохого тебе не сделали.

* * *

Наташка вышла из кабинета литературы в светлый и теплый весенний день, как в студёный декабрь. Озноб пробирал до костей, зубы буквально стучали. Она долго сидела под чинарами, выбрав скамейку, прогретую солнцем, слушала плеск фонтана и стучала зубами, пробираемая дрожью от замогильного холода.

– Это не я, – шептала беззвучно Наташка. – Это не я...

Соседский мальчишка со странным именем Шнырь подловил тогда Наташку в подъезде и спросил, к кому приходил участковый. И она, захлебываясь от восторга, пересказала ему подслушанный под дверь разговор участкового с Ромкой. Слово в слово. Шнырь недобро блеснул белесыми холодными глазами и злобно прошипел ей:

– Стуканешь кому, о чем я спрашивал, кишки заточкой выпущу.

И исчез из ее жизни. Хоть бы навсегда! Никто не знает и не узнает никогда...

– Это не я... – клялась Наташка Пантелеева мраморному фонтанчику, всевидящим чинарам и белым скамейкам, клялась школьному двору, где еще так недавно раздавался Ромкин смех и звучал его голос...

* * *

Математик вошел в класс незадолго до начала просмотра. Художники не знали, как реагировать на его появление. Он обходил класс и восторженными синими глазами с улыбкой, которая так редко появлялась на его губах, рассматривал работы. Задержался у Ленкиной выставки. Одноклассники молча толпились неподалеку.

– А я вот у вас на просмотрах никогда не был, – задумчиво сказал математик. – Какие же вы все талантливые, дети!

Потом он ушел. Ушел навсегда из жизни своей школоты.

«ДОН ЖУАН» ИЗ ЛАМАНЧИ

После отъезда математика Ленка впала в депрессию. С тоской глубокой и страстью мятежной сидела она на уроке литературы и абсолютно не слышала того, что говорила у доски Илона. Может быть, впервые в жизни Лемешева на уроке не слышала учителя. Но вот Илону опять понесло. Возвысив голос и запрокинув голову, она принялась воспроизводить свою филиппику на партсобрании, и тут-то у Ленки слух прорезался.

Не помня себя от гнева и ярости, она сорвалась со своей камчатки без вызова к доске и в мгновение ока оказалась перед Илоной, зашедшейся в истерической патетике.

– Это вы о ком? Это вы о Моисее Семеновиче сейчас такое сказали?

Ленку заколотило, а Илона впервые в жизни испугалась своей ученицы.

– Да как же вы можете! Вы нас с пеленок учили добру и человеколюбию. Да кто вам после такого поверит!

– Сядь на место! – крикнула Илона.

– Никогда! Никогда я больше не сяду на место в вашем классе! Ноги моей здесь больше не будет!

– Лена! – вскрикнула Илона. – Ты не понимаешь! Он преда...

– Нет! Он – нет! А вот вы – да! Вы его предали... Вы и остальные.

Ленка бы не остановилась, если бы Камал Рахматуллаев не перехватил ее поперек талии, легко оторвав от земли, и не вынес, как куклу, из класса.

– Извините, Илона Бектемировна, она не в себе... У нее истерика!

Ленка отбивалась от Камала, но силы были уж очень неравны.

– Отпусти, Камал, ты-то чего наехал! – закричала Ленка уже из коридора, и одноклассники нервно засмеялись.

– Вы, может быть, тоже считаете, что я не права? – коброй взвилась над своими учениками Илона.

– Да, мы так считаем, – спокойно ответил Веденеев. – Никакую родину Моисей Семенович не предавал. Это родина его предала.

– Что?!!

– Юрка прав, Илона Бектемировна. Свобода перемещения – это одно из основополагающих прав человека, – добавил Неверов.

– Да вы вообще представляете, о чем говорите?

– У математика родина – небо, – сказала Лёка Андреева, и возражений против этого аргумента у Илоны не нашлось.

* * *

– Отпусти меня, верста ты коломенская! Справился, да?

Камал с трудом удерживал извивающуюся Ленку.

– Только не вздумай рвануть обратно! Поклянись, что не помчишься к Илоне.

– Да сто бы лет мне ее не видеть больше!

Камал осторожно поставил девчонку на пол, но на всякий случай преградил обратную дорогу.

– Ну? Чего уставился?

– Ты взбесилась, что ли, такое Илоне говорить! Тупица! Они же любили друг друга!

– Да неужели? Ах как романтично! Кого люблю, того и бью!

– Тебе лучше знать, – мрачно усмехнулся Камал.

– Что это мне лучше знать? – взбеленилась Ленка. – Ты на себя бы взглянул. Дон Жуан из Ламанчи! То один романтический герой воспарит, то другой высунет нос. Смесь бульдога с носорогом!

– Кто я? – рассвирепел Рахматуллаев, и Ленка мигом осознала, что пора делать ноги...

Как в детстве, она неслась по коридору без оглядки. Судя по звуку стремительных шагов, Рахматуллаев неуклонно сокращал дистанцию между ними. Он неизбежно настиг бы ее, но тут в их забег внезапно вмешалась третья сила.

Юрий Иванович пришел за час до начала занятий и направлялся преспокойно в кладовку, служившую в школе фондом ученических шедевров, намереваясь просмотреть папки с композициями своих учеников, чтобы определить темы дипломных работ на будущий год. Впереди лето и последняя в этом классе этюдная практика. Возможно, кому-нибудь понадобится пленэр, нужно определить какой и где. И в миг неторопливых размышлений его чуть не сшибла с ног летевшая невесть куда ученица. Юрий Иванович устоял и, мало того, поймал девчонку на лету. Рахматуллаев с трудом затормозил в одном шаге от них.

– Чего это вы вздумали в горелки играть? – удивился художник. – Камал, у тебя-то мозги вроде в наличии, чего ты за этой полоумной гоняешься?

– Отдайте ее мне, Юрий Иванович! – взмолился Камал.

– Шас прям! – радостно заулыбался художник. – Так вот и отдал, как же!

Сам лови.

– Я ее уже почти поймал! – возмутился Камал.

– Почти! – радостно согласился художник.

– Вы бы знали, что эта змея сделала со мной!

– Да? Интересно. Неужели что-то новое изобрела?

Ленка фыркнула и презрительно усмехнулась. Ошиблась, не рассчитала немного. Художник, увидев вытянувшуюся физиономию Камала, внезапно переменял свои планы и перекинулся на сторону парня.

– Ладно, держи, не зевай!

Камал выхватил из рук учителя нежданную добычу, перекинул, как мешок с овсом, через плечо и поташил под лестницу.

– Юрий Иванович! – вскрикнула до глубины души изумленная Ленка. – Вы меня предали!

Художник захохотал, а Камал, злорадно ухмыляясь, притиснул строптивую к стенке и многообещающе изрек:

– Ну что, Лемешева, поговорим, наконец?

* * *

Сквозь тонкую фанеру, вставленную вместо стекол в двустворчатую дверь пожарного выхода под лестницей, сеялись лучи яркого солнечного полудня. Столбики пылинок плясали в этих лучах. Слева – дверь в подсобку в цокольном этаже. Там, за дверью, худфонд школы. На стеллажах папки с акварелями и рисунками, подрамники с холстами, отдельно дипломные работы. Сливки всех просмотров, маленький музейный фонд. Ленкиных работ там немало, а уж Рахматуллаевских вообще не счесть. Ленка упорно смотрела в пол, не обращая внимания на пристально изучающий взгляд миндалевидных карих глаз напротив.

– Так что, поговорим? – повторил Камал и вновь попытался добиться ответного взгляда, чувствуя подкатывающее отчаяние. Нет, не смотрит она! – Деревяшка! – презрительно процедил сквозь сохнувшие губы непризнанный герой-любовник. – И Подберезкина туда же! Обе-две недоступные Татьяны Ларины!

– Не все коту творог, когда и мордой об порог, – ответила Ленка поговоркой бабушкиной соседки Лукерьи и сорвала бедного героя с резьбы.

– Я т-т-тебя прямо вот здесь и сейчас в... творог, подлянка! – рассвирепел успокоившийся уже было герой.

Ленка невольно рассмеялась, и герой пошел в атаку: крепче сжал тонкие запястья своей противницы и притиснул ее к стене, прильнув всем телом. Не имея возможности сделать вдох, Ленка невольно взглянула в лицо Камала. Такое близкое и такое запретное, такое знакомое и так старательно искореняемое из памяти вот уже год! Камал, перехватив ее взгляд, сразу все понял и улыбнулся. Ленка закрыла глаза.

– Поздно, – невольно срываясь на ликующий шепот, констатировал Рахматуллаев. – Можешь больше не притворяться, не обманешь.

– Отпусти, ненавистный.

– Не вырвешься, не выпущу больше. Уймись, бестолковая! Доведешь до беды...

Девчонка отчаянно вырывалась из крепких, просто каменных, рук ненавистного. Она даже попыталась провести запрещенный прием, который никогда не позволяла себе прежде в стычках с мальчишками, но у нее не получилось. Рахматуллаев ушел от удара и, заведя ее стиснутые руки за спину,

попытался завершить тайм поцелуем. Последним отчаянным усилием Ленка успела увернуться.

– Ловка ты, Лемешева, щеку подставлять, когда тебя целуют, – прошептал Камал, касаясь горячими губами ее скулы. – Так нецелованной и помрешь.

– Да хоть сейчас!

– Я бы тоже... сейчас... с радостью, – горько прошептал парень, все еще сжимая Ленку мертвой хваткой.

Неожиданно для себя Ленка всхлипнула и промокнула выступившие слезы о плечо Камала.

– Вот счастье-то привалило, дождался, – вздохнул он. – Что же? Нет?

– Нет, – едва шевельнув непослушными губами, ответила Ленка, Камал скорее угадал, чем расслышал ее ответ.

– Никогда? – срываясь в глухое отчаяние, спросил Камал. – Но почему?

Ленка могла бы ответить: потому что кокетничал с Подберезкиной на каждом спектакле и репетиции, потому, что Сонину на пленэре носил на руках. Потому что добровольно принял на себя роль психотерапевта для Сонечки Ли. Потому что не пропускал ни одной юбки! Но все эти проступки Камала показались ей такими незначительными теперь, когда она слышала стук его сердца, когда видела всплески боли в его темных, загадочных глазах. И потому она ответила:

– Какой ты странный, Камушек! Разве же я знаю почему?

Парень застонал.

– Камушек? Тебя твой язык из любого лабиринта выведет. Камушек... И вот я растаял, как дурак... И, как дурак, опять тебя упусти... И снова я ручной... Каюсь, правда, сам не знаю, в чем. Простишь?

Ленку обманул смиренный тон Рахматуллаева, она повернулась к нему лицом и улыбнулась сквозь слезы... На этот раз она почти не успела подставить щеку, и он стремительным поцелуем коснулся краешка ее стиснутых губ.

– Ах ты гад! – разъяренной коброй зашипела Ленка. – Прикинулся овечкой!

Камал тихонько смеялся над ней и над собой, невольно лаская смеющимися губами подставленную Ленкой золотистую макушку.

– Что ты с мужиками творишь, Лемешева? Любого... в творог.

– Отпусти меня, изувер!

– Кто-кто? – обрадовался новому эпитету Камал. – Уже не смесь бульдога с носорогом? И не дон Жуан из Ламанчи... Надо же было придумать!

– Смешанная техника, Кама, – съязвила Ленка, по-прежнему не поднимая головы. – Ты в этой технике известный мастер...

– А ты пишешь только чистым цветом?

– Не как хочу, а как могу...

– А вот такая техника как тебе понравится? – зловеше прошептал Камал и неожиданно для Ленки мелкими и жесткими поцелуями проскользил вдоль линии ее шеи от мочки уха к ключице.

Ленка безуспешно ловила воздух, потемневший от черной метели перед глазами, и не могла вдохнуть.

– И вот так... каждый миг... только прикажи... – прошептал Камал.

Теперь он легко смог бы добиться поцелуя. Он вообще смог бы сделать с ней все, что хотел. Черной, отливающей глубинным светом волной Ленку забросило в параллельный мир. Там она еще не бывала...

– Так не бывает!

– Бывает. Только скажи.

– Нет! Я не могу так с тобой, Камал. Я не хочу в это превращаться. Я не с тобой. Я не... Я здесь не душой, только плотью...

Камал с полминуты осознавал сказанное, а потом вспыхнул.

– Ну так на! Получай свою свободу, трусливая кукла! У тебя вообще нет никакой души! Элементарь!

Рахматуллаев чуть не плакал и, чтобы не потерять лицо перед этой девчонкой, резко отпрянул. Но напоследок отшвырнул ее от себя. Ленка едва устояла на ногах, в последний момент уперевшись непослушными руками в скос под лестницей, но макушкой по шершавой штукатурке она все же чиркнула. Камал отвернулся от нее и рванул к свету, просеянному сквозь ветхую дырявую фанерку. Он сорвал дверь с петель, даже не заметив этого. Ему показалось, что он прошел сквозь мыльную радужную пленку, которая, как в детстве, резко шипала глаза. И только на волейбольной площадке догадался смахнуть с глаз эту радужную пелену... Последние слезы в жизни юноши, ставшего мужчиной.

– Получи свою свободу, трусливая кукла! Навсегда ее получи...

* * *

Художник спустился к вынесенной двери черного хода, глубоко затянулся сигаретой и задумчиво посмотрел на окурок, «дотянутый» до фильтра. Он бросил курить еще на этюдной практике, дал слово своим ученикам. Но сигареты и спички все равно носил в кармане. На всякий случай. Художник плюнул на окурок и вышвырнул за дверь.

– Ребра целы? – хмуро спросил он у Ленки, не глядя на нее.

– Вы же не курите! – ахнула она.

Художник засмеялся, но не как обычно, а как-то горько, надтреснуто.

– Ох ты и создание!

Сквозь створку двери, сорванной с петли, в полумрак под лестницей ворвался яркий полдень. И легонько подрагивала под невесомым ветерком молодая виноградная лоза. Молодая... Художник вздохнул.

– Молодое вино... в новые мехи, казалось бы, за чем дело стало...

– Что-о-о? О чем вы?

– Выбирайся оттуда! Кариатида придурочная! – гаркнул художник, охваченный иррациональным гневом.

– Кто я? – возмутилась Ленка. – Чего вы дразнитесь?

Он вновь окинул острым взором взъерошенную свою ученицу с головы до ног и в обратном порядке.

– Он тебя в стену вбил, что ли, горемычный? Чего ты там застряла?

Ленка испуганно выпрыгнула из-под свода.

– Иди в подсобку и вымой там до блеска все, до чего дотянешься, а я тебя снаружи запру!

Художник отомкнул дверь в подсобку, взял ящик с плотничскими инструментами и принялся прилаживать сорванную дверь.

Ленка вошла в подсобку, повернула кран и, дождавшись, когда ржавая струя сделалась прозрачной и холодной, прильнула к ней губами. Утоление жажды... Такой нестерпимой, неизвестно откуда вдруг взявшейся, жажды... Что же это? Она выпрямилась и ощутила головокружение. Странно, никогда не верила прежде, что слово головокружение – это не поэтическая метафора. К этому новому ощущению тут же добавилось еще одно: внезапно подкосились ноги. Ленка обнаружила себя сидящей на пыльном полу под раковиной. Как же так? И такое тоже бывает? Ленка прислонила пылающую голову к холодному металлу. Брызги воды долетали до середины подсобки, пятная полы темным крапом.

– Я не могу здесь ни до чего дотянуться, – жалобно прошептала Ленка. –

Не могу, и теперь все равно... Моисей Семенович – предатель родины, а Илона – советский педагог с недостижимой высотой моральных принципов. А я ее достойная ученица, а Юрий Иванович... мой учитель... отрекся...

Слезы хлынули градом. Черт возьми! Еще одна поэтическая метафора, ставшая явью! Какой богатый день на филологические открытия!

– Он мой, мой учитель, – всхлипывала, давясь слезами Ленка, та самая Ленка Лемешева, которая не терпела притязательных местоимений.

– Не слезами мой пол, Лемешева, тряпкой!

– Я не могу!

– Сможешь!

Клацнул замок в двери, и ключ снаружи повернули на два оборота. Ну Юрий Иванович, запер ведь, как и обещал. Ленка поднялась с пола, поставила ведро под струю и принялась топить в водовороте ломкие, пересошие тряпки. Потом она закрутила кран и с силой отжала ветошь.

Ленка протирала стеллажи, осторожно переставляя папки и подрамники. На столе рассыпью валялись карандаши, перья, кисти, ванночки с акварелью и тюбики темперы. Рядком стояли баночки гуаши и тушь. И при этом ни пылинки! На углу стола, будто с умыслом оставленная, лежала папка, обтянутая серым колленкором. Знакомая папка. Ее лихим нахлестом пересекала цепь ядовито-зеленых звездочек-клякс. Ленке очень хорошо было известно происхождение этого украшения. Она сама как-то раз стряхнула кисть на распутившего язык Каму. Естественно, он ждал ее реакции и заслонился. Ядовитая зелень, которую Ленка никогда не использовала на палитре, а тут вдруг набрала полную кисть, предназначалась отнюдь не папке. Дрогнувшей рукой она открыла папку. Нет, она никогда не стала бы читать чужие письма. Но поверх листов, переложенных матовой калькой, лежала коротенькая записка, и Ленка не успела остановить себя. Прочла.

«Ю. И.! Вы правы, это должно находиться у Вас». Летящим почерком с сильным наклоном вправо. Таким знакомым почерком. Ленка сдвинула записку и осторожно отогнула лист хрусткой голубоватой кальки.

Будто россыпь разноцветных камешков под прозрачными струями горного потока. Поверх них – легкая тень от листы шиповника, казалось, блики на воде скользят и перемешаются, играя в прятки с шелестящей под ветром листвой. Но на дне потока лежит холодный клинок и отбрасывает льдистый свет в глаза зрителю. Это первый лист.

На втором листе, так же переложеном калькой, все тот же клинок, но ручей, как видно, сменил русло. Остался только шиповник, точнее, голубоватая тень его ветвей. Тень ветвей? Или это два силуэта, прорисованные ажурной листвой?

Третий лист. Ленка едва не зажмурилась от брызнувшего в глаза многоцветья. На полянке, усеянной цветущим клевером, тимьяном, ромашкой и вероникой, те двое, чьи силуэты только читались на предыдущем листе. Но здесь они уже не тени. Казалось, мизинец спящей Изольды сейчас шевельнется, стряхивая мотылька. Раскрытая ладонь с четкими линиями жизни закрывала лицо героини. Лица героя тоже не разглядеть. Темные, сверкающие на солнце волосы почти скрывали его профиль. Но вот-вот Тристан проснется и отбросит от лица массу гладких волос одним движением нервной тонкой кисти. Эти двое рядом, но еще не вместе. Обнаженный льдистый клинок сверкает, разделяя их.

Четвертый лист. Меч все еще не в ножнах, но уже не преграда. Шелковые, златотканые складки тяжелых юбок Изольды изрезаны обоюдоострым

клинком. И на рассеченной ладони Тристана из узкого пореза проступают капли почти черной крови.

Нет клинка на прежнем месте. Руки влюбленных сплетены, а они сами тонут, вглядываясь в глаза друг друга.

О нет! Нет, он не имел права такое изображать! У Ленки задрожали губы. Лицо Изольды на фоне спутанных золотистых кос и склоненный над ней Тристан. Лицо Изольды... Ее собственное лицо!

Ленка опустила в папку последний лист.

– Сядь, а то опять покатишься. Хватит уже здесь по полу ползать. Сядь, кому сказано!

– Юрий Иванович, да что же это такое!

– Эскизы его дипломной работы, а ты, вот ты что такое?.. Это ему ты сказала, что не душой с ним, а только... Да, именно ему! Да кто ты такая, чтобы ему душу рвать?

Художник дождался, пока Ленка опустилась на стул, и сам сел на край стола.

– Парень не то чтобы необычайно талантлив, а просто нормальный гений... А вот ты... Ты мешанка. Все правильно поняла, ушлая не по годам. Верным мужем он тебе бы не стал. Талантище, огонь, темперамент... Но от любой он возвращался бы к тебе. Всегда. Он бы женился на тебе. Возможно, только тебе и по силам затащить такого в ЗАГС. Ну и что он, по-твоему, должен еще был принести на алтарь твоей непорочности?

Ленка, в изнеможении закрыв глаза, засмеялась. Юрий Иванович тоже усмехнулся.

– Одно в тебе ценно, это твое неистребимое чувство юмора. Ты могла бы стать для него всем. Слепить, сотворить судьбу гения, а вместо этого просто пересекла ему дорогу, как черная кошка. Все. Теперь ничего больше не будет. Вот эти листы – это все, что он успел! Художника больше не будет...

– Юрий Иванович, вы безжалостны.

– Найдешь себе жалельщиков! Эх ты, марионетка с ловко подвешенным языком! Вся в свою училку! Раз не может зацепить мужика своими лапками загребушими, значит, будет его втапывать в грязь.

– Она его любила...

– Он бы предпочел такой любви удавку! Я, пожалуй, тоже... Что значит физическая неверность? Не более чем перекус вне семейной трапезы!

– Да? А своей жене вы тоже позволите перехватить бутерброд на стороне? Хлесткая пощечина ожгла Ленкину щеку.

– Спасибо, – спокойно прокомментировала Ленка, даже не поднеся руку к лицу. – У меня с утра, как говорят, истерика, наконец-то адекватные меры...

– Извинений не дождешься!

– Вы тоже. Я не буржуазка, и не марионетка, и не мешанка. Я всего лишь не... не проститутка... И я его не люблю, как следовало бы. Он не был бы счастлив с такой половиной любви. Именно это я ему сказала, и он со временем меня поймет.

Ленка протянула художнику папку с листами.

– Здесь нет ни одной лишней линии. Все совершенно: ни прибавить, ни отнять. Только в одном он ошибся: его Изольда не я...

СЛАВНОЕ МОРЕ СВЯЩЕННЫЙ... АРАЛ

– Илона Бектемировна, Лемешева пришла забрать документы. Директор говорит, что нужна подпись классного руководителя и Юрия Ивановича.

Юрий Иванович подписал... Неужели подпишете?

– Не дави мне на психику, Александра.

Лёка то бежала за Илоной следом, то обгоняла ее и пятилась, стараясь уловить выражение лица литераторши.

– Моисей Семенович ни за что бы не подписал! Он предатель родины, но он ни за что не предал бы своих учеников!

– Отойди от двери, Александра! И иди в класс, слышишь звонок?

Лёка, преградившая дорогу Илоне, даже глазом не моргнула.

– Вы подпишете? С утра Рахматуллаев перевелся в училище, но у него родители инвалиды, им материально трудно.

– Иди в класс!

– Так вы подпишете? Без Ленки в классе будет скучно, как в чулане с паутиной!

– Успокойся, я разберусь... Хотя я и далека от вашего идеала классного руководителя, но тоже кое-что могу.

* * *

– Мне все равно! – устало закрывая глаза, вешала Ленка в кабинете директора. – Можете мои документы хоть на память себе оставить. Аттестат за восьмой класс верните, я в ПТУ пойду на закройщицу.

Директор поперхнулся и не смог выдать ни слова, а художник злобно цокнул на это Ленкино художество.

– А-а-а! Илона Бектемировна, ну наконец-то дождалась! – обрадовался директор. – Вы что на это скажете? Ей все равно. А нам тем более!

– Сейчас я во всем разберусь. Лена, выйдем, нужно поговорить.

– О чем с ней еще говорить! – закричал директор. – Ей все равно! Ей свет не мил без его синих очей, а мы все ей не учителя и вообще никто!

– Я такого не говорила! – вспыхнула Ленка.

– Я ничего не стану подписывать! – категорично заявила Илона.

– А и не подписывайте! – махнул рукой директор. – С вашими моральными принципами вы можете себе все позволить, а я вот возьму и подпишу! Пусть идет в свое ПТУ!

– Спокойно! – повысив голос, произнесла Илона. – Дайте нам полминуты для частного разговора, и я вернусь к вам совершенно беспринципная!

Директор опять потерял дар речи, а художник, до этого молча созерцавший розы за окном, засмеялся. Илона вытащила онемевшую от изумления Ленку в фойе и увела ее на второй этаж, в музыкалку.

– Лена, ты моя педагогическая ошибка.

– Вот спасибо на добром слове!

– Не перебивай, я это признаю и надеюсь, что кое-что в наших отношениях можно еще исправить.

– Илона Бектемировна...

– Я знаю, ты уходишь из-за меня...

– Да вовсе нет!

– Не спорь!

Ленка тяжело вздохнула и приготовилась претерпевать монологи Илоны, смутно надеясь, что рано или поздно той это надоест.

– Лена, ты знаешь, что здесь начнется, если ты уйдешь? Знаешь, что именно мне станут говорить все при каждом удобном случае? Илона вы наша драгоценная Бектемировна, если даже Лемешева не вынесла вашей педагогики...

– Почему я даже?

- Потому что ты – несгибаемая. Тебя нельзя победить. Я пыталась...
- Но у меня изменились планы, я решила поступать в университет и учиться на кафедре археологии.
- Как учеба в этой школе может этому помешать?
- Я потеряю еще год. Так доучусь в обычной школе и сдам выпускные еще в этом году.
- Но Лена! Ведь через год в этой школе ты получишь еще и диплом!
- Я надеялась под предлогом перевода продлить каникулы и поехать в Мерв с археологической практикой. Им нужен художник...
- Если я тебе это устрою, останешься?
- Ленка призадумалась.
- Ну, решай быстрее, держиморды ждут!
- Я их здорово разозлила, – вздохнула Ленка. – Наверное, меня все же отчислят.
- Хочешь посмотреть, как я их размажу? – у Илоны азартно заблестели глаза.
- Идет!

* * *

- Вы уже беспринципная, Илона Бектемировна, мне как – пугаться или нет?
- Мы с Леной предлагаем вам компромисс.
- Вы нам? Спасибо, мне лично одолжений не надо! Ушла так ушла! Вот, я все подписал!
- У нее только одна четверка по географии, уйдет в двести двадцать восьмую, к Сикорскому, из вредности сдаст все экзамены на пятерки, она сможет, я ее знаю! У нас десять лет медалистов не было, а у друга вашего Сикорского будет!
- Десять лет медалистов не было? – возмутился директор. – И еще пусть десять не будет! Мне эти медали – вот где!
- Директор выразительно стукнул себя ребром ладони по загривку.
- Какие еще пятерки?! – встрял художник. – Да я ей сам тройки по всем спецпредметам нарисую!
- Илона издевательски расхохоталась.
- Спокойно, Юрий, ваши не пляшут! К чему ей в двести двадцать восьмой спецпредметы? Да вы для Лемешевой уже и так сделали все, что могли!
- Художник начал давиться невысказанным гневом, не находя слов.
- Что это значит? – заинтересовался директор.
- А вы у него же и спросите.
- Уже наступала своей любимой учительнице, Лемешева? – гаркнул художник, справившись, наконец, со своим спазмом.
- Ну, Юрий Иванович! – закатив глаза, простонала Ленка. – Примитивнейший же развод!
- Ты вообще на чьей стороне? – возмутилась Илона. – Предательница!
- Вот и хорошо, – хлопнул ладонью по столу директор. – Раз она предательница, пусть и отправляется куда хочет! Предатели не выживают в нашем серпентарии...
- У вас нет оснований для ее исключения!
- Кто сказал исключения? Хотя оснований – целый архив докладных записок!
- Я никогда не писала никаких докладных, – возмутилась Илона.
- Вы не писали, зато другие учителя и воспитатели, у которых не такая крепкая нервная система, писали. Вот, пожалуйста, полюбуйте!

Директор, потрясая кипой бумаг, взятых из папки с личным делом Лемешевой, принялся перечислять.

– На каждом педсовете имя Лемешевой склоняют все, кто только даром речи владеет. Считаем! Труп гюрзы из серпентария в химкабинете, взрыв натрия в том же химкабинете, битых окон по школе – пять штук, взрыв муфельной печи в скульптурной мастерской. Вывихнутых рук, выбитых локтей по штуке на каждого из контактеров! Нервный срыв у стажера на практике! Крашенный зеленью изумрудной внук начштаба ТуркВО! Продолжать? Иди, Лемешева, ты для любого учебного заведения бесценный дар! Юрий Иванович, дома досмеешься! А основанием для перевода послужит ее заявление, написанное собственноручно.

Директор вынул из папки последний лист и с победным видом продемонстрировал его Илоне.

– Да она же там ошибок насажала мне назло! – закричала Илона. – Вон, парашют через букву «у»! Дайте хоть исправлю!

– Какой парашют? – изумился директор, разглядывая листок на свет.

– Да вот же! Вот! Куда вы смотрите?

Сраженный недоумением, директор машинально протянул Илоне листок, и она тут же, мило улыбаясь, изорвала его в мелкие клочья. Художник расхохотался, а директор вновь утратил дар речи.

– А-ву-а? Ву-ва-а-а?

– Как я и обещала – совершенно беспринципная!

– Я так и знал! – ликующе выкрикнул художник.

– Ты знал? – перенес свой гнев на него директор. – Так что ж молчал? И мне теперь еще пять четвертей учить эту чуму египетскую?

– Не пять, Рахим Ахмедович, – лукавой лисичкой подольстилась Илона, – всего четыре с половиной. Лена просит продлить ей каникулы, она едет в Мерв с археологической практикой.

– Ах, не пять? А только четыре с половиной! – нарочито обрадовался директор. – На этом можно построить концепцию для дальнейших взаимоотношений и сфокусировать внимание сторон на базовых пунктах нового договора...

– Да завязывай уже, Рахим, – давясь хохотом, взмолился художник. – Сам же и виноват во всем этом цирке! Каков поп, таков и приход!

– Ладно, Лемешева, ступай в актовЫй зал. Там сейчас начнется лекция представителя общества «Знание», тема «Аральский водный бассейн». Кроме тебя этому мелиоратору вопросы никто не задаст. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Иди, продемонстрируй наш товар своим лицом ученому человеку.

Ленку будто ветром сдуло. Директор дождался, пока за ней закрылась дверь и, нежно улыбаясь, признался ликующей Илоне.

– А разорвали вы, Илона Бектемирона, вовсе не Лемешевское заявление, а черновик моего выступления на профсоюзном собрании. Это вам для сведения... Так что боевая ничья!

* * *

Не успели договаривающиеся стороны перевести дух после бурных переговоров, как в кабинет директора, едва не сбив с ног удаляющуюся Илону, ворвался взъерошенный и красный как рак лектор общества «Знание».

– О господи! – прошептала Илона и сочла для себя необходимым остаться.

– Нет! Это ни в какие ворота! – заорал лектор. – Вы кого на меня натравили! Это у вас одаренные дети таковы? Какие же тогда в колониях?

– Что стряслось, уважаемый? – протяжно пропел директор. – Присядьте, выпейте водички, отдышитесь.

Директор протянул лектору стакан с водой, за который тот схватился, будто это был последний глоток в его жизни. Пока лектор пил, директор повернулся к художнику и еле слышно прошептал:

– В руках держал птицу счастья... Как упустил?

Лектор допил воду и начал:

– Какая-то Лемешева...

– Лемешева? – наморщил лоб, старательно припоминая директор, – Лемешева, Лемешева... В чьем она классе, Илона Бектемировна, не в вашем?

Лектор повернулся к Илоне и обомлел.

– Ну да, в моем, – пожала плечами красавица с сиреневыми глазами и многозначительно улыбнулась бедняге лектору. – А что она могла сделать не так?

– Вы знаете, что она мне заявила? – возмущался лектор. – Говорит: «Вы не понимаете или не хотите понять, что перебрасывать реки через континентальный водораздел нельзя! Вода никогда не вернется в регион!» Это она мне! Вы подумайте, я двадцать лет мелиоратор! А потом еще лучше: «Вы свой хлеб с маслом двадцать лет едите, убивая Арал. А ведь вы представитель русской науки в Туркестане, это тройной позор!»

У Илоны подкосились ноги, и она медленно начала сползать на руки художнику. Тот подхватил ее под локти, но радости по этому поводу не высказал. Директор искренне изумился.

– Воды, – прошелестела изнемогшая Илона.

– Да вот прям шас! – ответил художник, насмотревшийся на выходки Илоны за сегодня.

– Мне правда плохо, – простонала Илона, но ее коллеги остались невозмутимы. Зато возмутился лектор:

– Голубушка, да нельзя же так! – он подскочил и принялся обмахивать Илону подвернувшейся под руку папкой. – Вы еще так молоды, нужно беречь здоровье. Вы позвольте, я на машине... Отвезу куда скажете...

– Минуточку! – воскликнул директор и, привстав, вынул из рук лектора папку. – А как же ваша лекция?

– Ах, да о чем там говорить! Какие лекции в такую жару!

Лектор увел Илону из кабинета, даже не заметив возникшую на пороге Лемешеву.

– Мне как – новое заявление написать?

– Зачем же новое, – пожал плечами директор. – У меня еще и старое живо.

– А что же она разорвала?

– Только мое сердце, но это уже давно. Иди, горе луковое! Найдет шайтан и на тебя аркан.

Восточные этюды

Николай БОНДАРЕНКО

Медвяная трава

Медвяная трава – степной янтак,
Едва притронусь, задаёт вопросы:
– Ты любишь степь? Ах, любишь... Да не так,
Как любят степь копыта и колёса.

Всё чаще беспокоится янтак
Белёсыми туманными ночами:
– Ты знаешь жажду? Знаешь, да не так,
Как стебельки под знойными лучами.

Но твой порыв расцениваю так:
Душа и мысли – с верными друзьями,
Иначе ты, всё помнящий янтак,
Не бредил бы горячими губами...

Там, за выжженной степью...

«Шахинам, о менинг Шахинам!» –
Воспалённые губы бормочут.
Там, за выжженной степью, страна,
У неё изумрудные очи.

«Шахинам, о менинг Шахинам!» –
Слышишь? Песнь донеслась непростая.
Ворожит вечерами луна
И горячие руки сплетает.

«Шахинам, о менинг Шахинам!» –
Разливается звонами поле.
Клятва верности будет нежна.
Ни тревоги, ни скорби, ни боли...

«Шахинам, о менинг Шахинам!..»

Николай БОНДАРЕНКО. Родился в 1938 г. в Ташкенте. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Работал в издательствах «Узбекистан», им. Г. Гуляма. Член СП России. Автор поэтических сборников «Солнце в ромашках», «Ветер времени», «Гранение солнца» и др.

Бедана

У рассветного солнца ликующий лик.
Перепёлка твердит: «Мир велик! Мир велик!
Мой нечаянный друг птицелов Мирвали
Нараспев повторил: «Мир велик! Мир велик!
Перепёлка для всех, а у нас – бедана,
Человеку служить бедана рождена!
Ты послушай её торжествующий крик,
Голосит по-восточному: «Му-ста-килик! »
Но не только речами сильна бедана –
Атакующим клювом владеет она!
Разлетается алый, растерзанный пух,
Возвращая джигитам потерянный дух.
На бойцовой тахте, от циновок рябой,
Мы увидим с тобой потрясающий бой!»
Я, конечно, пойду и, конечно, взгляну
На рябую тахту и бойца-бедану,
Но сбегу на поля – слушать голос Земли,
Удивляться словам: «Мир велик! Мир велик!»

Платаны

Из века в век, отпугивая тлен,
Страшал учеников историк строгий:
Над копьями сверкал рогатый шлем,
Отсюда имя – Искандер двурогий.

Молва о добронравии молчит,
Кровавые сражения в почёте,
Лежат на них учёности лучи –
Ведь пестовал ребёнка Аристотель.

Не стал бы я бывшее ворошить,
Выискивая суть в победной жути,
Когда бы не шемление души
И заповедник в маленьком Ургуте.

Дошёл до Согдианы властелин,
Предгорье показалось рваной раной,
Он повелел: «Да будут тень долин,
И сад, и роша, и шатры платанов!»

Убойное отбросив ремесло,
Пришельцы за лопаты взялись рьяно...
Жаль, их старанья временем снесло,
Сады и роши съели саратаны.

Но выстояли сильные шатры,
Судьба у них поистине большая!
Они, как негасимые костры,
Порой багряной в древность приглашают.

Меж корневищ – пещерное дупло,
И мнится – в глубине играют блики:
Рогатый шлем надвинув на чело,
Устало дремлет Александр Великий...

Осенние чинары

Чинары не выносят красный цвет –
Осеннюю нелепицу сжигают.
Желанных звёзд улавливая свет,
Они не спят – в них бродит жизнь другая.

Гуляют в парке белые дымы,
Разносят запах колдовского женья.
Как дети малые, шумим и пляшем мы –
Нас веселит шуршашее круженье.

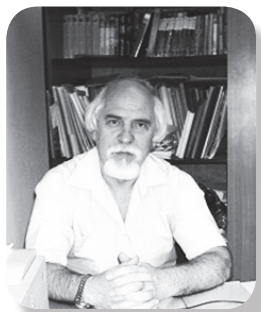
Для жителей невидимых домов,
Для молодых тревога – это нонсенс,
И всё же на аллее меж дымов
Смушает нас согбенный чалмоносец.

Зачем он здесь? Высматривает что?
Что выглядел, на белый ус мотает?
Считает годы – двадцать... сорок... сто?
Судьбу провидит: щедрая? пустая?

Степенно удалялся аксакал
И вскоре обратился в невидимку...
Потом я долго старика искал
В своих воспоминаньях, в сладкой дымке.

Бельбог зелёный – поясной платок –
Вдруг глянет там, где клёны пламенеют, –
В час наважденья мчусь я на Восток,
Взывает связь покрепче Гименя.

По древним аркам я схожу с ума,
Шурша листвою далеко-далече!
И завитки тумана, как чалма
На горделивой питерской мечети...

Владимир ВАСИЛЬЕВ

ДУША ОСВОБОЖДЕННАЯ

Рассказ

*За приливами – отливы:
То, что вечно, остается.
Отчего ж так сиротливо
Дух бессмертный к телу жметя?..*

Это оказалось больно. Ощущалось, будто связи рвутся с треском, как ткани, которых быть не могло. Словно руку от тела... живьем... Только какие руки и тело у полевой структуры? Бывшие, которые лежат в гробу, притиснутые друг к другу. Им теперь не больно. Это мучительно рвались связи угасающих клеточных полей и центральной полевой структуры, в просторечии называемой душой. Этих связей насчитывалось десятки триллионов, и разрыв происходил почти одновременно по мере умирания клеток. И, наверное, именно одновременность создала ощущение боли, потому что и раньше связи рвались постоянно и множественно, но на замену старым приходили новые, и процесс проходил безболезненно.

Возможно, это отдаленно напоминает то, как ковш экскаватора захватывает вместе с землей корни дерева и выдирает их из почвы. Отдаленно, потому что дерево еще живое, и, если его посадить в другое место, оно может продолжить жить, а тут тело уже мертвое, и к жизни его уже ничем не вернуть.

Но дереву тоже больно, я и раньше это чувствовал. Или чувствовала? Или чувствовало? Какого рода душа? Бессмысленный вопрос, но чем-то оперировать надо. По роду слова? Душа – женского рода, но дух – мужского. Да и от языка зависит.

Что интересно – мышление осуществляется на языке последнего воплощения. Душа мыслит, потому что является хранительницей разумной жизни, то есть жизни, способной к абстрактному анализу информации и на его основе синтезу управляющих импульсов для действия носителя жизни. Мыслить можно образами: зрительными, звуковыми, вкусовыми, обонятельными, осязательными и абстрактными, какими мыслят математики и физики, то есть умозрительными моделями мира или отдельных его элементов или разновидностью последнего способа – знаками: словами, цифрами, формулами. Пока я мыслю, как человек мыслит о жизни и смерти, – словами. Причем по-русски, потому что еще несколько мгновений назад был русским мужиком. Но вот скопытился, дал дуба и сыграл в ящик. Не слишком импозантный ящичек, да и тесноватый, но сам виноват – не заработал себе на полированного красавца и лимузинистый катафалк.

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Родился в 1948 году в г. Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук.

Не браток, чать, и не политик, а нищий бывший ученый, а ныне (нет, уже в прошлом) пенсионер с параноидальным уклоном в графоманию. Стишки на старости лет кропать принялся – вспомнил молодость. В детство впасть еще не успел, но до юности добрался. Помню образчик на есенинские мотивы про катафалк, пророчество, так сказать, которое не углядит в будущем разве что полный идиот:

И меня на желтом катафалке
 Мошью в сто коней
 Повезут по серому асфальту
 Накормить червей.
 Сыто чавкнет, гроб глотая, глина,
 Прошуршит песок,
 Матюгнется вдруг могильщик длинно,
 Свой прозревши срок...

Тех, кто остался, жалко. Что умершему? Еще способное в нем чувствовать – вот оно: чувствует и соображает, сохраняя угасающие обертоны бывшей личности. И практически бессмертно, если забыть, что во вселенной нет ничего бессмертного, в том числе и самой вселенной, но в определенных временных рамках можно и так постулировать. А вот те, кто остался, пребывают в неизвестности и тоске вечной разлуки. Их связи тоже рвутся по живому. Получается, что мы в слегка сходном положении. Значит, это справедливо, что и я ошущаю боль. Но моей мыслящей полевой структуре достает ума, чтобы понимать несопоставимость интенсивности чувств. Для меня жизнь продолжается, пусть и совсем другая, а для Нее, для любимой, она фактически закончилась. По крайней мере, та, привычная, в которой был я. Хорошо, что дочка смогла приехать – она не даст матери глупость сотворить, удержит. Я ее заранее проинструктировал, чтобы глаз не спускала и от себя не отпускала. Вот увезет к себе в Россию, в Петропавловск-Камчатский, где ее муж морским офицером служит, одарит бабушкиными заботами, которых мы тут не знали, может, тогда и полегчает на душе?

А ведь верно сказано: любящие души образуют мультисолитон, являющийся единой устойчивой волновой структурой! Вот почему мне так больно!.. Не только в клетках дело, а в распаде мультисолитона на отдельные индивидуальные солитоны. В такие моменты очень важно, чтобы не более одного солитона отделялось, чтобы в мультисолитоне любящих сохранилось как можно больше участников этого «мульти». Ушел только я один, и я теряю живые связи, обретая исконную духовную индивидуальность, а они, живые, должны поддерживать друг друга, сохраняя свое духовное единство уже без меня.

Да – клетки угасли, а боль осталась. Возможно, ослабла слегка, но осталась. Вот уж никогда прежде не подумал бы, что волновая структура способна испытывать боль. У нее ж и рецепторов нет! Но, стало быть, есть. Рецепторы – это точки приема информации, приемные антенны.

Я начал различать, какие именно связи сейчас разрываются, к кому они тянутся. Вот эта – к жене, вместе с которой мы вершили генеральное движение мультисолитона, образуя духовное единство, к коему подключались остальные. Прежде всего дочь.

Я чувствую растерянность дочернего солитона, привыкшего к тому, что родители всегда есть. Пусть далеко, но душой в любой момент можно потянуться и достать. Приобшиться к их жизни... Ох, береги мать, доченька! Береги ее, сколько сможешь! Она еще не выработала свой жизненный ресурс, я это хорошо вижу, хотя сейчас она искренне безутешна. Ей очень больно, но она полна жизни и вполне может стать частью нового вашего мультисолитона. Если ты ей поможешь, она и станет.

Зятя и внука я почти не чувствую. Юридические лица... Так уж сложилось – вроде и планета не слишком велика, да проезд кусается. Это американские да европейские пенсионеры могут позволить себе по миру поехать, туризмом развлечься, а наш пенсионер финансовой удавкой к своей клетке прикован... Зять сочувствует жене, а для внука дед – пустой звук, который время от времени мама произносит. Нет живой связи. Зато и боли нет.

Друзья? Их не бывает много. У меня тоже один остался. Рассыпается старый пень, а еще стоит. Вцепился в землю. Молодец! С ним – да, многое связано в душе. Ему больно, мне – тоже. Но вообще-то мы, старики, заранее друг с другом прощаемся, свыкаемся с мыслью и неизбежностью. Спать ложимся, не зная, кто из нас завтра проснется.

А это чей одинокий солитон, ко мне прикипевший? Я-то думал, что это только мой вывих психики, болезнь старца, впавшего в юность...

Последняя любовь – печальная черта,
Отчаянный рывок из брэнности в бессмертье...

Потом-то осознаешь, что:

Есть первая любовь, последняя любовь,
Но все они – лишь часть Единственной Любви.

Но это позже, а дух уже успел прикипеть, срезонировать, притянуть и этот солитончик к себе. Я-то был уверен, что это только моя внутренняя проблема, что меня лишь терпят, снисходя к моей старости и беспомощности перед стихией, а вот она, стихия моя, сидит у стола, смотрит на мой корявый стишок, не вникая в слова, и беззвучно плачет. Не пришла на похороны. Правильно – зрелище далеко не эстетичное, пусть лучше помнит меня живым и терпимозримым. Эта разлука у нее еще долго будет саднить: я был последним, кто ее любил, и на данном этапе ее жизни, увы, единственным.

Могилу уже закопали, женщины свое отрыдали, друзья отскрипели зубами и вытерли скупые мужские слезы, и мне полегчало: у них – с глаз долой... и у меня связи истончились, но, что интересно, перестали идти на разрыв, а, достигнув некоторого минимума, остались в этом состоянии. Надолго ли? Возможно, до тех недалеких пор, пока они меня помнят и любят. Впрочем, как любить того, кого нет? Скорей всего, только пока помнят.

С исчезновением разрывного импульса, пропало и ощущение боли. Хорошо бы навсегда, но кто нас, солитонов, знает? В блаженстве ли мы купаемся или от укусов мироздания уворачиваемся? Скоро, видимо, узнаю... Эй, Мироздание, узнаю?.. Молчит. Да и чем оно говорить будет, безъязыкое?

Что ж, я скинул с себя одежду плоти...

Еще вопрос: где я вообще пребываю? Только что был кем-то вроде соглядатая на собственных похоронах и барахтался в этом процессе, не обращая внимания на окружающее – боль не позволяла, все на себе концентрировала, хотя я знал, что в фоновом режиме ко мне поступает информация со всей вселенной. Физика у меня такая, ибо я – солитон Информационного Поля Мироздания, благодаря которому всякий объект в нем «знает», каким законам своего бытия он подчиняется в каждой точке вселенной. Не исключено, что доступная мне часть информации о мире – только часть всей правды о нем. Это было бы логично, потому что полную правду может воспринять только субъект, соизмеримый объекту, а я – лишь малюсенькая часть необъятной системы.

И теперь, интересуясь людьми, я вижу их мир, а интересуясь вселенной, вижу ее, родимую. И что я, собственно, вижу? Если вы думаете, что я оглянулся

несуществующей головой и узрел обалденно звездное небо в супералмазах, то категорически ошибаетесь. Я – безглазая полевая структура, воспринимающая мироздание через воздействующие на меня поля, а пространств и тем более объектов с субъектами без полей не бывает, и я их чувствую во всей полноте физических характеристик. Если перевести мои ощущения на язык человеческих чувств, можно примитивно сказать, что я вижу, слышу, обоняю, осязаю, ощущаю вкус вселенной, но только мои ощущения не исчерпываются этими составляющими, а переходят в область высших чувств. Из понятных человеку – это любовь, блаженство, чувство прекрасного, чувство сопричастности мирозданию, чувство цели во всем спектре ощущений – от негативного до позитивного. Но это только очень ограниченное и приблизительное перечисление, остальные чувства не имеют человеческих аналогов и не могут быть объяснены человеку. К примеру, как объяснить чувство мерности, позволяющее воспринимать некий мир в том числе измерений, которое оказывается для него существенным? Причем это обычно не только пространственные измерения, но и временные, коих тоже несколько.

Впрочем, в данный момент никаких таких экзотических миров я пока не ощущаю: не вижу, не слышу и на зуб не пробую. Только-только отполз от своего недавнего пристанища – четырехмерного человеческого мира. И предо мной – условный Океан Света, условный, потому что это не свет в узком электромагнитном смысле, а стихия полей, в которую я погружен. И в первую очередь в мое родное (ибо я им порожден) Информационное Поле, неадекватно названное людьми Темной Материей. Не знаю ничего светлее! Опять же не в электромагнитном смысле. Потому оно для людей и «темное», что они не тем на него смотрят. Не глазами и не электромагнитными приборами смотреть надо! Впрочем, раз они его обнаружили, значит, наконец, правильно посмотрели. Чем надо. Со временем и до сути докопаются.

Это и правда похоже на океан: такие же, только разноцветные, горбики волн, бегущие примерно в одном направлении.

Да неужто все это – души только что умерших?! Сколько ж нас?!.. И куда мы спешим?!.. На Страшный Суд?!.. Кто не грешил, тому страшиться нечего, только кто без греха? И что есть грех? Не по человеческим, а по здешним меркам?

С шестимерного горизонта этого пространства на нас наползает клубящийся фронт тумана.

Что за чушь?! Откуда туман там, где нет воды? Информационный туман? Какой же еще может быть в океане информационного поля?

Астрал! Так сей туман величают эзотерики – великие туманисты современности. А по сути – это интеллектуальная мусорка человечества. Кто-то внутри бормочет про экскременты духа... Попрошу духа не касаться – это святое, ибо – я! Дух не искажает информацию, потому что по конструкции на это не способен. Весь мусор от ума без царя в голове и без атамана тоже – от ума, который гуляет сам по себе туда, сам не зная куда.

А туман клубится все ближе, заслоняя собой вселенную, и наши пока неприкаянные души влечет в него. Не надо мне туда! Я все понял! Исправлюсь! Больше сам не допущу и другим не позволю!.. Ноль внимания. Закон простой: что наблевал, в то и мордой...

Как и обычный туман, этот навалился не сразу, а сначала лишь коснулся своими полупрозрачными ошметками.

Первой пролетела Баба-Яга на метле. Чуть пониже махала крыльями сорока-ворона с котелком каши в лапах. Станный такой мутант постчернобыльский. А по земле, которая появилась откуда ни возьмись, Колобок деловито поспешал от бабушки-дедушки к жизни молодой, самостоятельной. Откуда-то сбоку выскочил Заяц с АКМ наперевес, толкая дулом перед собой связанного Волка, который сипел, приглушенный кляпом:

– Ну, З-з-заяц!.. Ну, по-го-ди-и-и!..

А потом сразу заволокло, и свет белый исчез, а с ним и разноцветный. Только серая туманность осталась, скрыв в себе все остальные солитоны. Опять же один остался. Понятно – сюда каждый за своим приходит...

Из марева стало проявляться что-то громадное и красное. Со страшным скрипом через равные промежутки времени: Хрум... Хрум... Хрум... Хрум...

Вдруг из тумана вылетела громадная сосулька и вонзилась острием в снег прямо у моей ноги. Еле успел убрать, чтоб не проткнула, – краем глаза заметил и дернулся. Рядом с сосулькой хрустко впечатался громадный красный сапог с налипшими снежными комьями. Тоже в последний момент пришлось отскакивать. С красной же шубы, щедро покрытой морозными узорами, свисал снежно-ледяной занавес. Я испугался, что он вот-вот рухнет на меня. Но, отбежав подальше, понял, что нависала борода и что передо мной великан Дед Мороз.

– Здравствуй, деточка! – услышал я громоподобное приветствие. – Я тебе подарочек принес! – и полез лапишей в мешок.

Меня обуял панический страх, что он раздавит меня своим подарочком, и я с воплем «Не хочу подарочка, мама-а-а!» бросился в чашу леса.

А тут и зима кончилась. Наоборот – жаром дохнуло. Почему-то показалось, что красным.

Из тумана с рыком выскочил голый Шварценегер – не то Терминатор, не то Конан, а следом, визжа, голые одногрудые амазонки. Я перевел дух, то есть дыхание, а из тумана послышался торжествующий женский визг и довольное:

– О-о!.. Ия-йя-йя!..

Я поспешил в тучу поперек их траектории, четко осознав, что амазонок слишком много на одного Конана – даже вдвоем с Терминатором, надо унести свое мужское достоинство, пока оно цело.

Унес... И чуть было не свалился с обрыва в море. В настоящее море, а не здешний, так сказать, океан.

У подножия моей скалы в жерле мини-вулкана, затыкая его, утвердилась громадная раскаленная сковорода диаметром метров в сто. По виду чугунная, черная, но с отливом в «бордо» от раскаленности. Повсюду без видимого мне порядка были подвешены топоры, вилы, грабли, лопаты, рогатины, пики и прочий сельхозинвентарь. Время от времени прокопченные чадом волосатые черти хватали инструмент и тыкали им в пытающихся вылезти из сковороды грешников. И те с диким визгом низвергались вниз, принимаясь за свой нескончаемый танец.

– Ад... – выдохнул я вместе с клубом чада.

– Да нет, милейший, – раздался вкрадчивый голос сзади. Я вздрогнул и обернулся. – Это рай для мазохистов, – закончил фразу козлокентавр красно-черного цвета. Видать, тоже прикоптился.

– Здравсте, – по интеллигентской привычке кивнул я.

– Да уж здравствуем-ме, здравствуем-ме-е, уж которое тысячелетие отлично здравствуем-ме! – радостно сообщил он, потирая пальцы в золотых перстнях с большими кровавыми рубинами. – В последнее время, правда, гораздо веселее стало: чернушечников-триллершиков трейлерами доставляют... Веселый народец! За тысячелетия такого не придумали, чего они лет за десять наваяли нам на радость, себе на оргазм. Видите, как блаженствуют?! До костей пробирает.

– Что ж, они только сковороду и придумали? – удивился я, вспоминая, что читывал ужастики куда круче этого древнего сооружения.

– Что вы, что вы, ми-ми-лейший! – обрадовался козлокентавр. – Извольте, провожу... Экскурсию, так сказать, по фантазиям человеческим.

– Благодарю вас, любезный хозяин, – решительно отказался я. – Мне этого развлечения и в том мире хватило. – Успеха вам в вашем благородном деле

очишения и удовлетворения! Позвольте откланяться...

Я стал подозревать, что если не исчезну тотчас в тумане, то и сам на скоророде окажусь.

– У нас не неволят, – гордо ответил козлокентавр. – Свобода и демократия! И права человека!

– Вы бы еще на Киотский протокол внимание обратили, – посоветовал я, удаляясь. – А то чадно тут у вас, вредные выбросы в атмосферу...

– Увольте, батенька, – засмеялся мне вслед распорядитель аттракциона. – Где ж вы тут атмосферу обнаружили?

– Ноосферу, – пробормотал я себе под нос, – ноосферу я имел в виду... Ч-черт! Надо под ноги смотреть, а то угодишь с разбегу в озеро нечистот! Уж их-то ассенизаторы человеческих душ нарыли изрядно...

– Вас проводить? – выскочил из тумана помянутый, утирая с морды черный чадный пот.

– Да нет уж, спасибо, – отказался я от помощи. – Предпочитаю сам мир исследовать.

– Будьте осторожны, – предупредил черт и исчез в черном тумане, пропи-танном чадом горящего человеческого мяса.

– Да уж, да уж... – бормотал я, продолжая путь сквозь туман и при каждом шаге внимательно глядя под ноги.

Остановил меня крепкий удар не то в лоб, не то лбом. В виртуальных глазах потемнело. Очнулся уткнувшись лицом в шершавую кору дерева. Во дела! До чего богатая фантазия!.. Кора была более чем натуральная – на ней засыхала кровь с соплями из моего разбитого носа. Утерся, перевернулся к миру лицом, а к дереву задом. И тут же сполз этим задом на землю, стараясь провалиться под нее. Не вышло. Наверное, корни не пустили. Дело в том, что на толстой нижней ветке, свесив ноги, сидел страшный, совершенно бандитского вида, одноглазый мужик в рогатом шлеме и тихо довольно хихикал. А перед ним – на другой толстой ветке – висели в петлях три висельника, раскачивавшихся на холодном ветру. Разной свежести висельники: у одного уже были выклеваны воронами глаза и пошипаны щеки, у другого вовсе лица не было, а третий был совсем свеженький – даже гримаса ужаса с лица не сползла и штаны не просохли.

Одноглазый хихикал и приборматовал:

– Ах вы красавчики мои!.. Услада сердца моего!.. Листья жизни на древе бытия... Я вот тоже когда-то эдак висел... Хорошо думалось о судьбах мира... И вы подумайте – потом обсудим...

– Эй, папаня! Посторонись! – раздался сверху звонкий мужской голос.

На тороидальном облаке восседал здоровенный детина и раскручивал над головой огненный шар, он гикнул, свистнул и метнул шаровую молнию в несчастных висельников. Только пепел от бедняг просыпался наземь.

Спортсмен довольно засмеялся и притянул молнию за плазменный шнур обратно, а любитель висельников, поморщившись, стряхнул пепел с бороды и посетовал:

– Мог бы и оставить отцу для приятной беседы.

– Да ладно, папаня! – засмеялся легкомысленно сын. – Они еще немерено-несчитано навешаются... А это кто там у корней распластался?.. Повесть-ка его, папаня, а я молотом сшибу, пока еще дрыгаться будет... Так интересней.

Тут я и провалился сквозь землю. На этот раз получилось, когда приспичило.

И стала мне земля пухом... Туманом то есть.

– У-у-х! – выдохнул я спазм страха. Казалось бы, чего бояться тому, кто умер, да только неизвестно, как здешнее бытие развиваться станет, после того как сумасшедший бог шаровой молнией тебя на кванты разнесет?.. Трансформирует полевую структуру к чертовой бабушке – сам себя потом не узнаешь.

От моего «У-у-х!» туман разнесло по сторонам.

Наполовину высунувшись из тумана, на меня выпучил буркалы Змей Горыныч. Зелененький он был. На крайних длиннющих шеях покачивались две попыхивавшие огоньком и дымом страшные головы с громадными, надо понимать, огнестойкими зубами с металлическим отблеском. Третьей головы не было. Вместо нее слепо раскачивалась шейная культя, вполне зарубцевавшаяся.

Я начал выбирать направление отступления. Горыныч явно разгадал мои потуги, потому что разом пыхнул двумя струями огня, не очень мощными, оставив меня внутри пламенного сектора.

Я повернулся лицом к Змею и спросил:

– Ну, чего тебе, уважаемый?

– Третьим будешь? – поинтересовались головы дуэтом.

– А буду! – от души согласился я, чувствуя, что мне это необходимо. Астрал меня крепко взял в оборот. Нужна разрядка.

Шейная культя Горыныча склонилась ко мне приглашающе, а змеиный дуэт предложил:

– Залезай!

Волнистая линия шейных позвонков образовывала нечто вроде седла, и я, не желая раздражать Драконише, резво заскочил в седло, свесив ноги.

– Спасибо, добрый человек! – поблагодарила одна голова.

– Смел ты, добрый молодец, и умен, – добавила вторая. – А то эти богатырчики да рыцарьки от страха начинают мечами размахивать с закрытыми глазами... Испепелять их приходится, чтобы не нервничали. Это когда обычный меч из металла. А один дурень прихватил с собой лазерный резак. Мы и опомниться не успели, как одну голову потеряли... Э-эх... Тоже испепелили, но с тех пор тоска – выпить не с кем, а вдвоем – в глотку не лезет. Генетика у нас такая – на троих соображать.

В этот момент крылья горынычевы раскрылись, как-то хитро крутанувшись, и сошлись перед мордами и передо мной подобием стола необъятного. На «столе» красовались три хрустальные кружки с бочонок размером, в которых посверкивала пламенеющая жидкость.

– Изволь отведать, гость дорогой! – указали морды на среднюю кружку, а сами резво ухватили лапишами две крайние. Поднесли к пастям, вдохнули пары и зажмурились от удовольствия.

Я тоже ухватился за кружку и с трудом стал подвигать ее к себе. Я-то был уверен, что мне предлагают самогон, в лучшем случае – спирт подкрашенный, в худшем – бензин-керосин, которым они потом польхают... Но из кружиши несло свежестью, цветами, травой, березовым соком – сразу всем!

– Что это?! – удивленно возопил я.

– Ты еще не понял? – удивились они дуэтом. – Это ж эликсир вечной жизни! Без него дальше ходу нет. Дурачки, что нам головы рубить начинают, тут в пепел и превращаются, в ничто... Навсегда... А у кого ума хватает, продолжают путь. Твое вечное здоровье, добрый молодец! – пожелали они и принялись заглатывать напиток.

Я вздохнул, решаясь, и, сунув голову в кружку, принялся лакать почти собачьи, хотя плохо получалось.

Не знаю, сколько продолжался процесс питья, но потихоньку-полегоньку по глоточку, по капельке с горыньей помощью одолел я бочонок. Живот, конечно, раздулся, но не больше, чем от пары-тройки кружек пива. Вот что значит – виртуальное пойло!

– Ну, спасибо за компанию! – поблагодарили головы. – И себе помог, и нас поддержал...

Культя наклонилась, и я скатился с нее, аки Колобок. Меня слегка

пошатывало, будто я стоял на палубе корабля. Эликсир эликсиром, а в голову шибает дай бог, да ноги подкашивает...

Довольно долго я блуждал в тумане, плохо представляя, куда несет меня нелегкая. Хмель понемногу отпускал.

Вдруг послышались патетические раскаты органа. Бах... тиби-дах... Я пошел на звук. Недолго шел: расступился туман, образовалось громадное светящееся пространство вроде внутренней поверхности шара, по которому под музыку воспаряли или парили на облакоподобных крыльях белоснежные человекообразные летуны без одежд и первичных половых признаков. То ли андрогинны в бесполом варианте, то ли андрониды летучие, то ли ангелы. Облачка без штанов... Красиво у них получалось под музыку. Наверное, это и был такой воздушный танец. Залюбовался я пространственным балетом: то задирать голову приходилось, то вниз заглядывать, ибо сам я где-то в районе экватора сферы пребывал. А в центре ее за большим столом с пультом, как у органа, сидел крупный седовласый и седобородый мужчина атлетического сложения в белом фраке и, неотрывно глядя на пюпитр, непрерывно перебирал клавиши и педали органа. А со всех сторон сферы летели белые листочки и ложились на пюпитр. Сначала я думал, что это снег идет или белые перышки с ангелов осыпаются, но, подойдя ближе, обнаружил, что это нотные страницы. Их извлекали из пространства летающие существа и направляли по адресу. А Органист исполнял музыку, на них написанную. Выходит, не танец это был, а работа... Красиво работали летуны!..

По мере того как я приближался к пульту, Музыкант переключал взгляд с нотных листов на меня, и когда я встретился с его взглядом, то и сам чуть не взлетел рядом с ангелами. Только я был разноцветный, как попугай, и нарушил бы их благолепие. Да Органист и придержал меня взглядом, не отпуская и не прерывая при этом своей игры.

– Здравствуй, Вечный Скиталец! – приветствовал он меня. – Да забрезжит пред тобою цель!

– Здравствуй, Музыкант, кто ты? – отозвался я.

– Я – тот, кого нет, и тот, кто всем нужен, – объяснил он загадкой и сопроводил ответ аккордом.

– Тогда ты не можешь не существовать, – сказал я. – Тот, кто всем нужен, материализуется.

– Я и есть, но здесь, а не там, где меня желают видеть, – грустно улыбнулся он, словно извиняясь. – Вот, отвечаю на мольбы страждущих, – показал он движением головы на нотные листочки и извлек из органа удивительной красоты звуки.

– А там тогда кто? – удивился я.

– А это тебе лучше знать, – вздохнув, ответил он. – Ты – часть, а я – продукт...

Я не совсем понял, что он имел в виду, но начинал догадываться.

– Ты никогда ни о чем не просил меня, ибо не верил, – продолжил он. – Не хочешь ли попросить сейчас?

– Пусть тем, кого я любил и кто меня любил там, будет хорошо, – не задумываясь попросил я. – Облегчи их страдания и научи радоваться мгновению всю оставшуюся жизнь. Ну, и привет от меня... Только чтоб они не испугались...

– А для себя?

– Это и есть для себя, – улыбнулся я. – Разве я еще не обрел все?

– Все еще никто не обрел и нескоро обретет, – кивнул он. – Но ты прав: ты имеешь больше, чем я могу тебе дать. Иди с миром и вспоминай обо мне... Впрочем, ты не умеешь забывать.

Я сделал шаг.

– Стой, – окликнул он.

Я обернулся. В его глазах было столько тоски и... мольбы.

– Ты не хочешь поменяться со мной? – с надеждой спросил Органист.

– Нет, – прикинув перспективы, ответил я. – У меня всегда было плохо с музыкальным слухом. Да и разве это возможно?

– Иногда да, – кивнул он. – Ты – одна из возможностей...

– Нет, – более решительно отказался я. – Это нечестно: не верить там и стать здесь. Это было бы издевательством над теми, кто верит. Они тебя создали, они пусть и решают твою судьбу. И свою заодно, как я понимаю.

– Иди, – согласился он. – Да наполнит тебя гармония мироздания!

Ангелы подхватили меня под грешны ручки и вынесли к границе Сферы. Подтолкнули слегка в спину, а там я и сам дорогу обрел. Некоторое время еще доносились отголоски органа. Мольбам несть числа...

Мне показалось, что путь мой в Астрале подходит к концу. Но что-то меня удерживало, хотя боялся признаться в этом себе. Не предполагал, что исконно мужская трусость останется при мне и в мире ином... Здесь, в Астрале, я еще не вполне солитон, еще мужчина, хоть и виртуальный. Интересно, виртуальные дети у виртуальных мужчин и женщин рождаются? Воистину – неистребимая козливость! Впрочем, антиподы козлов – львы – тоже вполне мачо звериного мира. При чем здесь это? Болтливость – первый признак трусости. Онемение – второй.

Шел и шел я сквозь туман, шел и шел. Долго мог бы идти. Если бы Астрал подчинялся логике, но он продукт чувств, эмоций...

И разверзся туман, и воссияло солнце, хотя по логике ему здесь неоткуда было взяться. Только при чем здесь логика?... И на пороге нашего дома меня встретила Она – жена моя возлюбленная, но не в том возрасте, в каком я ее оставил, а в каком встретил – юная, прекрасная (помнится, я буквально балдел, встречаясь с ней – такой она мне представлялась фантастически красивой!), полная светлых надежд и веры в счастливое будущее со мной. Не думаю, что сбылось больше одного процента ее великих планов, но мы любили друг друга до самого конца. Моего. А разве сейчас все кончилось?... Она протянула мне руку, и я понял, что если сейчас войду в этот дом, то уже никогда из него не выйду.

А зачем мне выходить? Для каких-то гипотетических вселенских целей? Кто их ставил и какой в них смысл? Не есть ли этот вселенский смысл и его цели – иллюзия? Иллюзия бессмертия и бесконечного круговорота жизни. Не есть ли истинная цель – этот дом и наше единство в нем до скончания веков?..

Сильно-сильно зашемило сердце. Я протянул руку, наши пальцы встретились... Соло скрипки!.. Струнные рыдают... Сердце трепещет... Душа поет... Вот оно – райское блаженство!

Но что это? После моего прикосновения с Ней стало что-то происходить: сначала будто туманом легким подернулась, потом стала полупрозрачной, а затем черты Ее и фигура принялись изменяться. И перед моим изумленным взглядом проявилась моя Последняя Любовь, которая «печальная черта» и «отчаянный рывок из брэнности в бессмертье»... Похоже, допрыгался...

– Не ожидал? – спросила она.

– Надеялся... – ответил я. – Очень хотел встретить вас обеих. Но это слишком хорошо, чтобы быть правдой. В жизни так не бывает, только в мечтах.

Она улыбнулась и превратилась обратно в Первую Любовь. Та мне тоже загадочно улыбнулась. И опять вернулась в облик Любви Последней. Я хмыкнул. Женщины любят такие игры. Морочить нам голову – их любимое развлечение. Грех отнимать у них его.

Теперь Последняя Любовь протянула мне руку. Я принял ее с волнением.

– Входи же, – пригласила Она. – Там ждет тебя сын.

От неожиданности я отдернул руку. Какой, вашу Машу, сын?! У нас не было сына!.. Я о нем только мечтал, но не мог позволить себе такой роскоши на склоне лет. Хорош бы я был, оставив его сейчас сиротой! В мечтах я рассчитывал прожить дольше, чтобы успеть его воспитать. Но вон как все обернулось... У меня только дочь, взрослая...

– Как-кой сын? – спросил я вслух.

– Наш, – ласково улыбнулась Она.

Я почувствовал, что мои ноги вросли в землю или в туман (кто знает, что у меня под ногами?) и я не могу сделать ни шага.

– Пусть... он... выйдет... – пробормотал я умоляюще. – Я... не могу...

– Сына-а, – позвала она, не называя имени. – Иди сюда! Папа зовет...

Он появился сразу – возник в дверях. Мальчонка лет пяти. Когда успел? В чистом костюмчике: рубашечка, шорты, сандалики. Возник и уставился на меня вопросительно. Я узнал его – точная копия меня в таком возрасте.

– Ну, входи, входи, – ласково подталкивала меня в спину Последняя Любовь, она же, как чувствовал, и Первая.

Возможно, я и вошел бы, но ноги так и оставались вросшими в то, на чем я стоял, а взгляд сына уперся мне в глаза и, казалось, отталкивал меня.

Он прав, вдруг отчетливо осознал я. Женщины добры, ибо любяши, им не понять.

Я протянул руку, желая похлопать сына по плечу, он отстранился. Молодец, настоящий мужчина!

Я вздохнул и сказал:

– Прости меня, сын, прости за то, что не дал тебе жизнь...

И увидел по его глазам, что он понял меня. А простить? Такое разве можно простить?! Я и не надеялся.

– И вы простите, любимые, – повернулся я к Женщине своей мечты. – Мне пора, труба зовет, Мальбрук в поход собрался... Вам нужен другой, он там, в доме, ждет вас. Он от мира сего, а я – от другого. Спасибо, что вышли проводить меня.

Женщина молча обняла меня, перетекая из одного облика в другой, отчего тело ее казалось пульсирующим и удивительно ласковым.

– Возвращайся, – прошептала она мне на ухо. – В этом доме тебя всегда ждут.

А туман тем временем стал истончаться, пока не рассеялся вовсе, оставшись за моей условной спиной облачным фронтом. А я опять ощутил себя солитоном, и предо мной раскинулся бескрайний океан, покрытый множеством шишастых волн. Правда, эти «шишки на ровном месте» были одиннадцатимерными, потому описать их можно только формулами, которым здесь не место. Всяк представляет в меру собственной топологической испорченности...

Мои недавние астральные псевдочеловеческие эмоции теперь стали тем, чем и были в сути своей, – информацией, не отражающей объективной реальности, а являющейся формой существования реальности субъективной. У нее свое место в мироздании, но к моей дальнейшей судьбе она уже никакого отношения не имеет.

Теперь я знал о существовании множества таких «домов» в Астрале, которые остались от прежних моих жизней и куда я мог при желании в любой момент вернуться. Только подобных желаний не возникало. Там жили мои отражения. Возможно, когда-нибудь, в конце Пути, они мне понадобятся, но я знаю, что это будет нескоро.

А пока я постепенно начинаю ощущать свою включенность в эту грандиозную информационную систему, заново привыкаю чувствовать себя частью океана. Странное чувство – почти как любовь. Всеобщая... Вселенская групповуха... Ох, неистребима пакостная суть человеческая! А ведь сейчас я вспоминаю себя не только человеком, но и рыбой, и птицей, и зверем. Все это

во множестве видов, родов, типов, классов и т. д., и т. п. А человеческое пробивается. Царь природы, блин...

Но при этом всеобщем соитии все равно все мои жизни с их последствиями остаются моей заботой, вселенский мультисолитон лишь задает общее направление движения. Мы – волны жизни, а всякая волна имеет свою амплитуду, длину и скорость. Мультисолитон стремится к резонансу, но он возможен, только когда все характеристики совпадут. А пока все мы живем своей жизнью, подпитываясь общей энергией. Потому и не затухаем. А резонанс? Не знаю, возможен ли он? Да и нужен ли? Потому что при резонансе выделяются такие энергии, что все погорит радужным пламенем. Предположительно именно тогда возникнет новое Мироздание, которому понадобится новое зерно жизни. Мы и есть эти самые «зерна»... А это значит, что старая жизнь исчезнет. Вопрос: будет ли это то, к чему стремились, или то, на что напоролись?..

Вот так постепенно идет моя самоидентификация, я познаю, кто я есть и куда меня несет мой мультисолитон. И задаю глупые вопросы... Уж сколько раз такое было, а каждый раз как первый. Ну, наверное, не совсем, потому что опыта жизни больше, только это не сразу осознается.

Главное – это восстановление индивидуальной динамической памяти о своих прежних воплощениях во всех мирах, во всех временах. Об этом можно кропать романы, снимать киноэпопеи, писать картины маслом, отливать барельефы со скульптурами в бронзе и рисовать карикатуры карандашом – мир бы пошатнулся от обалдения. Но мир устоял – не пушали творцов всех мастей к такому материалу, нет к ним доверия в духовных сферах. И моя полевая сущность некоторое время вибрировала от волнения – я даже начал опасаться, что частоту моих собственных колебаний собьет, но все-таки устояла частоту-лечка моя. Амплитуда только выросла. Число и качество прожитых жизней ее и определяет. И в положительную сторону, и в отрицательную.

Память возвращает и цель нашего солитонного бытия. Нам назначено в результате цепи воплощений стать оптимальным зародышем жизни, зерном, из коего должны вырасти все формы живого в новых мирах, которые просто обязаны быть лучше прежних. Лучше – значит, во-первых, счастливей (счастье – духовная гармония с мирозданием), во-вторых, неуязвимей перед космическими катаклизмами, которым несть числа, в-третьих, многомерней. Разумная жизнь должна овладеть всеми измерениями Мироздания, с тем чтобы разумно его организовать и перейти на более высокие уровни бытия. Ну, это если нашему супермультисолитону удастся всеобщий резонанс... Есть такая гипотеза «панспермии» у человечества – вот над спермой и работаем. Над собой то бишь.

В идеале человек должен воспринимать информацию так же, как ее воспринимает его освобожденная душа, солитон его многомерный, включенный в сложнейшую полевую структуру мироздания. И использовать эту информацию для усовершенствования материальной сферы.

Только останется ли он после этого тем, кем был?

А когда самоосознание завершается, я приступаю к анализу того, что натворил за свои жизни. Печальная иногда прорисовывается картинка. В стиле Босха или Кукрыниксов... Вплоть до необходимости аварийного воплощения – не воплотившись заново, мы не можем оказать корректирующего влияния на полученный результат. А эта очистка кармы, грубо говоря, иногда требовалась: исключение вредных мутаций в направлениях, противоположных цели, или просто тупиковых вариантов. Да и духовные ориентиры цивилизаций частенько принимали такие уродливые тенденции, что это начинало корежить и выворачивать наизнанку информационные поля солитонов, душ то есть. Приходилось воплощаться Духовным Учителем. Чаше всего с ним обходились очень грубо,

но зерно он оставлял. Иногда прорастало. Духовное самосовершенствование – задача вселенская. И основная ее часть осуществляется здесь, на полевом уровне, а потом, при воплощении, полевые настройки превращаются в биохимические, исправляющие генетический код потомства на следующий период. А генетическая информация запоминается на волновом уровне. Круговорот информации в природе – и все благодаря информационному полю.

Собственно, уяснив задачу, я и занялся самоанализом на своем уровне, дожидаясь настоящей необходимости воплощения в каком-либо из миров. Хотя на первых порах меня к этому совершенно не тянет.

Духовное часов не наблюдает... И времен не замечает при четырех-то измерениях времени. Но у тех, кого я оставил, оно шло.

И я по свежей памяти подглядываю за жизнью своих последних ближних. А ведь я – прадед в четвертом колене своей жены и в седьмом – самого себя. Воплощался для генной коррекции. Что получилось, посмотрим на внуке, когда подрастет, и на правнуках.

Жена, установив памятник на моей могиле, через год окончательно переехала к дочери на Камчатку и налаживает социальные и духовные контакты с внуком. С трудом, надо сказать, потому что она была для него чужой бабкой. Я видел, что она переживает, но меня это, как я обнаружил, уже не трогало. У дочки обнаружились конфликты с мужем, который все откровенней спивался. Мне и это оказалось безразлично: скорей сопьется – раньше дочь освободит для иных вариантов жизни, да и сам быстрее вернется к «настоящей» работе. Наверное, он и пьет, чтобы ускорить процесс возвращения?

Моя Последняя Любовь нашла свою Долгожданную, как я и желал ей. Теперь сможет осуществить то, зачем воплощалась. Но и этот факт я констатировал без особых эмоций. Только взгляд сына постоянно прожигал насквозь мою волновую сущность. Особенно, когда я видел Ее. Поэтому старался делать это реже, лишь теперь осознав, что, струсив, не полностью выполнил свою задачу в этом воплощении. И другой возможности уже не будет... А родила она все-таки сына. Только он совсем не был похож на меня.

На самом деле все жизни – копии друг друга с небольшими случайными отклонениями. Родился, жил, умер, так и не осознав, зачем жил. Душа знает, человек – нет. Потому что лишнее знание будет мешать исполнить задуманное. А все случайные отклонения оседают в Астрале как малоинформативный мусор. Скука... Особенно при четком знании, насколько все эти жизни функциональны, подсобны, промежуточны.

Прошло еще несколько человеческих лет.

Параллельно со вселенским всевременным соглядатайством я спокойно наблюдал, как умирает моя бывшая жена. Как истинно святая преставилась – во сне последнем, в вечность переходящем. Без мук и мелодрамы вокруг. Это в ее стиле.

Увидела она в этом сне меня – будто бы звал я ее, и пошла на зов, поспешила, давно дожидаясь. Только не звал я никого. Это был ее астральный я, ею созданный для себя, чтобы с ума не сойти в одиночестве душевном.

Зачем мне ее звать? На Земле мы нашу общую задачу выполнили: в результате нашего полевого резонанса родился новый солитон – новая полевая структура с заданными нами еще здесь до воплощения характеристиками – душа дочки.

В общем, пожелал я ей не сбиться с пути истинного и занялся своей вселенской текушкой, отправив эпизод в архив.

А потом я начал слепнуть. Или глохнуть? Ко мне стала хуже поступать информация из плотных (или плотских?) миров, необходимая для функционирования.

Сначала перестали проследиваться некоторые генеалогические линии, очень уж замысловатые и многокомпонентные из-за древности их начал. Потом принялись подергиваться туманом и свеженькие, относительно простенькие. В конце концов и вовсе заклинило, заткнулось – потерял я связь со своими мирами и потомками, оставшись один на один с мирозданием – вся информация, что относилась к нему, поступала в прежнем объеме.

Я принял это равнодушно, типа «баба с возу – кобыла вскачь», и двинулся туда, куда нес меня сверхмультисолитон вселенной. Я же – его часть. Поначалу это было похоже на покачивание на океанских волнах, почти блаженство. Но положительные эмоции быстро закончились. Получается, что у души тоже есть свои «физиологические» потребности. И главная из них – включенность в процесс жизни. Собственной жизни, которой я, оказывается, лишился. Да нет, как же лишился, когда процесс мышления продолжается: мыслю, следовательно, существую... Но это – то же, что быть свечой, которая не горит, или водой, не утоляющей жажды.

Услужливое Информационное Поле Мироздания подсказало мне, что такое с нами, солитонами, случается – выпадаем из своих мультисолитонов, продолжая индивидуальное движение в свободном полете. «Душа освобожденная» называется... Свобода – это одиночество... И меня охватила такая тоска, что и вовсе исчезнуть захотелось. Ну зачем мне это бессмысленное блуждание по одиннадцатимерной бесконечности, замкнутой на себя?

Какое занудство: и это оказалось обычным явлением в душеведении – усталость души, информационное переполнение памяти и каналов. Рекомендуются впадение в нирвану – слияние с Мультисолитоном Абсолюта, впитывающего всю информацию мироздания и замыкающую ее в себе. К свободным волновым структурам типа меня она, эта информация, не поступает, и что с ней происходит внутри Абсолюта, никому из нас не ведомо – другой информационный уровень. Абсолют – информационный коллапсар. Остатками разума я понимал, что меня повышают в статусе, призывая к себе, но почему-то эти остатки сопротивлялись любезному приглашению. То ли они цеплялись за прошлое, то ли сопротивлялись будущему – очевидной потере индивидуальности и завершению этапа бытия.

Я чуял притяжение Абсолюта, которому никто не способен сопротивляться, но ощущал и тоненькие ниточки связей с прошлой жизнью. Откуда они? Все, в том числе и последние мои воплощения со своими последствиями, отключены от меня. Но я же чувствую, что имею два пути: очевидный – рекомендуемый, и сомнительный, призрачный – нежелательный... Даже и называть его – дурной тон в приличном полевоом обществе.

Какая простенькая бифуркация: остаться существом (человеком в полевоом смысле) или стать Богом... Впрочем, нет – термин дискредитирован, правильной – стать Абсолютом Вселенского Знания. Вариант Абсолюта, надо полагать, неизбежен, потому что Абсолют довлеет над всем, но и человеческое почему-то хочется испытать до конца.

А может, ну его? Чему быть, того не миновать... Какая разница – когда? И там занудство, и тут нудятина...

Я сдался – мы бессильны перед смертью там, бессильны и перед бессмертием здесь. Пусть уж наступит – и больше никаких забот. Или у Абсолюта абсолютные заботы?

У коллапсара, как и положено, оказалась крепкая хватка. Я ее сразу ощутил, как только решил сдаться. Меня неудержимо повлекло к Нему, но вдруг в самый последний момент какими-то остатками моих волновых инстинктов меня выдернуло из воронки коллапсара, и я обнаружил себя в тумане. Это даже не квантовая телепортация, а свертка лишних измерений – Астрал существует в шестимерной проекции.

Я сразу понял, что нахожусь именно в нем, потому что он и был вторым подразумеваемым выходом из ситуации, призрачным и нежелательным. Но почему же инстинкты сунули меня сюда?

На последнем прямом пути из жизни в бытие я был здесь в ощущениях псевдочеловека. Сейчас же оставался нормальным солитоном со стандартным набором сенсоров и манипуляторов. Информационных, естественно. И ощущал Туман не как большую тучу, а как экран, еще больше ограничивший доступ ко мне внешней информации. Ну вот, против чего боролись – на то и напоролись. Что есть информационный солитон без информации?

Сам я не имел цели, не осознавал ее, но движение продолжалось. И постепенно мое ощущение тумана менялось: я все отчетливее видел его тучей, как при недавнем посещении. Это означает, что, ограничившись в информации, я постепенно превращаюсь в псевдочеловека, то есть в его информационный образ.

И вот я ощутил почву под ногами. И со страхом начал догадываться, куда меня ноги ведут... Все правильно: кто не хочет быть в Абсолюте, оказывается на мусорке.

Туман становился прозрачней, шаги короче. Я притормаживал. Развиднелось.

Он стоял на крыльце Дома и вопросительно смотрел на меня. Я остановился. Правильно, здесь надо выдержать паузу, поиграть в гляделки. У него это получалось гораздо лучше, чем у меня. Я первый опустил веки – тяжесть вины придавила.

И все-таки я пошел к нему. Я понял, что хочу этого. Всегда хотел, даже когда был здесь, на пути Туда, но мои солитонные устремления тогда были сильнее внутренней потребности, которая еще только начала рождаться. Теперь я созрел.

Да, мы бессильны изменить что-то на оставленной планете в мире живых; да, мы бессильны противостоять своей полевой сущности в исполнении ее вселенского предназначения; да, мы бессильны против притяжения Абсолюта, когда информационно исчерпываем себя, – мы везде бессильны. Но уж в мире, созданном только нами, нашей фантазией, мечтами, надеждами, нашим интеллектом наконец, – в этом-то мире, ладно, скромней: в этом Доме я, пусть не царь и бог, но Хозяином-то должен быть! Я хочу быть Хозяином этого Дома...

– А где мамы? – деловито поинтересовался я, подозревая, что тех, кто встречал меня здесь, давно уже нет – они из другой мечты.

– Мамы еще не пришли, – пожал он плечами. – Ждать надо...

– Хорошо, – кивнул я. – Будем ждать... Ну, веди меня в дом.

Он испытывающе посмотрел на меня, но ручку протянул. Мы вошли в дом.

И тут ко мне вернулось зрение: я увидел, где сейчас наши мамы...

А мы уже дома, мы подождем... И будем дружить домами...

...Только в нашей плоти брэнной

На малюсенькой планете

Боги могут быть блаженны,

Беззащитны, словно дети...

Михаил АНИЩЕНКО

Я лишь проездом на земле

Редакция журнала предлагает своим читателям подборку стихотворений талантливого русского поэта Михаила Анищенко, в чьих произведениях слились воедино боль разлуки и радость встречи, одиночество и страстное желание пережить духовный опыт других, неизбежная тоска и восторг жизни.

Песочные часы

Враждебны ангелы и черти. Не помнит устье про исток.
Из колбы жизни в колбу смерти перетекает мой песок.

Любовь и ненависть, и слёзы, мои объятья, чувства, речь,
Моя жара, мои морозы – перетекают. Не сберечь.

Сию на пошлой вечеринке, но вижу я, обречено,
Как больно, в этой вот песчинке, мой август падает на дно!

Часы не ведают страданья, и каждый день, в любую ночь –
Летят на дно мои свиданья, стихи и проза... Не помочь.

И трудно мне, с моей тоскою, поверить в нечет, словно в чёт, –
Что кто-то властною рукою часы, как мир, перевернёт.

И в стародавнем анимизме, чтоб жить, любить и умирать,
Из колбы смерти в колбу жизни песок посыплется опять.

Опять я буду плавать в маме, крутить по комнате волчок...
И станут ангелы чертями, и устье вспомнит про исток.

Михаил АНИЩЕНКО (1950–2012). Родился в Куйбышеве (ныне Самара). Литературные псевдонимы Анищенко-Шелехметский, А. Нишенка. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников («Оберег», «Поюшая половица» и др.), романов, биографического исследования о жизни В. Шекспира «Открылась бездна звезд полна».

* * *

До луны, до ночных петухов,
В разнотравье родного заречья,
Мне б отречься от всех стихов,
От погибельной тьмы отречься.

Сколько можно вот так, навзрыд,
Принимать освящённое благо?
Я ведь знаю, как ты на разрыв
Поддаешься легко, бумага.

Сколько можно судьбу свою
Загонять, как коня, до предела?
Ведь в цветущих садах соловью
Никакого до этого дела!

* * *

Ждала. Так ждут теперь едва ли.
Час ожидания – словно век.
Не часто тьму такой печали
Осилить может человек.

Ждала – высокая, большая,
Хранила прошлое в душе,
В забытом мире воскрешая
Всё то, что умерло уже.

Ждала, не думая о хлебе,
Ждала, как света ждут во мгле.
Но ты ждала меня на небе,
А надо было на земле.

* * *

Мне нравится лунная сырость,
Что дождик строчит и поёт,
Как будто одежду на вырост
Мне мама на кухонке шьёт.

Высокая топится печка,
Беспечен и молод отец,
И тихо стоит на крыльчке
Неведомый день-реченец.

А дождик всё тише и тише,
У бабушки слёзы текут...
И я уже знаю, что Мишей
Сегодня меня назовут.

Я плачу: мне некуда деться.
Куда ни посмотришь – родня.
И смерть из отцовского сердца
С восторгом глядит на меня.

* * *

Мне чужды все – и друг, и враг.
Простыл во тьме мой ранний след.
И в двадцать лет вместились сорок,
Ещё не прожитых мной лет.

Бормочет дождик: «Бездарь! бездарь!»
И я шепчу: «Молчи! молчи!»,
И, словно камушек над бездной,
Боюсь закашляться в ночи.

Я как пожар: горю в незримом,
Но каждый раз с приходом дня
Боюсь, что скоро стану дымом,
Одним лишь дымом без огня.

Мне нет пути. Мой путь заказан:
Не знаю – как, не знаю – кем...
Но для короткого рассказа
Мне хватит жизни между тем.

Взгляну назад – дымится детство.
Зола – и больше ничего.
Всё остальное – только бегство
От дня рожденья своего.

* * *

Нам ещё рано по небу летать.
Стынут сугробы подобием сопок.
Надо тропинку к дороге топтать
В тысячу триста шагов и притопок.

Влево и вправо, родная, ни-ни!
Слева – по горло, а справа – по пояс.
Словно на землю из мутной мази
Выпала наша бездомная совесть.

В мёртвой деревне по снегу вдвоём
В чёрную бездну идём безвозвратно.
Мы и к дороге уже не дойдём.
И никогда не вернёмся обратно.

Господи, Господи, я как слепой,
И не понять, провалившись по пояс:
Снег нас январский заносит с тобой
Или давно поджидавшая совесть...

Падает снег, и позёмки метут,
Остервенело заносы вальцуя...
Может быть, в марте нас люди найдут,
Слитых навеки в одном поцелуе.

Подмена

Стихи неведомых поэтов:
Всё та же боль, всё та же суть.
Его вопросы ждут ответов,
Но спин не могут разогнуть.

Он жил, но с миром не сливался,
Был только тайной вдохновим.
Сквозь ливень шёл, но оставался,
Как порох – страшным и сухим.

Он был бледней ночного снега,
Жил на земле, как в шалаше,
Как будто замыслы побега
Хранил в измученной душе.

Он на реке таил пирогу
Во сне выстрегивал весло,
И говорил ночами Богу:
«Куда нас, милый, занесло?»

В его душе летели птицы,
Планеты плавали в огне;
И проливались на страницы
Слова, неведомые мне.

И я его любое слово
Глотал, забыв и стыд, и срам,
И, как трамвай от Гумилёва,
Летел по призрачным мирам.

Он не терпел вранья и блуда,
Ходил разутым в феврале
И говорил: «Я не отсюда.
Я лишь проездом на земле».

Смеялись ангелы и черти,
И белых яблонь таял дым...
Он не хотел бояться смерти
И умер страшно молодым.

И я, познав другое зренье,
Ищу неведомой любви,
И все его стихотворенья
Пытаюсь выдать за свои.¹

ПОСЛЕ ПОЭТА

«Когда я прочел три его стихотворения, напечатанные Олегом Хлебниковым, то сразу понял, что наконец-то пришел долгожданный большой русский поэт. Михаил Анищенко – лучший подарок читателям поэзии за последние лет тридцать, если не больше. ... Не прогляди этого поэта, Самара. И ты не прогляди, Россия. Мы же тебя называем Россией-матушкой. Так будь матерью своим поэтам», – писал о Михаиле Анищенко Е. Евтушенко, ставя его в один ряд с С. Есениным, Н. Рубцовым, Ю. Кузнецовым, Веничкой Ерофеевым.

Одной из причин бесчеловечного отношения к поэтам в России является завистливое знание о том, что стихами мостится дорога в вечность.

Чем более жестоко обходятся с поэтом, непосильными испытаниями или насмешливым равнодушием «делая» ему «биографию», тем крепче и в мучителях, и наблюдателях коренится непостижимая и несокрушимая вера в то, что стихи на этой земле действительно что-то значат.

Анищенко умер 24 ноября, накануне зимы, на 63-м году жизни, в глуши, в полуразвалившемся деревенском доме. Сердце.

Образ этой гибели и сейчас стоит передо мной грозно и неотступно. Каким потоком могло снести этого человека туда, куда городская «скорая» приезжает часа через три, где, может быть, есть медпункт, но до него еще надо идти минут этак двадцать по промерзлой распутице, стучать в темные занавешенные окошки?

...Это было самообречением на смерть.

...Он не мог не знать, что погибнет именно там, не мог не почувствовать этого.

¹Подборка составлена по материалам сайта <http://45parallel.net/>

Но только там ...у него совершенно развязались руки. Они развязываются в самом конце пути, в его высшей точке, откуда уже приветно светят небеса.

...Когда видишь, сколько осталось, в душу наверняка нисходит пронзающее насквозь ощущение последней и единственно возможной свободы.

*Счастье ушло. Но осталась свобода –
Та, что похожа на полный расчет,
Та, что случается после ухода
Тех, кто уже никогда не придет.*

Сергей АРУТЮНОВ

Я УБИТ ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ...

Несмотря на все тяготы и лишения, которые преподнесла ему судьба, Михаил Анищенко не жалел, что родился русским человеком.

*Свою судьбу, рассыпав снегом,
Шепчу над Родиной святой:
«Родиться русским человеком!
Какое счастье! Боже мой!»
Родиться русским. Петь и драться.
Писать стихи, брести домой
В худой одежде голодранца...
Какое счастье, Боже мой!
Родиться русским! Парус ладить,
Сжимать в руках цветы и плетть,
Всё полюбить и всё утратить,
И ни о чём не пожалеть!*

«Родиться русским»

Такое стихотворение мог написать только истинно русский человек, с детства полюбивший свою Родину и никогда не изменявший ей.

Фразу «всё полюбить» поэт не расшифровывает, надеясь, что его будут читать те, кто знает, в чём заключается «загадочная русская душа». Здесь существует как бы «обратная невидимая сторона» стихотворения, в которой заключены все смыслы, начиная от героической истории России и кончая понятием «русский характер».

Грянул 1991 год. На собственной шкуре испытал «прелести рыночной экономики» Михаил Анищенко. Он переехал из Самары в село Шелехметь и жил там в стареньком домишке, нигде не работая и не получая зарплаты, но его любовь к своей Родине от этого не стала убывать. Он мог бы, конечно, открыть лавочку, чем-нибудь торговать и материально жить гораздо лучше. Но тогда бы он был мелким буржуа, а не выдающимся русским поэтом.

Всматриваясь в окружающих его людей, Михаил Анищенко видел, что бурно меняющаяся страна изменяет и людей, – больше стало агрессии, злобы:

*Куда ни взглянешь – всюду топь.
Шагнёшь на мост – а он сгорает.
Как будто это речка Злобь
По всей России протекает.*

«Наперекор»

И чем дальше страна идёт к «светлому капиталистическому будущему», тем больше он и сам меняется, и не в лучшую сторону: «Подменили мне Русь, подменили мне Бога, подменили мне мать и меня самого». Это отчётливо видно, если прочитать и часть его стихотворения:

*Страна берёзового ситца
Ещё как будто бы жива...
Но на престол уже садится
Иван, не помнящий родства.*

*И я, грядущему не веря,
Вдали от мира и людей,
В своей душе лелею зверя
И убиваю лебедей.*

«Опять мороз идёт по коже»

Поэта не устраивает происходящее. И чуть позже он пишет стихотворение:

*Мне прилечь бы, пасмурная родина,
Под кустом растаять как сугроб...
Чтобы снова белая смородина
Красной кровью капала на лоб.*

*Чтоб забыть всю злость и наущения,
Жажду мести, ставшую виной;
Чтобы белый ангел всепрощения,
Словно дождик, плакал надо мной.*

*Чтоб платить и ныне, и сторицею
За судьбу, сиявшую в глуши;
Чтобы гуси плыли вереницею
В небеса распаханной души.*

«Мне прилечь бы»

К стихотворениям Михаила Анищенко можно не давать развёрнутых комментариев. Их художественная ценность очевидна. Здесь каждая строка радует душу или обжигает её, заставляет читать следующие стихотворения и не останавливаться. Уникальный поэт!

*Россия, Русь! В тоске величья,
К кругу неверия и лжи,
Меняй одежды и обличья,
Но дух нетронутым держи!* – так, словно к понимающему близкому человеку, обращается поэт к родине, беспокоясь о ее судьбе.

Поэт пишет и о сегодняшнем дне и всматривается в будущее отчизны, оглядывается и на прошлое и ощущает себя неотъемлемой частицей многострадальной родины:

*Мне теперь что назад, что вперёд,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.*

*Оглянусь – ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.*

«Родина»

У Михаила Анищенко были сложные отношения с Родиной, он так и не принял новую Россию с её «рыночными отношениями», торжеством всеильного рубля. За несколько дней до своей смерти он написал:

*Полыхнуло огнём по детству, полетел с головы картуз.
Я убит при попытке к бегству... Из России – в Советский Союз.*

Валерий РУМЯНЦЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА

Рассказ

Нодир НОРМАТОВ

Сельская школа недалеко от берега Дабилсая. Звонок прозвенел уже давно – во дворе никого нет. Только из некоторых классов доносится шум: дети, наверное, все еще не дождалась своих учителей. В учительской, которая находилась в далеком конце здания школы, шла беседа.

– Почему он не уходит на пенсию? – спрашивает молодой преподаватель, принятый на работу совсем недавно.

Занятый внесением поправок в расписание завуч не спеша ответил ему:

– У него возраст ещё не подошёл...

– Как он будет преподавать с таким плохим зрением? – удивляется молодой преподаватель. То, что он лишь недавно приехал в эти места, было видно по его внешности: у него на шее висел яркий галстук, на кримпленовом костюме приколото украшение в виде зайчонка. Он стоял у окна и задумчиво смотрел на пышно цветущее вишневое дерево. – Наверное, ему стоит полечиться?

– Нет, врачи советуют ему перейти на другую работу...

В это время открылась дверь, и в учительскую с книгой под мышкой вошел человек преклонного возраста. Завуч запнулся, увидев его. Вошедший с опущенной головой задумчиво шагнул в сторону, где на стене висела географическая карта. Пришурившись, посмотрел на нее. Из кармана его чуть помятого пиджака виднелся хорошо отточенный кончик красного карандаша.

– Гаффар-ака, – обратился к нему завуч, стараясь придать своему голосу как можно больше доброжелательности, – не отдать ли вам уроки труда... Надо бы сейчас решить этот вопрос, так как сегодня педсовет... Что вы на это скажете? Этот молодой человек тоже специалист по географии...

Гаффар-ака потёр глаза и посмотрел на парня, стоящего у окна. Молодой человек достал из кармана сигарету, прикурил и тут же бросил её в пустую урну. Гаффар-ака почувствовал себя совершенно опустошенным. Через некоторое время он произнёс виновато:

– Да, братишка, врачи правы, я теперь не гожусь для преподавания. Я ведь и сам собирался уволиться...

– Мы подыщем вам другую работу, и зарплата будет сравнительно такая же... – заторопился завуч.

– Не надо, дорогой Тураджан, я не могу так. Я привык работать честно.

Нодир НОРМАТОВ (1950–2017). Прозаик, искусствовед, сценарист. Родился в Сурхандарьинской области. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор сборников «Кугитанские рассказы», «И взлетели птицы с оврага», «Дом, в котором живет радуга», романов «Баригал», «Последнее завешание Рузы Чарыева». Автор многочисленных статей по актуальным проблемам искусства.

После урока оставляю вам заявление об уходе.

Сказав это, он взял со стола классный журнал и неторопливо направился к двери. Выходя из учительской, услышал слова молодого учителя:

– Зачем вы сейчас это сказали, ведь можно было попозже...

– Дорогой, служба не терпит уступок, – ответил завуч, – мы должны думать о детях.

«Да, да, конечно, – подумал Гаффар-ака, – надо думать о детях!..»

* * *

Вечером Гаффар-ака сообщил дочери:

– Я решил уволиться с работы, дочка. Зрение совсем ослабло, ничего не получается у меня.

Айпарча, качающая колыбель ребёнка, повернулась к нему и тихо вздохнула:

– Вы довольно поработали, отец, пора и отдохнуть, – сказала она мягко, – ваш зять не станет тяготиться вами, хотя у него на иждивении находятся уже семеро.

Отец посмотрел на дочь с грустным умилением.

– Не в этом дело, – сказал он, – я просто не могу жить без дела.

На улице шёл дождь. От журчания стекающей по желобам воды мысли Гаффара-аки прояснились. В разбитое оконное стекло в комнату врвался свежий ветер.

– Это Артикджан, негодник, разбил вчера, – сказала Айпарча. – Хоть бы оказалось стекло в магазине, заменить надо.

– Ладно, не ругай ребёнка, – успокоил её Гаффар-ака.

Он взял коробку из-под конфет, развернул, распрямил её и неторопливо приклеил к разбитому стеклу. Потом прилёг на подушку.

Что же теперь делать? Впереди зияющая пустота. Эта мысль сначала удивила его, потом он ужаснулся ей и вздрогнул, приподнялся и сел. Незаметно для дочери бросил унылый взгляд на портрет своей умершей жены, который висел у него над головой, и через некоторое время опять прилёг.

Айпарча отошла от колыбели уснувшего ребёнка и обернулась, чтобы сказать что-то отцу. Но в комнате царил такая странная тишина, что она не решилась нарушить её и вышла посмотреть за курами. Одна из трёх имеющихся кур снесла яйцо. Айпарча приготовила ужин, заварила чай. Когда вошла в комнату, отец сидел, качая колыбель ребёнка. Малыш спал, мирно посапывая. Айпарча постелила скатерть и позвала всех к столу. Наливая отцу чай, Айпарча сказала:

– Отец, ухудшение вашего зрения – следствие ранения, полученного на войне. Вам, наверное, следует пойти в район хлопотать. Может, вам пенсию назначат раньше срока...

– Понимаешь, мне как-то неудобно напоминать о заслугах тридцатилетней давности, дочка... – произнёс Гаффар-ака.

– Ну вы же не один такой. Государство берёт на попечение сотни таких, как вы. Зять тоже поддержал жену.

...После долгих колебаний Гаффар-ака решился сходить в район. Зашёл в отдел социального обеспечения. Дородная женщина с прищуренными глазами, сидящая за столом прямо напротив дверей этой светлой и уютной комнаты, с улыбкой посмотрела на него и пригласила сесть.

– Чем мы можем быть полезны? – спросила она его.

Её улыбка подбодрила Гаффара-аку.

– Сестричка, я ещё не достиг пенсионного возраста, но мне надо оформить пенсию...

Женщина с любопытством посмотрела на него:

– А в чём причина?
– Зрение у меня некстати ухудшилось. А мне только пятьдесят лет.
– Так можно же подлечиться...
– Я шесть раз лечился в Ташкенте. Видимо, это бесполезно, – затем Гаффар-ака чуть смущенно добавил: – Это следствие ранения, я был ранен в голову на войне...
– А справка у вас есть?
Гаффар-ака улыбнулся грустно:
– Кто бы мог предвидеть, что могут понадобиться эти справки. Была, конечно, справка. Но, возвращаясь с войны в день победы, мы завернули в неё махорку в поезде и выкурили! Бумаги не было.
– Как ваша фамилия?
– Турдиев.
– Ну так вот, товариш Турдиев. Вы напишите письмо в тот госпиталь, где вы лечились, и они вышлют вам дубликат справки.
– Теперь ведь нет тех госпиталей, сестричка, – сказал Гаффар-ака, да я и адрес забыл. Только помню, что это было в Кёнигсберге, и всё...
– Но тогда мы ничем не можем вам помочь, – сказала женщина.
– Выходит, слово живого человека не в счёт, нужна бумага? – попытался пошутить Гаффар-ака.
– Почему вы так говорите? – возразила женщина. – Есть определённый порядок. Обратитесь-ка в межрайонную комиссию, ВКК она называется. Она наверняка поможет вам.
Гаффар-ака вышел и, не дожидаясь автобуса, на попутной машине вернулся в кишлак.

Наступили последние дни лета. Гаффар-ака любил проводить время под большой чинарой, выросшей около старой мельницы. Здесь всегда было многолюдно, здесь он встречал своих товарищей, беседовал со знакомыми о том о сём. Однажды он вступил в разговор с Сафаром-акой, который продавал здесь мясо.

– Эй, Гаффар, – поздравил его Сафар-ака, – иди сюда.
– До чего сегодня жарко, – подходя к нему, заметил Гаффар-ака, опуская с плеча ремень своей почтовой сумки.

Они подошли к супе в тени чинары и сели.

– Говорят, что вы отремонтировали эту старую мельницу? – спросил старик, указывая на нее. – Хотите работать на ней?.. Хорошее дело. Я ездил за товаром и не знал, а то помог бы вам в ремонте.

– Это я просто так, от нечего делать...

– Это хорошее дело, – повторил Сафар-ака. – А ведь раньше эта мельница была очень важной, жизненно важной. А теперь оказалась ненужной. Вон, бери сколько угодно белой муки, во всех магазинах она теперь продаётся.

– Да, – согласился Гаффар-ака. – Вся моя молодость прошла в этих местах. Я отремонтировал мельницу в память о былых днях...

– Да, были времена. Мы же ещё до вас здесь гуляли в молодости, выбирали себе невест. Свою жену я здесь и выбрал, поймал-таки здесь... – весело хихикнул Сафар-ака. – Молоды-зелены были.

Он достал из кармана маленькую табакерку, насыпал оттуда на ладонь порцию насвая и заложил под язык, от наслаждения закрыв глаза.

Гаффар-ака улыбнулся, глядя на него.

– Я хотел у вас спросить, ака, – обратился Гаффар-ака к нему, – не найдётся ли у вас немного пшеницы? Я бы перемолол её вам... Ведь лепешки, выпеченные из муки, смолотой на мельнице, намного вкуснее обычных... Я расспрашивал всех своих соседей, ни у кого зерна нет, чудно.

– У меня тоже нет, – сказал старик и встал, – но есть у Хамробая. Он

каждый год сеет пшеницу... Браток, ты побудь здесь немного за меня. Мне надо сходить домой. Я там пустил воду для поливки огорода, надо посмотреть. Ты встань за прилавок, если подойдёт покупатель.

Сказав это, дед Сафар ушёл. Оставшись один, Гаффар-ака задумался, устремив взгляд на милую душе местность, на мельницу. Перед его взором возникла тихая, радостная картина: равномерно крутящиеся жернова мельницы, золотые зёрна пшеницы, сыплющейся в её ковш, подходящие в очередь девушки и женщины, желающие промолоть своё зерно.

Ведь эта мельница была так дорога и необходима когда-то. А теперь совсем заброшена. Если бы не возражения стариков кишлака, её давно бы снесли. А почему её обязательно надо сносить? Ведь бывают вещи, ставшие ненужными, но остающимися дорогими как воспоминание. Гаффар-ака достал из своей сумки журнал, полистал его и сунул обратно. Не зная, что делать, он стал ходить взад и вперед в ожидании Сафара-аки.

Верхом на ишаке подъехал к чинаре Хамробай. Ишак остановился у арыка, не желая прыгать через него. Сидя верхом, Хамробай понукал его, бил по бокам.

– Да слезьте вы с него! – посоветовал ему наблюдавший за этой картиной Гаффар-ака. – Этот упрямец всё равно теперь не станет прыгать.

Ничего ему не отвечая, Хамробай слез и перевёл своего ишака через арык. Привязав его к чинаре, подошёл к стоявшему у лавки Гаффару-аке.

Они не были близко знакомы, просто здоровались, но никогда ни о чём не разговаривали. Хамробай не нравился Гаффару-аке. Ничего в нём не нравилось: ни коротенькая борода, ни его крупные глаза, ни его губы, которые всегда кривились в насмешливой улыбке. Вот и теперь, как только он подошёл к Гаффару-аке, эти губы расплылись в ухмылке.

– Здравствуйте, – поздоровался Гаффар-ака.

– Я вижу, что у вас новая профессия теперь, поздравляю! Значит, вы теперь мясник? Значит, вам всё-таки пришлось уйти из школы?

– Да, я ушёл. Теперь работаю почтальоном, – сказал Гаффар-ака, указывая глазами на почтовую сумку.

– Бросили преподавательскую работу?

– У меня ослабло зрение. К тому же я ушёл воевать, недоучившись в институте. А после войны не до учёбы было...

Хамробай не был на войне, поэтому он не любил разговоры на эту тему. Он быстро переключился на другое:

– На вашем месте работает новый преподаватель.

– Да, я же сам подал заявление...

– Взвесьте полкило мяса, – перебил его Хамро.

– Говорят, у вас пшеница есть? – спросил его Гаффар-ака, взвешивая мясо. – А почему вы так мало мяса берёте? Мясо хорошее, возьмите побольше. Ах да, я забыл, что ваша новая жена ушла от вас. Сочувствую вам, остаться одному на старости лет...

У Хамро резко переменилось настроение.

– Я по-вашему стар?! – отрубил он. – Это вы постарели, браток, а не я! А я ещё о-го-го!..

Выпавив всё это, старик успокоился и стал говорить, по-своему обыкновенно перескакивая с одной темы на другую.

– Вы мне взвесьте филе, браток... А вы слышали, что говорят по радио? Говорят, что где-то идёт война... Человечество не может без войны. Вот увидите, скоро и у нас будет война...

– Что вы сказали? – переспросил ошеломленный Гаффар-ака.

– Война, говорю, нагрянет, – небрежно ответил старик, не глядя на него. – Я же поэтому ежегодно сею пшеницу. Если будет война, голодухи не миновать.

Вот тогда, браток, за чашку пшеницы согласится поспать со стариком даже самая свеженькая девчонка.

Гаффар-ака пристально сверху вниз посмотрел на крепкую фигуру Хамробая. Ему показалось, что это он виноват во всём, во всём: и в том, что у него ослабло зрение, и в том, что жена его умерла в годы войны от голода, и ещё во многом другом... Закипев от гнева, он схватил старика за ворот... и сам не заметил, как ударил его кулаком... Подбежали люди, стали разнимать их, со стороны магазина прибежал милиционер Карим.

– Почему вы ударили старика? – спросил Карим Гаффара-аку в отделении. Там собралось много людей, всем не терпелось узнать, почему Гаффар-ака ударил Хамробая.

Гаффар-ака поднял голову и тихо попросил:

– Не спрашивайте меня...

– Нет, вы должны ответить!

Гаффар-ака почувствовал, что действительно должен ответить. Не милиционеру Кариму, а этим людям надо ответить.

– Я ударил его потому, что он сказал, что скоро нагрянет война.

Карим с удивлением посмотрел на Гаффара-аку.

– А раньше между вами была какая-нибудь вражда?

– Не было никакой вражды.

– Вы правду говорите?

– Я сказала правду. Какая может быть вражда, если он живёт в другой стороне кишлака, а я здесь. Мы с ним едва встречаемся раз в месяц. И то лишь здороваемся – вот и всё наше знакомство. Карим почесал свой лоб.

– Вы пока идите, – сказал он через некоторое время. – Вы свободны до тех пор, пока Хамробай не напишет на вас жалобу.

Гаффар-ака взял свою сумку и пошёл домой.

К вечеру весь кишлак уже знал о случившемся. Кто-то верил этому, кто-то нет. А на следующий день Гаффар-ака сел на своего осла и отправился в дальнее село, находящееся в горах. Он хотел проведать могилу отца и не сказал детям, когда вернётся. Ему хотелось полюбоваться диким виноградом, вьющимся над оврагами, поесть хлеба, макая его в чистую, прохладную, родниковую воду, побеседовать с близкими душе людьми в тех краях, где когда-то жил его отец и прошло его детство. Время от времени он думал о том, что наверняка его засудят, но почему-то чувствовал себя очень легко, словно какой-то груз свалился с плеч.

Хамробай не подал заявление в суд. Узнав об отъезде Гаффара-аки в отдалённое село в горном ущелье, он почему-то даже обрадовался и ограничился распространением слуха о том, что Гаффар-ака уехал, якобы испугавшись его.

Лето кончалось, становилось всё прохладнее и прохладнее, вода в арках уносила пожелтевшие сухие листья, обильно опадающие с деревьев.

Перевод Гавхар НОРМАТОВОЙ.

Гавхар НОРМАТОВА

Родилась в 1951 г. в Бухаре. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). Переводчик с узбекского, русского, турецкого, азербайджанского языков. Член СП Узбекистана.

Виктор НАДОЛЕНКО

ВОТ ТАК...

Рассказы

ХЕЛИКОБАКТЕР ПИЛЛАРИ

Андрей Витальевич давно страдал язвой. С молодости. Вроде бы подлечит – она и отпустит, и жизнь вроде прекрасна. А потом опять начнет тянуть, ныть, выматывать, откуда что берется – непонятно.

Но наука на месте не стоит, и, наконец, открытие: «хеликобактер пиллари» – корень и причина зла.

В рекламе четко рассказали, как с ними бороться. А тут как раз очередное обострение. Самолечение уже не спасает. Надо лечить по-настоящему. Неподалеку открылся новый центр здоровья «Крепыш». Товариш туда ходил, правда, по более деликатной (мужской) проблемой, и вернулся в полном восторге.

– Я, – говорит, – уже и не надеялся на что-то, а тут опять двадцать пять! Вот что значит новые технологии и индивидуальный подход! Если нужно, консилиум соберут. Правда, дороговато, но здоровье того стоит. Обязательно сходи. Вернешься другим человеком.

Ну разве можно было не поверить?! Да и хотелось уже покончить с этой болячкой раз и навсегда. Андрей Витальевич тянуть не стал. При первой же возможности собрался и двинул в «Крепыш».

Новые технологии начали приятно удивлять с крыльца. Входная дверь автоматически открылась и, пропустив Андрея Витальевича внутрь, бесшумно закрылась. «Не то что в нашей поликлинике, – подумал Андрей Витальевич. – Культура». Внутри все сверкало белизной и чистотой. На стенах вместо привычных для таких мест плакатов с изображением больных внутренностей висели пейзажи и морские виды, некоторые даже с авторскими подписями. Во всем чувствовалась солидность и забота о клиенте. Андрей Витальевич подошел к регистратуре. Перед ним стоял мужчина.

– Не переживайте, мужские проблемы – наш профиль, – говорила ему медсестра. – Практически стопроцентный результат. Если нужно, подтянем специалистов со всего города.

Глядя на медсестру, Андрей Витальевич непроизвольно сглотнул слюну. Максимально декольтированный халат чуть прикрывал женские прелести таких объемов и форм, что почувствовалось – эта вылечит. Медсестра

Виктор НАДОЛЕНКО. Родился в 1970 г. в Москве. Окончил ТашГТУ. Директор фирмы по производству косметической продукции. Публиковался в периодической печати Узбекистана и журнале «Звезда Востока».

отвернулась и, наклонившись взять какой-то бланк с полки, оголила ноги до самых трусиков. Андрей Витальевич мельком глянул на мужика и с удовлетворением отметил – выздоравливает.

– Оплатите в кассу – и в восьмой кабинет. Врач Элла Розановна уже будет ждать вас.

Мужчина, как зомбированный, пошел платить.

– Что у вас, мужчина? – обратилась медсестра к Андрею Витальевичу.

– Здравствуйте. У меня язва. Уже много лет. То отпустит, то обострится.

– Здравствуйте, – ответила медсестра. – Не переживайте. Язвенная болезнь – наш профиль. Если нужно, соберем консилиум. Практически стопроцентный результат, – с очаровательной улыбкой сказала медсестра. – Вот расценки, ознакомьтесь.

«Однако, дороговато, – подумал Андрей Витальевич, – но что не сделаешь ради здоровья?!»

– Оформляйте, – сказал он, не сводя глаз с пышной груди.

Девушка быстренько оформила счет.

– Сейчас в кассу, а потом по коридору направо, в двенадцатый кабинет. Врач Герман Николаевич будет вас ждать.

Врач Герман Николаевич оказался добродушным толстячком лет тридцати пяти, так и пышущим здоровьем и жизнелюбием. Кабинет – под стать хозяйну – был светлым и бодрящим. Внутри была еще одна дверь, видимо, ведущая в личную комнату врача. Он действительно уже ждал Андрея Витальевича и, когда тот зашел, встретил его как доброго знакомого.

– Проходите, проходите. Правильно сделали, что пришли к нам, – ворковал он. – Маленькая формальность – можно посмотреть счет?

– Конечно-конечно, – ответил Андрей Витальевич.

Мельком убедившись, что с оплатой все в порядке, Герман Николаевич удобно расположился в кресле и сказал:

– А теперь я вас внимательно слушаю. Пожалуйста, все по порядку: когда началось, какие симптомы, куда обращались, чем и где лечились, кто ставил диагноз. Пожалуйста, подробнее со всеми мелочами.

Андрей Витальевич сразу проникся к нему доверием и рассказал ему все-все. Даже вспомнил какой-то случай из далекого детства и, вроде бы совсем некстати, задел отношения с сослуживцами. Доктор был настолько добр и внимателен, что хотелось пожаловаться ему вообще на все, а не только на язву.

– А еще я принес старые анализы, может быть, они вам пригодятся? – сказал Андрей Витальевич, протягивая доктору медицинские бумажки.

– Ну что ж, с вами все ясно. Побудьте здесь. Вот, кстати, прекрасный кофе с коньячком, а мне нужно немного времени, чтобы все, так сказать, проверить, вынести вердикт и назначить лечение.

– Доктор, а можно ли кофе со спиртным при язве? – спросил Андрей Витальевич. – Раньше запрешали.

– Ну, на ваше усмотрение. Я ненадолго, – Герман Николаевич удалился в свой персональный кабинет и прикрыл дверь.

Кофе издавал дурманящий аромат. Андрей Витальевич не сдержался и взял чашечку. В это время в комнате врача включился телевизор. Андрей Витальевич не спеша потягивал кофе, поглядывая то на вид за окном, то на часы на стенке. Выпив одну чашку, он взялся за вторую. Прошло уже пятнадцать минут, а врач не появлялся. Андрей Витальевич налил третью чашку, окончательно опустошив кофейник. Прошло еще пятнадцать минут. Телевизор за дверью бубнил, доктора все не было. Заволновавшись о его здоровье, Андрей Витальевич открыл

дверь и остолбенел. Герман Николаевич сидел, глядя в телевизор с ручкой в руках. По телевизору шла реклама о борьбе с «хеликобактер пиллари».

– А, это вы! – радостно воскликнул Герман Николаевич. – Ну, вы спасены. Пришлось всю свою картотеку перевернуть! Для вас нашел. Сию минуту рецепт для вас допишу, и, как говорится, будьте здоровы.

– Что за шарлатанство?! – возмутился Андрей Витальевич. – Я сюда за серьезной консультацией пришел, а вы что себе позволяете?!

– Друг мой, не нужно так волноваться, – успокаивал доктор. – Я работаю с вами по самым последним методикам. Но если вы не доверяете лично мне, можем собрать консилиум специально по вашей проблеме. Правда, нужно будет еще доплатить. Сами понимаете, специалисты высокого уровня, дополнительная аппаратура... С их вердиктом вам трудно будет не согласиться.

Видимо, кофе с коньяком затуманил сознание Андрея Витальевича, и он решил довести дело до конца. Решительно оплатив консилиум и осознав, что здоровье дорого стоит, он пошел домой. Консилиум был назначен на завтра на 10 часов утра.

На следующий день Андрей Витальевич как ни спешил, как ни торопился, но, пока отпросился на работе, пока добрался до центра, было уже одиннадцать. Женщина в регистратуре улыбалась ему уже как родному.

– А вас уже заждались, – радостно сказала она. – Я провожу вас в совещательную комнату. Ради вас столько врачей собрали! Обязательно выздоровеете. Вам сюда, – сказала девушка и толкнула дверь. Комната была больше похожа на компьютерный класс. Правда, вместо компьютеров на столах стояли телевизоры, по которым шла реклама борьбы с «хеликобактер пиллари». Человек двенадцать в белых халатах (видимо, светила медицины) внимательно смотрели ее, некоторые даже делали какие-то пометки в блокнотах.

– А вот и наш больной, – объявил Герман Николаевич.

Все обернулись на вошедшего. Из-за дальнего стола поднялся пожилой сухопарый мужчина и, доброжелательно протягивая руку, подошел к Андрею Витальевичу.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогой наш. Самым внимательным образом изучили вашу проблему, и, как главный врач, могу сказать: Герман Николаевич был совершенно прав, и мы полностью поддерживаем его. Вам нужно принимать...

– Спасибо, – сказал Андрей Витальевич и ошарашенно вышел.

– Придя домой, он автоматически включил телевизор. По телевизору шла реклама о борьбе с «хеликобактер пиллари» абсолютно бесплатно. Андрей Витальевич пошел на кухню и налил себе коньяку без кофе.

На следующий день он посоветовал своему другу с «мужской» проблемой съездить туда, где собираются девочки соответствующей профессии. Без медицинского образования, но настоящие специалисты своего дела и намного дешевле.

СЮРПРИЗ

Леха Задумкин был технарь от Бога. С детских лет разбирал игрушечные машинки, самолетики, кораблики. Интересовался, как они ездят, летают, плавают.

В детском саду расковырял куклу, чтобы посмотреть, почему она то говорит «мама», то плачет, то открывает и закрывает глаза.

Преодолев возраст активного ломания, став школьником, Леха начал двигаться в обратном направлении. Чинил в меру своих сил все поломанное, чтобы машинки ездили, самолетики летали, а кораблики плавали.

Потом он стал собирать их просто с нуля. Самозабвенно строгал, пилил,

точил и клеил, создавая шедевры моделирования. Отдельная история – увлечение радиоэлектроникой, которой он начал заниматься в классе шестом. Лехина комната была завалена транзисторно-диодным мусором, старыми лампами, микросхемами, раскуроченной теле- и радиоаппаратурой. Иногда по требованию Лехиной мамы комната зачищалась: ненужное выбрасывалось, нужное расставлялось по местам. Но месяца через два, благодаря бурной деятельности Лехи и его друзей, она опять наполнялась всякой всячиной, среди которой найти ее хозяина иногда можно было только по дыму от паяльника.

После школы вопрос «Куда пойти учиться?» перед Лехой не стоял. Он твердо знал, что будет заниматься робототехникой, ориентированной на космос.

Учился он с удовольствием. Преподаватели его рвение заметили сразу, поэтому начали привлекать к научно-исследовательской работе, доверяя разработку довольно сложных проектов.

Леха, будучи по натуре человеком серьезным и весьма ответственным, старался изо всех сил. К делу подходил творчески: не мог не выдумать и не вставить что-нибудь свое, особенное. Бывало, такого наворотит, что и не поймешь сразу что к чему, а результат-то оказывался просто замечательным.

В общем, доучившись до четвертого курса, Леха с подачи своего куратора сделал первую заявку на изобретение и получил первый патент. Потом последовал второй, третий... Леха выдавал идеи, как Дед Мороз подарки в новогоднюю ночь, без усталости. Возможно, не все они были гениальными, но Леха старался.

В остальном Леха был таким же, как и остальные... И не мог противиться природе. Зайдя однажды в обед в студенческую столовую, он оказался за одним столиком с Катей – Катей Поймайудачу. Ее оригинальная фамилия, большие красивые глаза и соблазнительные формы достались ей от кубанских предков, как и жизненная смекалка и интуиция. И, конечно, согласно своей фамилии, она обладала завидной хваткой, что, впрочем, не мешало ей быть очень доброй и веселой девушкой.

Леха и раньше замечал хорошенькую первокурсницу, но тут, что называется, столкнулся нос к носу.

Попробовав борщ, Леха понял, что он явно недосоленный.

– Вы не могли бы передать мне соль? – попросил Леха девушку.

– Для гениев всегда пожалуйста, – ответила Катя и улыбнулась.

– С чего вы решили, что я гений? – спросил Леха.

– Весь универ об этом знает!

– Ну, это преувеличение, – сказал Леха, польщенный. И вдруг неожиданно для себя предложил: – Если хотите, я поделюсь с вами некоторыми идеями. Может быть, они вам пригодятся.

– Хочу, – сказала Катя.

– Тогда встретимся в полседьмого в кафе возле остановки.

– Там идеи лучше генерируются? – спросила Катя.

– Там они вкуснее и лучше усваиваются, – ответил Леха.

Так они начали встречаться. Через месяц Леха понял, что по уши влюбился. О чем бы он ни думал, Катя присутствовала тут же. Все его разговоры сводились к Кате. Все его дела делались для Кати.

Приближался День святого Валентина, и Леха решил сделать своей любимой подарок. Конечно, не примитивную открытку из соседнего киоска и не сердечко из магазина мелочей. Леха решил сделать настоящий запоминающийся подарок, само совершенство.

Как и ко всему прочему, к этой задаче он подошел со всей серьезностью.

Дня три что-то чертил и считал на компьютере; на 3D принтере, скрываясь от посторонних глаз, сделал предварительный макет, подкорректировал расчеты, еще раз сделал макет и только потом приступил к сборке своего творения.

Леха облазил все магазины электроники, стройматериалов и хозяйственных товаров, пока приобрел все необходимые материалы: силикон, мотки трубок разных цветов и размеров, краску, микродвигатель, микрочипы, сенсорные датчики. Наконец, он приступил к созиданию. Несколько дней он самозабвенно творил, урывками спал и ел, непрерывно думая о Кате.

Катя поначалу даже забеспокоилась: не случилось ли с ним чего, но Леха пообещал, что ее ждет умопомрачительный, сногшибательный (он так и сказал: «Упадешь от счастья») сюрприз, и она успокоилась, мечтая о сюрпризе.

Наконец наступил долгожданный День святого Валентина. У Лехи все было готово. Еще раз убедившись в безотказности своего подарка, полюбовавшись, он упаковал его в красивую коробку величиной с кулак и эффектно перевязал лентой с бантом. Надписав: «Любимой и единственной Катеньке», отправился в универ.

До начала пары оставалось минут десять. Катя, увидев его, кинулась навстречу.

– А я принес тебе обещанный сюрприз, – сказал Леха и торжественно достал из пакета коробку.

– Ух ты! Что это? – спросила Катя.

– Что это? Что он подарил? – зашебетали Катины подружки.

– Закрой глаза и открой ладони. Я сам достану, – сказал Леха.

– Жду, – ответила Катя и закрыла глаза.

Леха быстро развязал ленточку и положил что-то в раскрытые ладони Кати.

– Ах-ах! О боже! – слышались возгласы подружек, то ли восхитившихся, то ли ужаснувшихся.

– Можно открывать? – спросила Катя, сгорая от нетерпения.

– Можно.

Катя открыла глаза и, охнув, начала бледнеть.

У нее на ладонях лежало самое настоящее человеческое сердце. Сердце, проработанное до совершенства, до самой последней детали: торчали артериальные трубки, проступали через силиконовую поверхность, удачно имитирующую мышечную ткань, мельчайшие капилляры. Зная Леху, можно было не сомневаться, что и внутри все сделано идеально.

Катя попробовала сдвинуть его, и сердце неожиданно сократилось. Сработал сенсор.

– О боже! – ужаснулась Катя. В глазах у нее помутнело, уши заложило, она начала медленно опускаться на пол, теряя сознание, уже смутно слыша Лехин голос:

– Катя, Катенька, милая, что с тобой?

Леха поддерживал ее голову на своем колене и обмахивал попавшейся под руку тетрадь. Катя открыла глаза:

– Уф-ф-ф...

– Катенька, что случилось? Я тебя так люблю! Что с тобой?!

– Это я от счастья, Леш, или от страха, – Катя прикрыла глаза и неуверенно улыбнулась.

Рядом лежало «Лехино сердце», продолжая ритмично сокращаться в порыве любви.

К 90-ЛЕТИЮ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

ХУДОЖНИК ПЛАНЕТАРНОГО МАСШТАБА

КАРТИНА МИРА ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Наталья ПЕТРУХИНА

Литературное наследие Чингиза Торекуловича Айтматова – удивительное, яркое, самобытное явление современного литературного процесса. Актуальность проблематики, многоаспектность художественного осмысления действительности, мифологическое сознание, притчевость мироощущения – вот далеко не полный перечень художественной обусловленности непреходящего интереса к творчеству писателя.

Метафоричность мышления Чингиза Айтматова срашивает реальность и философичность, сублимируясь в антитезных пространственно-временных плоскостях: мир сказки – мир реальности в «Белом пароходе», кладбище – космодром в романе «И дольше века длится день», Земля – Космос в романе «Тавро Кассандры». Специфика авторского мышления раздвигает горизонты бытийного времени и пространства и, вбирая в себя микрокосм, входит в плоскость макрокосма.

Сюжетную основу действия в произведениях Ч. Айтматова составляет та или иная реальность: сцена, картина, жанровая зарисовка, однако многовариантность прочтения позволяет выйти на совершенно иной уровень осмысления, расширяя пластику бытовой сцены до уровня символа, метафоры, воплощающей глобальную художественную идею.

Система сцеплений как особенность айтматовского сюжетоведения является индивидуальной стилистической доминантой творческой манеры писателя и выявляет в каждом поэтическом пласте настоящую Правду, определяемую авторской жизненной позицией. Присутствующую в пространстве художественного мира писателя мозаичность восприятия можно трактовать не только как атрибут внешнего действия, но как константу, расширяющую границы бытия и представляющую бесконечное перемещение в трех временных пластах – прошлом, настоящем и будущем. Классификация художественного

Наталья ПЕТРУХИНА. Доцент кафедры УзГУМЯ. Родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила РПРЯиЛ (ныне УзГУМЯ) и аспирантуру при нем. Автор многочисленных литературоведческих статей и трех монографий по русской классической литературе и методике ее преподавания в вузе.

времени М. Бахтина концептуально выражена в творчестве Чингиза Айтматова, который умел «видеть время... читать приметы времени во всем, начиная от природы и кончая человеческими нравами и обычаями. Время прежде всего раскрывается в природе – «движении солнца»¹. Прямая ассоциация образа Солнца с жизнью Человека и жизнью Природы в творчестве писателя становится мерилom Времени жизни каждого человека, а пространственные координаты Бытия, стихия бескрайних полей, пространство мифов и легенд охватывают глобальное планетарное пространство. В романе «И дольше века длится день» Солнце обуславливает жизненный путь главного героя Танабая и его коня Гильсары от восхода до заката, наполняя жизнь радостью, горем, любовью и воспоминаниями. В этом вечном движении Бытия пространство бескрайней степи обуславливается мотивом одиночества двух близких существ – седого старика и расстающегося с жизнью коня. Печаль маркирует процесс трансформации, при котором реальное время перетекает в вечное. Ретроспектива осмысления жизни Танабаем Бакасовым расширяется до бесконечности, становясь раздумьями о сущности человеческой жизни, о невозвратном Времени. В романе «Тавро Кассандры» Ч. Айтматов пространство Космоса метафорически локализует в маленькой точке на лбу беременной женщины, которая становится знаком-предупреждением о нежелании родиться и жить на Земле. Ч. Айтматов создал в романе свою уникальную модель мира, представленную в многоуровневом воплощении: первый уровень – масса людей, толпа; второй – «мир личности» – пространство духовной составляющей личности; третий – мир природы (океаны, киты) и мир Космоса. Каждый из миров реагирует на изменения нравственных составляющих пребывания Человека на земле. Самым страшным из миров является толпа, так как именно она являет собой страшную разрушительную силу, которая в финале распадается на множество единиц, продолжающих свой грешный, суетный путь на Земле. Неизменным у Ч. Айтматова остается только мир Космоса.

Поэтика Ч. Айтматова отражена в многоуровневой структуре идейно-содержательной мировоззренческой наполненности его произведений. Таким образом, можно говорить о неоднозначности и иерархической многоаспектности структур художественной системы, смыкающей эстетику и этику в единый стержень, обусловленной идеями Памяти, Веры, Любви, Рода, Свободы.

Концептуальность и сложность айтматовского мира позволяет говорить о художественном космосе в творчестве писателя как единой концептуальной линии, моделирующей авторскую картину мира.

¹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества – М., Наука, 1976. С. 96.

ИДЕЯ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ В РОМАНЕ «ПЛАХА»

Ирина РОДИНА

Роман Ч. Айтматова «Плаха» уже в момент выхода заявил о себе как о значительном явлении. В центре внимания писателя – размышления о проблемах современного мира: об утрате в обществе веры в высшие идеалы, о падении социальных нравов, росте пьянства, наркомании, преступности. Художественное осмысление этих вопросов составляет его основное содержание. В целом роман представляет собой выражение тревоги писателя за человека и окружающую среду, тревогу за судьбы всего мира. Роман «Плаха» – это своего рода призыв писателя не оставаться глухим ко злу, совершаемому в любой части планеты Земля, ибо, как отмечает центральный герой романа Авдий Каллистратов, «...любое злодеяние, любое преступление людское в любой точке земли касается нас всех, даже если мы находимся далеко и не подозреваем об этом, и не хотим ничего об этом знать... В мире существует некий баланс человеческих тягот...» (Ч. Айтматов «Плаха». М.: «Молодая гвардия», 1987. С. 591). Именно этим глубоким чувством сострадания проникнуты все поступки Авдия Каллистратова. Автор дает читателю краткую биографию героя: Авдий – сын дьячка из-под Пскова. Он получил отличное домашнее образование, с детства испытывал страсть к чтению, и, как следствие, рано в нем стало сказываться стремление до всего доходить своим умом. Учеба в духовной семинарии оказалась недолгой, Авдия изгоняют из учебного заведения за отступничество и ересь. Причиной всему становится иное понимание Бога. Выступая против догматизма традиционной веры, Каллистратов утверждает: «Моя церковь – это я сам. Я не признаю храмов и тем более не признаю священнослужителей, особенно в сегодняшнем их качестве». (С. 498).

Для Авдия Каллистратова Бог не отвлеченная категория, существующая вне нашего сознания, а современник, с новыми божественными идеями, соотнесенными с современными ему реалиями. Бог в понимании героя – познание высшей сути человеческого бытия и личного предназначения. Бог являет себя через любовь. И если суть концепции Авдия сводится к положению:

Ирина РОДИНА. Родилась в Ташкенте в 1979 г. Окончила факультет русской филологии УзГУМЯ. Старший преподаватель кафедры русской литературы и методики ее преподавания УзГУМЯ. Автор ряда публикаций по проблемам современной русской прозы.

«Моя церковь – это я сам», то таким образом герой ставит Бога на одну ступень с человеком, что противоречит представлениям официальной церкви. Данный герой проповедует идею самосовершенствования. Путь к спасению заблудших душ Авдий видит не в нравоучении и порицании, а в сострадании, в способности на собственном опыте познать тяжесть чужих грехов, чтобы затем, раскаявшись, возродиться, совершив «революцию в масштабах хотя бы своей души». С этим пониманием он подходит к миру, пытаясь «излечить» его ценой самопожертвования. Авдий старается убедить наркоманов в пагубном действии наркотиков. Он пытается остановить людей, убивающих сайгаков, однако ни то, ни другое ему не по силам. Герой, проповедник и идеолог добра, столкнувшись с реальным злом, терпит трагическое поражение. Герой оказывается распятым убийцами беззащитных животных. Сцена распятия Авдия – прямая отсылка к библейскому сюжету. Это подтверждается и словами одного из участников жестокой расправы, который сожалеет об отсутствии гвоздей: «То-то было б дело! Распяли бы его!» Выход найден и героя привязывают к дереву веревками: «...Не хуже, чем на гвоздях, висеть будет!» – восклицает Обер-Кандалов. Таким образом, Авдий, подобно библейскому Христу, восходит на свою Голгофу. До последней минуты он верен своей идее: «Мой островок на Оке... Кто же спасет тебя, Учитель?» (С. 570). Вопрос остается без ответа, однако читатель понимает, что смерть его не будет напрасной, так как все мы, по мысли центрального героя, «переплетены, как нити в пряже». Он расплачивается своей жизнью за то, что идет против зла. Миф о распятии Христа в романе получает дополнительное гуманистическое и одновременно трагическое звучание. Кризис духовности, поразивший общество, выражается в словах, произнесенных Обер-Кандаловым: «Кто не с нами, тот против нас. Врагов народа надо изничтожать под корень!» Любой выбивающийся из системы становится врагом этой системы. По мысли писателя, Второе Пришествие Христа – факт, который должен найти себя не в конкретном человеке, а во всем обществе. Понимание человека как частицы Бога-завтра дает возможность писателю спроецировать путь Христа на жизненный путь Авдия, образ Бога-современника, избравшего для себя путь искупителя. Смерть героя не будет напрасной, так как все мы, по мысли Авдия, «переплетены, как нити в пряже». Воспротивившись злу, он тем самым проложил дорогу к постижению человеческого предназначения – служению добру и красоте. Именно в этом состоит его победа над злом.

МУДРОЕ СЛОВО АБАЙНА

Кодиржон НОСИРОВ

В Постановлении Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева «О широком изучении и пропаганде творческого наследия великого казахского поэта и мыслителя Абая Кунанбаева» от 13 марта 2018 года отмечается: «Имя и богатое творческое наследие великого поэта и мыслителя Абая Кунанбаева, воспевавшего высокие идеалы гуманизма и добра, оставили неизгладимый след в истории духовного развития не только казахского, но и всех тюркских народов, в том числе узбекского народа. Вся жизнь и деятельность Абая Кунанбаева, его неповторимое творчество являются ярким примером беззаветного служения своей Родине, преданности национальным и общечеловеческим ценностям».

Настоящее имя поэта Ибрагим. В детстве мать ласково называла его Абай. В историю поэт-мыслитель вошёл под этим именем. По происхождению Абай (10. 08. 1845 – 23. 07. 1904) был из семьи знатного феодала, агасултана одной из административных единиц широких казахских просторов.

До 10 лет воспитывался дома. Затем 3 года учился в медресе в городе Семипалатинске. По свидетельству биографов поэта, одновременно он посещал и русскую школу. Жаждавший знаний юноша за короткий срок не только успел овладеть арабской, персидской, русской грамотой, но изучал также философию Сократа, Платона, Аристотеля, Гегеля, успел познакомиться с творчеством восточных классиков Фирдоуси, Низами, Навои, Физули; с произведениями И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Ф. М. Достоевского, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и др.

Абай Кунанбаев – большой художник, преодолевший в своем творчестве не только внутриродовую замкнутость, но и национальную ограниченность феодально-байской среды, из которой он вышел. Абай создал замечательные образцы реалистической поэзии. В богатом, жанрово-разнообразном литературном наследии Абая находят свое яркое отражение жизнь и общественная борьба феодально-родовой степи.

Стихи Абая проникнуты глубокой заботой о народе, народных интересах, скорбью и радостью. Источник бедствий народа Абай видит в невежестве людей.

В своей поистине гражданской поэзии Абай разоблачает эксплуататоров, межродовые раздоры, темных нерадивых людей, не желающих осознать свое положение и нужды народа, не желающих двигаться вперед. Обличительные

Кодиржон НОСИРОВ. Канд. пед. наук, доцент НамГУ, родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор 200 научно-популярных и научных публикаций, переводчик.

мотивы, достигающие до остросатирического звучания – наиболее сильные стороны творчества Абая:

*Хоть мы уже старцы, хоть мысли печальны, – в нас жадность сильна.
Беда, коль пойдут наши дети за нами, – судьба их страшна.
Не радость работы, а зависть и алчность вселилась в сердца.
Не подвиг нам нужен, не труд нам приятен, а мзда нам нужна.*

В поэзии Абая возникали и иные мотивы. В некоторых стихах звучит отчаяние, которое, как думает автор, вряд ли кто услышит:

*Детство ли, юность всхлынут впотьмах,
Там, у начала дороги,
Все уж неярко в усталых глазах
Старости, что на пороге.
Что же ты понял и что ты постиг
В горестях белого света?
Не в пустоту ли срывался твой крик,
В даль – без ответа?
Или на привязи лет, словно зверь,
Только и бился в закрытую дверь?*

По словам Абая, непроглядную тьму жизни, тьму невежества, в которых пребывает народ, преодолеть может лишь соединение трех начал: ума, воли и страстного сердца:

*Холодный ум – нерастопимый лёд,
Его лишь страстное слово проймает.
Но только терпеливой воли власть
Соединить с умом и сердца страсть.*

Абаю приходилось вести борьбу с лицемерными служителями религии. Ему противны были люди, которым маска религиозности необходима была для достижения корыстных целей, для престижа. Будучи сам благочестивым человеком, Абай призывал невежественных людей проникнуться божьим словом:

*Человек – ничтожный плоти тлен и прах.
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством –
Знак надменного блужданья впотьмах.*

*Не вчера ли ребенком был старик?
Все течет, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в брэнном мире волю Бога,
Это высшее, что в мире ты постиг.*

Он сам учился всю жизнь. Учил своих детей в русской школе, посылал учиться за свой счет детей бедняков. Он вел большую пропагандистскую и просветительскую работу, разоблачая невежество, стремление использовать полученные знания в целях наживы, мелкого карьеризма.

Для Абая поэзия – учебник жизни, а не забава, словесная игра. Его стихи – творения человека с чистым сердцем, человека, который всей душой болеет

за судьбу своего народа («Не для забавы я слагаю стихи», «Стих – царь слова», «Поэзия – власть языка» и др.).

Важное место в литературном наследии Абая занимает его философско-назидательная проза. Эти сочинения, созданные писателем на склоне лет, известны под названиями «Қара сөз» (в дословном переводе: «чёрное слово», простое слово) и «Гаклия» (от арабского «ақл» – ум, мудрость; мудрые слова). На русский язык это произведение, состоящее из 45 кратких притч или философских трактатов, переведено и издано под названием «Слова назидания». Попыток перевода данного произведения не много, так как оно требует не только поэтического дарования, но и философского мышления. На узбекский язык «Назидания» переведены известным писателем-переводчиком Носыром Фазыловым.

«Слова назидания» – маленькие шедевры, представляющие собой философско-дидактические этюды-размышления. Автор адресует свои «Назидания» детям, ибо уверен, что его поколение, озабоченное жадной обогашения, абсолютно лишено способности внять голосу разума, и поэтому болью пронизаны все 45 «Слов».

Раскрывая проблемы многоликой действительности казахских аулов той поры: административно-хозяйственное устройство общества на различных уровнях, нравы людей, правосудие, веру, состояние науки, труд и ремесло – мудрый мыслитель и истинный патриот своей земли вскрывает социальные, этические корни бедственного положения своего народа. При этом его беспокоит не столько экономическая, сколько духовно-нравственная нищета народа... Его творчество пронизано глубокой болью гуманиста за свою нацию, которая во всех слоях поражена социальными и нравственными недугами. Надо отдать должное смелости Абая, бесстрашно вскрывающего все известные ему причины, в силу которых и богач, и бедняк живут одинаково неправильно, плохо. Конкретно и убедительно его суждения изложены в философско-назидательной прозе («Қара сөз»): «Мы только и думаем, как бы увеличить свои стада, обеспечить скотом не только самих себя, но и детей. Когда же это удастся, стада передаются пастухам, а мы, новоявленные богачи, лишь едим до отвала мясо, досыта пьем хмельной кумыс, забавляемся красавицами... Если зимовки становятся тесными, начинаем торги с соседями или борьбу: в ход идут кляузы, взятки, кровная месть. Пострадавший же теснит другого соседа...» – писал Абай в III слове.

Автор вскрывает глупую жестокость и губительность тогдашних нравов: «Не зная, в чем счастье, люди унижают жизнь пустыми делами. Они преследуют друг друга, хвастают друг перед другом, копят богатство, а когда наступает последний час, готовы отдать все нажитое ими за день жизни» (IV слово).

Откровений и горьких признаний у Абая много. Он уверен, что именно такой критический взгляд на жизнь собственного народа может способствовать в будущем очищению от пороков, избавлению от социальных болезней.

Великий гуманист постоянно напоминает о пользе образования, науки, ремесел, труда как средств избавления от социальных бед. По Абаю, начало образованности – в изучении родного языка. Он недоумевает по поводу того, что некоторые родители прежде всего заботятся о накоплении богатства для детей, лишь потом отдают их на обучение иностранным языкам (персидскому и арабскому), тогда как они не знают основательно своего родного языка. Наряду с персидским и арабским автор настоятельно советует изучать русский язык, в первую очередь для постижения богатой русской и европейской культуры, а не ради карьеры и чинов. Сам Абай хорошо знал русский язык и перевел фрагменты из романа «Евгений Онегин» Пушкина, произведения Лермонтова, Байрона и др.

Следует отметить, что писатель давал ценные рекомендации по углублению познаний верующих в изучении ислама, вместе с тем был озабочен овладением светскими науками, которые только и могут привести народ к социальному прогрессу, достатку.

Заслуживают внимания и рассуждения казахского просветителя о дружбе:

«Всевышний создал мир по законам прекрасного, а людей – с благородным стремлением к совершенству и продолжению рода. Одной их важных предпосылок совершенства является дружба. Это долг людей. Но долг этот выполним только тогда, когда человек склонен к дружелюбию. Если твое расположение к кому-то вызвало ответное чувство и если ваша дружба, основанная на взаимной любви и уважении, переросла в привязанность друг к другу, то эту дружбу стоит считать настоящей. Прекрасно, когда такая дружба связывает большой круг людей» (XXXVIII слово).

Абай считает, что сознательный и честный человек всегда желает дружбы своего народа с другими народами.

В «Словах...» много размышлений о предназначении человека, о смысле жизни. Размышляя о, казалось бы, естественном стремлении человека иметь сына, который бы после смерти отца молился за него, Абай пишет: «Если ты при жизни делал людям добро, то и без сына будет достаточно опечаленных твоею смертью, но если тобой содеяно немало зла, то и молитвы сына напрасны».

Абай мечтает о человеке, в котором бы счастливо соединились Сила, Разум и Сердце: «Соединитесь же вместе, и... пусть вами руководит Сердце! Если это произойдет, и вы сойдетесь в одном человеке, то он станет праведником. Пыль с подошв его ног будет исцелять слепых. В этом – в гармонии и чистоте человеческой жизни – и заключается смысл существования великого мира» (XVII слово).

«Сущность человека составляют любовь, справедливость и душевность, – заключает свои назидания гуманист. – Люди не могут обходиться без этого... Таким создал Всевышний наш мир» (XLV слово). Это суждение великого Абая из прошлого актуально и в наше время, в век глобализации и грандиозных перемен.

В своих поучениях Абай исходит из того, что все люди равны от рождения, что богатство разобщает людей, но отнюдь не определяет человеческое достоинство. Абай утверждает высокое звание человека: «Я назван гордо – человек!»

Назидания Абая звучат и чисто философски определяют мировоззрение материалиста. «Мир не стоит на месте. Жизнь и силы человека также не остаются в неизменном состоянии». Он утверждает, что мир познаваем: «...назначение человека – познать жизнь, то, что неизвестно ему». Его творчество оптимистично и жизнеутверждающе: «Кто не испытал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, значит и зло неечно. Разве после суровой, многоснежной зимы не приходит весна, цветущая, многоводная, прекрасная?»

Неизмеримо большой вклад в развитие лиро-эпического жанра в казахской литературе внесли поэмы Абая «Искандер», «Масгут», «Сказание об Азиме»: они напоминают образцы поэзии, распространенной на Востоке, продолжая литературные традиции – назиры (разработка или продолжение темы, воспетой предшественниками). Но идейно-художественное содержание произведений Абая выходит за рамки назиры: здесь великий поэт независим от восточных образцов. В этом отношении особенно интересна поэма «Искандер».

Образ Искандера (Александра Македонского) очень популярен и в устном народном творчестве, и в классической поэзии Востока. Кроме многочисленных сказок и преданий об Искандере, существуют крупные поэтические произведения: поэмы Фирдоуси, Низами, Навои. Обращаясь к традиционной в восточной поэзии теме жизни и деятельности Искандера, Абай дает совершенно новое, отличное от восточной традиции, истолкование его образа. В восточной традиции Искандер воспевался вне связи с исторической правдой, как сказочный герой, великий полководец, мудрый правитель. В поэме автор отказывается от идеализации великого завоевателя и создает образ безмерно честолюбивого, алчного, жестокого человека. Искандеру противопоставлен мудрый Аристотель.

Мечтая о славе, Искандер покорил много стран, поработил многие народы:

*Много крови в моря и реки он влил.
Без счета невинных на смерть осудил.
Осталась недобрая память навек
О кровавых делах, что он совершил.*

Описание походов завоевателя усугубляют его отрицательные качества. Искандер беспощаден, кровожаден, никакие лишения не могут заставить его отказаться от злодейских помыслов, от погони за богатством и «безмерной славой».

В походе Искандер оказывается у грозной высокой горы, в ущелье стоят золотые ворота, которые перед владыкой мира не отворяются. Сколько ни старались Искандеровы воины, не смогли их открыть:

*Из-за ворот раздался голос строгий:
«Кончай стучать! Тебе здесь нет дороги!
Ты жил и правил на земле безбожно,
А здесь дорога праведников к Богу!..»*

Искандер гневно кричит, что он великий царь всех царей, а не праведник какой-нибудь безликий, требует открыть ворота. Ему отвечают:

*Чем хвастаться своей кровавой властью,
Ты укрощал бы лучше злые страсти.
Не велено пускать тебя в ворота –
Ты не приносишь человеку счастья!..*

Обескураженный Искандер просит:

*...Так подари мне что-нибудь такое,
Чтоб я в дальнейшей жизни помнил Бога!..*

У ворот лежит какой-то свёрток. Завоеватель, довольный, открывает свёрток и видит:

*«Там кость была! Простая кость лежала!
И даже цвет её не золотился!..»*

Мудрый Аристотель поясняет Искандеру, что это не простая кость, а подарок Божий. И, чтобы смысл такого подарка разгадать, советует взвесить его на весах, положив странный подарок на одну чашу весов, а на другую –

золото. Вот кидают на весы одну за другой золотые вещи, даже меч Искандеров бросили – но перевесить чашу с костью не удаётся. Искандер просит мудреца придумать что-нибудь...

Учёный бросает на кость всего несколько горсточек земли, и чаша с золотом перевешивает. Мудрец объясняет грозному завоевателю:

*Не гневайся, что эти Божьи дали
Согласия души твоей не дали:
Ты ждал подарка и узнал такое,
О чём другие вряд ли догадались...*

Так осуждаются завоевательные походы Искандера, насилие над народами, его алчность, любовь к славе, жестокость. Человек, вставший на путь зла, неизменно потерпит крах, царь Искандер должен согласиться с Аристотелем и задуматься над бессмысленностью им совершаемого:

*Поникла голова у Искандера.
«Бог наказал меня, я был не в меру
Властолюбив и жаден!» – сделав вывод,
Царь повернул на родину аскеров...*

Аристотель в поэме – воплощение человеческого разума и справедливости.

Абай тяжело переживал пороки современного ему казахского общества – несправедливость, бесправие, насилие, межродовую борьбу, невежество. Его всегда возмущало то, что многие его современники ценили только богатство, чины, славу. И поэма об Искандере, хотя и написана на историческую тему, резко осуждает эти пороки, возвеличивает роль разума, показывает превосходство его над властью. Используя исторический материал, Абай касается злободневных общественно-нравственных проблем. Такого соединения исторического и актуального современного материала до Абая казахская литература не знала.

В другой поэме – «Масгут» – Абай показывает пагубное воздействие на людей невежества, которое губит все светлое и доброе.

Над Багдадом прошел «зловредный» дождь, сводящий с ума. Безумная толпа заставляет мудрого визиря Масгута и халифа пить вместе со всеми вредоносную воду. Они тоже становятся безумными:

*Вот пример, как всеильна глупость порой.
Не пускай свой ум по дороге чужой.
Не много хорошего приобретешь.
Слепо следуя за безумной толпой.*

Так с болью в сердце и с тревогой пишет Абай о болезни времени – о пагубном, разрушительном влиянии невежества, глупости и чувства стадности.

Когда познакомишься с творчеством классика казахской поэзии, родоначальника письменной просветительской литературы Абая Кунанбаева, когда читаешь его лирику, взволнованную, искреннюю, отмеченную осознанием социально-нравственных проблем своей эпохи, однозначно понимаешь, что он – совесть нации, истинный гражданин, сын своего народа, отдавший все силы просветительству, поискам путей для своего народа к счастью, добру, просвещению.

СЛАВНЫЕ ПОТОМКИ АМИРА ТЕМУРА

Интервью Народного писателя Узбекистана, лауреата Государственной премии Мухаммада Али Николаю Ильину¹

– Уважаемый Мухаммад Али-ака, расскажите, пожалуйста, о вашей учебе в Москве, о ваших наставниках. Повлиял ли как-то московский период на ваше становление как писателя?

– Я учился в знаменитом Литературном институте, основанном когда-то ещё Максимом Горьким. Это было в 1965–1966 годах. Я был студентом отделения поэзии, руководителем семинара являлся поэт Сергей Смирнов, человек талантливый и очень остроумный.

В то время я очень много читал, изучал произведения мировой литературы и русских классиков. Делал обширные записи-комментарии в моём дневнике. На курсах проводилось большое число встреч с известными поэтами и писателями. Олжас Сулейменов, Евгений Евтушенко и другие известные авторы тоже когда-то были там студентами, и контакты с ними не прекращались. Бывали у нас и многие видные литературоведы, например, Геннадий Пospelов. И конечно же, очень важной являлась сама наша среда, интернациональная семья слушателей чуть ли не со всего мира.

– Кто из авторов в узбекской и русской литературах оказал влияние на ваше творчество?

– Прежде всего назову Алишера Навои. Не оттого, что он родоначальник нашей литературы, но потому что он величайший мировой поэт. Его непревзойдённая поэзия – это море жемчужных мыслей, и чтобы постичь его, не хватает одной жизни. Известны слова выдающегося русского учёного востоковеда Е. Э. Бертельса: «Нас часто обвиняют в том, что мы идеализируем Алишера Навои. Но Алишер Навои был таким человеком, которого нельзя не идеализировать!» Затем необходимо отметить Абдулхамида Чулпана, хотел бы и его вспомнить.

В сфере русской поэзии для меня самыми близкими стали классики «золотого века» Пушкин и Лермонтов, чьи стихи я не только перечитывал, изучал, но ещё и переводил. Помню, как-то в Михайловском (это был 1983 год), в присутствии многих слушателей и поэтов со всех концов тогдашней страны, я попросил определить стихотворение великого поэта по тексту моего узбекского перевода («Ночной зефир струит эфир...») – и публика узнала произведение и заплодировала. Я получил тогда истинное авторское удовлетворение.

¹ Опубликовано в «Литературной газете» № 14 от 4–10 апреля 2018 г.

Среди любимых поэтов навсегда остался «моим» Сергей Есенин. С незабвенным Николаем Рубцовым мы учились на одном курсе, много общались, слушали его пение под гитару. Другим однокурсником был замечательный русский поэт Анатолий Передерев. С ним мы переводили стихи друг друга. Многие мои стихотворения публиковались в московских журналах и изданиях именно в его переводах, в частности, книга стихов и поэм «Голоса жизни», вышедшая в 1975 году. Он часто приезжал в Ташкент, бывал у меня в гостях.

В качестве прозаика, работающего в историческом жанре, не могу не отметить влияния таких корифеев мировой литературы, как Вальтер Скотт, Виктор Гюго и особенно Лев Толстой.

– Ваша самая значительная работа – роман-эпопея о великом Темуре. Почему эта тема так актуальна для современной узбекской литературы? В какой мере при создании книги использовались в том числе и русские научные и художественные материалы?

– Амир Темур – наш национальный исторический герой, основоположник и строитель нашей государственности. Здесь дело не только в масштабах его империи, его влиянии на мировую историю (в том числе и на историю русскую): он заложил фундамент государственного и общественного устройства нашей земли. Естественно, что в период создания независимого Узбекистана мы не можем не обращаться к нашим корням, истокам, древним традициям. Это наш фундамент для построения нового. В переломные для жизни народа периоды неизбежно обращение к исторической тематике. Ещё в 1967 году я написал поэму «Блики на куполе» (перевод на русский язык поэта А. Парпары), где уже разрабатывал эту волнующую меня тему. Конечно, создание исторической эпопеи о Темуре потребовало неизмеримо большей работы по усвоению и осмыслению исторического материала, напряжённой работы с первоисточниками, исследованиями историков и культурологов – как древних, так и современных, представителей разных эпох и народов. На это ушло около двадцати лет. Так, наряду с трудами древних авторов, например, Гийасиддина Али с его «Дневником индийского похода» (1400 г.), Низаматдина Шами («Книга побед») и одноимённой книгой Шарафатдина Али Язди 1425 года, известными записками испанского посла при дворе Амира Темура Руи Гонсалеса де Клавихо, наших узбекских историографов разных лет, я не мог обойти труды таких замечательных русских востоковедов, как В. В. Бартольд (все 9 томов его сочинений я проштудировал ещё в шестидесятых годах), А. Я. Якубовский («Тимур. Опыт политической характеристики») и др.

Я старался показать простого Великого человека, который не был по происхождению из ханского рода, но являлся сыном обыкновенного Кешского амира, а значит, выходцем из народа. Я ставил задачу изобразить государственного деятеля, «ревностного строителя» (слова В. В. Бартольда), покровителя науки и искусства и великого полководца, реформатора, уже тогда осознавшего, что мир неделим, что народы живут на Земле в едином геополитическом пространстве. Он, освободив свою Родину от монгольского ига, создав Туранское государство, продолжал эту миссию, став также освободителем Европы.

Амир Темур был искусным дипломатом: он направлял послов в страны Европы и Ближнего Востока – Испанию, Англию, Францию, Египет, Османскую империю, Ирак, персидские страны; активно переписывался с властителями этих государств. Цель была одна: чтобы на земле были мир и согласие. Трудно найти аналоги в истории этому феномену. В своём «Уложении» он писал, что сила заключается в справедливости, девять частей государственных дел решались им дипломатическим путём, и только одну часть приходилось осуществлять военным.

Одна из примечательных особенностей эпопеи «Амир Темур Великий» в том, что в ней впервые в художественной литературе описывается семейная жизнь этой великой личности.

– Поделитесь своим мнением о роли и состоянии переводческой работы. Насколько важны переводы на русский язык классической и современной узбекской литературы? Что отбирается из русской литературы для переводов на узбекский язык?

– Если говорить о важности и роли переводческой работы вообще, то, наверное, я не скажу чего-то особенно нового.

Сущность и значение этой сферы деятельности давно уже поняты и определены. Перевод в силу возможного проникновения в инонациональную культуру без необходимости освоения языка последней является неизбежной и благодатной формой вхождения в мир другого народа. К сожалению, высокие позиции переводческих школ во многом утрачены, и это характерная ситуация почти для всех новообразовавшихся стран. Прежде всего сократилась сфера свободного двуязычия, уменьшилось число работников литературы, владеющих примерно одинаково обоими языками. Есть и другое: в минувший период, с девяностых годов до недавнего времени, практически прекратилась финансовая поддержка переводческой деятельности, ведь не только переводчики, но и сами авторы не могли похвастаться высокими гонорарами. В результате выбор произведений и авторов производится в значительной степени по принципу «бартера»: я перевожу тебя, а ты переведи меня – и будем квиты.

Тем не менее переводная работа не останавливается. Ею активно занимается вышеупомянутый журнал «Жахон адабиёти», в Союзе писателей Узбекистана продолжает функционировать отдел переводов. Разумеется, в переводческой работе особую роль играет русский язык, часто становящийся языком-посредником для переводов на многие другие языки.

Недавно общественности была представлена книга поэтических трудов Алишера Навои «Сокровишница мыслей», где были отобраны лучшие переводные версии таких мастеров перевода, как А. Наумов, Л. Пеньковский, С. Сомова, Е. Аксельрод, Вс. Рождественский, А. Файнберг, С. Липкин, С. Иванов и др. И далее мы планируем продолжить издание этой серии книг, где предстанут лучшие наши авторы. Не менее важно также осуществление новых переводов наших литературных классиков. В журнале «Звезда Востока» регулярно печатаются и переводы произведений известных узбекских авторов, но заново осуществлённые, а также переводы ещё неизвестных русскоязычной публике произведений Чулпана, Абдуллы Арипова, Эркина Вахидова, Тагая Мурада и др.

– Мы свидетели начала нового этапа в межгосударственных отношениях России и Узбекистана. Что, по вашему мнению, можно и необходимо сделать сейчас для полноценного развития культурных и литературных связей наших стран и народов?

– Разумеется, с учётом стремления руководства нашей страны проводить широкую открытую политику, обновить и углублять связи с нашими соседями, шире представлять нашу страну на международной арене мы не можем не способствовать активизации наших культурных контактов. Для этого могут быть использованы самые разнообразные формы деятельности. Например, 2018 год стал Годом Узбекистана в Казахстане, а 2019 год будет Годом Казахстана в Узбекистане. Подобные годы взаимного культурного обмена вполне возможны и между Россией и нашей страной. Думаю, было бы полезно организовывать декады русского и узбекского искусства и литературы в наших странах с возможностью всесторонних контактов. К месту были бы и тематические издания альманахов, посвящённых объединяющему нас историческому наследию и актуальным жизненным проблемам. Полезно проведение литературных конкурсов произведений в аспекте темы «Россия и Узбекистан» и многое другое. Но прежде всего нужно сделать всё, чтобы русский и узбекский читатель имел необходимую информацию о литературной жизни наших соседей и доступ к заинтересовавшим его книгам, а авторы получили возможность непосредственного общения друг с другом и перспективу быть опубликованными в дружественной стране.

Адель ЧИЛЯКОВА

Благодарю за каждый день

Строки о Праге

Песни первой любви и последней разлуки
в камни готики временем врезаны,
и застывшие в камень аккорды –
твои тоны, мы ими повенчаны.

Помнит наши шаги Малостранская площадь,
и по Кампе плывёт нами брошенный лист,
и шумит по-весеннему старая роша,
лик смиренный святого по-прежнему чист.

Снова брезжит над Прагой рассвет,
и течёт величаво Влтава.
Жизнь напела хрустальный сонет
и последний аккорд не сыграла.

Я беру ранний луч у рассвета
и стихов золотистую прядь,
и ту песнь, что была недопета,
струнам сердца вверяю опять.

По росистым травам

Давай соскочим с поезда времён
на полустанке безвременья
и по росистым травам босиком
пойдём к раскидистым деревьям,
пойдём туда, в тот позабытый сад,
где на стволах – инициалы,
и среди них найдем свои,
хотя их сами не писали.

Адель ЧИЛЯКОВА. Поэт, драматург, режиссёр, журналист. Окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Публиковалась в Чехии, Словакии, Англии, в периодических изданиях Узбекистана. Автор сборника поэтических переводов «Жемчужины чешской поэзии».

Благодарю

Благодарю за каждый день,
за зрелость осени и щедрость лета,
за юную весну. Холодную зимой –
за чистоту искрящегося снега.
За ширь полей и розовый рассвет,
невянуший у алой розы цвет,
за сень тенистую аллея,
за нежность ласковых ночей,
за то, что после осени зима
вновь стелет для невесты покрывало,
и вновь зеленокудрая весна
мне дарит песню птичьего хорала.
Благодарю за Музы дар,
душою трепетно хранимый,
за то, что я люблю Тебя
и я Тобой любима.

Шторм

Нависли сумерки над морем,
лениво моросил туман,
и в этом ожидании сонном
как будто назревал обман.
Раздался первый ветра вздох,
умолкли птичьи голоса,
и яркой молнии сполох
рвал в клочья небеса.
А берег пятился от волн,
от их стремительных атак,
и запоздавший в море челн
молил о жизни небеса.
Их опрокинутая синь
плыла в объятьях белой пены
и, снова обретая жизнь,
её ласкали моря волны.

Весенняя капель

Ещё Зима метет метели,
на окнах – её царственный узор,
и на рассвете ветер
ведёт с Весною спор.
Но уступает стужа
и тают зеркала,
уже глядится в лужи
проказница Весна.

И по весенней наледи
звонит с капелью весть:
Весна выходит на люди,
чтоб с песнями расцвезть!
Звучит её оркестра
хрустальный перезвон
и с ледяными слёзами
уходит зимний сон.

На бирюзовых крыльях
в лазоревую даль
влекут меня с собою
гитара и рояль.
И с этой новой песней
мир расцветает вновь
и сердце славит нежность,
и ласку, и любовь.

Кучкар НАРКАБИЛ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Рассказ

Старуха уже давно не может вдеть нитку в иголку: глаза, будь они неладны, совсем ослабли. Да и возраст, почитай, почти восемьдесят. Но она еще достаточно крепка. А голос каков? Голосише... Гремит, словно пушка стреляет. А как начнет говорить, будто канонада в округе! В кишлаке ее прозвали Бабушка-гром. Она уже привыкла к этому прозвищу...

– Бабушка-гром, пойдете к нам, мама зовет вас ткать ковер.

– Бабушка-гром, дайте немного кислого молока.

– Бабушка-гром, дайте яиц, наша курица наседкой стала.

Старуха не жадная, что ни попросят – все даст, куда ни позовут – обязательно пойдет, а детей ну просто обожала, хотя, когда они приходили за чем-нибудь, беззлобно ворчала:

– На, горе мое, непоседа ты этакий, на, бери скорее, прячь в карман. Если захочешь курт, приходи, угошу... А маме скажи, что бабушка придет, обязательно придет, даже если ее лошадь в грудь лягнет... и еще скажи, вы, дескать, матушка, на прошлой неделе, когда бабушка валяла войлок, так и не пришли к ней. Что, надорваться побоялись? Так и скажи матери. А ну, повтори, что сказала...

Ребенок, тужась и краснея, прилежно повторяет слова бабки... Одна его рука в кармане, а там – вожделенный курт, мальчонка от нетерпения переминается с ноги на ногу. В другой раз:

– Заходи, дитя. Что, в этом году ваша корова так и не отелилась? Ну да ладно, отведи свою скотинку домой, да привяжи покрепче. Скажи отцу, если он двенадцать месяцев в году не будет торчать у винного магазина Юлчибая, как собака на привязи, то сможет вам купить здоровую корову, – и вручает огромную касу кислого молока. – Если что-нибудь понадобится, заходи.

Старуха гостям всегда рада, а ворчит так не со зла. Погрохочет, потарахтит и все... А что, она же бабушка-гром! А на самом деле добрейшая душа!

– Ну, давай, проходи, а то что-то я заскучала. Заходи Салимкин-черныш. Что ты там возишься? Залезай на супу. На, отведай гилминди. Сейчас разве умеют делать такое... Да-да, угошайся, дитя!.. Вкусно? Ох и непоседа же ты! У нас всякие блюда есть – биламик, юпка, гарчиш, ширгуруч, турта, кайла,

Кучкар НАРКАБИЛ. Родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Узбекистана. Заслуженный журналист Узбекистана. Главный редактор газеты «Инсон ва қонун».

кучаош. Ровесницы твоей мамы – все рохли, едва сорок стукнет, а они уже обессилели. Родили по двое деток и уже охают, в их возрасте пахать и пахать надо, а они что? Совсем перестали готовить нашу национальную еду, мол, не умеем, не знаем... Враки все – ленятся. Готовят, что полегче – постный суп, водянистую шурпу... Покрутились чуток у плиты и всё, думают – сготовили».

Ребенок, не совсем понимая, о чем сетует бабушка-гром, с удовольствием уплетает вкусные «пирашка», приготовленные на сливочном масле и молоке. После третьего торопливо проглоченного гилминды мальчуган, с трудом дыша, говорит:

– Бабуль, я пошел.

Старуха, приподняв перевернутую корзину, достает полную касу яиц и протягивает мальчику:

– На, скажи матери, пусть посадит на нечетное количество яиц курицу-наседку, иначе цыплят не вывести, твоя мать и этого не знает.

– Бабушка, а если яиц будет четное количество?

– Пусть одно пожарит отцу, – парирует старуха. – Да, кстати, скажи матери, что куры не всегда высиживают яйца. Хотя бы это объясни...

* * *

Бабушка-гром не спеша прядет, сидя на супе. Как же виртуозно она с этим справляется, словно огромным точильным станком управляет.левой рукой цепко держит, плавно струящуюся нить, правой – крутит веретено, как всадник с саблей управляет. Дед Рахим, подходя к дому, задержался на миг у калитки, невольно залюбовавшись мастерством старухи. Почувствовав взгляд, бабка обернулась. Старик насупился. Не спеша вошел во двор, засуетился, делая вид, что занят, лишь бы старуха вновь не затеяла утренний разговор.

– Пришли? Ну, когда собираетесь в дорогу?

Старик вздрогнул как от удара плетью: «Вот тебе на, опять завелась!»

– Куда? О чем это ты? – повернулся он к старухе.

Бабушка загнула:

– Что прикидываетесь? Ну какой вы после этого отец? Если бы я этого ребенка нагуляла, было бы понятно... Эх, ни разу не проведать собственное дитя. Или он вам не родной, а? Какой вы отец?

– Мы же говорим с ним по телефону.

Старик в подтверждение своих слов вытащил из-за пазухи мобильный телефон.

– Ох уж этот младшой, откуда он принес эту дрянь. Телефон – это уши, а не глаза, это не чувства, не любовь, не живое общение... Будь он неладен, только людей разъединяет.

Старуху прорвало. В такие моменты старик не мог ее переспорить. Она своими доводами метко била в цель. Ну, теперь ему не поздоровится... Но и молчать ему как-то несподручно.

– Так в саду самый разгар работ. Если не прослежу, эти сорванцы весь виноград обдерут. А кто за скотиной присмотрит?

– Не ищите отговорок. У вас есть средний сын! Присмотрит. Да и его жена-лежебока пошевелиться может. В кишлаке винограда завались. Никому он и даром не нужен. А вы все маетесь между домом и садом. Да пропади пропадом эта скотина, работа... И собаки иногда отдыхают, и птицы умолкают, только вам нет покоя. Когда умрем, что, ваши бараны и овцы нас оплакивать будут?!

Старик вспылел. В сердцах швырнул касу в сарай. Однако ответить жене было нечего. Проворчав в усы: «Ах ты, трубадурова дочь!», прошел в сени, зачерпнул из ведра ковш воды и залпом выпил. Старуха смягчилась:

– Эй, не пейте холодную воду, охрипните, выпейте чаю, горячего чаю! Ну не дуйтесь, идите же сюда! Мы с вами можем поговорить спокойно.

Но старик, понемногу остывая, все бубнил: «Эта сукина дочь вот уже пятьдесят лет диктует, как мне жить. Хватит, теперь будет по-моему! К сыну нога не тянет, поеду в следующий раз. И потом, если захочу – поеду, не захочу, то нет!» Полный решимости, старик, нахмутив седые брови, наморщив лоб, неприязненно взглянул на жену. Его худошавое лицо сверкало гневом. Пытаясь успокоиться, он дрожащими руками касался белой жиденькой козлиной бородки. Со стороны казалось, что старик раскрыл руки для молитвы. Старухе тоже так показалось.

– Дедуль, выпейте чаю. Ну же, идемте. Ладно, не хотите идти – не идите.

Покорный голос старухи привел старика в замешательство. Он не поверил своим ушам, признать свое поражение в словесной перепалке, тем более с ним, для старухи равносильно смерти. Что-то новенькое?!

Накопившееся раздражение, грозящее вылиться в большой скандал, в один миг было погашено ласковой речью старухи. Старик, поднявшись на супу, присел рядом. Бабка, открыв кастрюлю, поверх крышки накрытую полотенцем, положила в касу молочной рисовой каши и протянула мужу. Старик глянул на нее исподлобья: нет, непохоже, что морочит голову, за пятьдесят лет он ее хорошо изучил, все эти шуры-муры не для нее, если что – сразу ужалит, весь яд выпустит. «Эх ты, дочь бахши Уккагора... Если бес в нее вселится, то все кувырком пойдет. Да и права она, зараза, детям не надоедаю, не вешаюсь на шею... Ну что мне делать, если я такой? Дочь бахши Уккагора частенько сетовала, дескать, как ни старалась сблизить вас с людьми, так и не вышло, мол, даже глина вспыхнула бы огнем, камень заговорил бы, а вы всю жизнь молчком да молчком, эх, горька моя судьба, сторонитесь вы людей. Что ж, это правда. Да, я сторонюсь людей, но только не тебя, Тошбуви». Старик усмехнулся, протянув пустую касу старухе:

– Дай еще полкасы.

Бабка засветилась от удовольствия:

– Не будет потом тяжеловато? Выпейте-ка чаю.

Старик опять усмехнулся:

– Давай-давай! Если будет тяжело, придумаем как быть.

Дед с жадностью опустошил еще одну касу.

Остатки молочной каши блестели на стариковой бороде.

– Дедуль, вытрите бороду... До сих пор как дитя. Если б знать, что к старости мы все будем как дети, – мягко, еле слышно проворчала старуха. Старик посмотрел на нее. Слезы навернулись на глаза. Перед ним была не бабушка-гром, а маленькая, беспомощная старушка. Внутри словно что-то оборвалось, редкие седые волосы, будто иголки, вонзились в голову, он вздрогнул.

– Ие, Тошбуви, что с тобой?

Старуха вздохнула:

– Да так, дедуль, так.

Вместо громогласного голоса – тихий потухший вздох. Старик оцепенел:

– Что с тобой?

– Послушайте меня, дедуля. Послушайте меня. Уф-уф... вам не кажется, что мы постепенно отдаляемся от детей?

– Прекрати такие разговоры, Тошбуви, – голос старика задрожал. – Сегодня же отправимся к нашему старшому.

Старуха, не в силах сдержаться, всхлипнув, залилась слезами.

– Поедете или нет – решайте сами. Я сейчас не об этом. Мы от детей, или дети от нас отдаляются. Не только мы, но, кажется, и другие наши ровесники... Что-то страшно, дедуль, об этом слезы лью.

– О чем это ты?

– Говорю... а что говорю? Пятерых детей подняли, не жалели сил, души в них не чаяли, дочь... да ладно, она – отрезанный ломоть, она при семье, издревле так повелось. Пусть будет счастлива. Приедет раз в месяц, мы с вами и расцветаем, словно деревья после полива. А три сына?! Три-и-и сына! Разлетелись в разные стороны, эх, лишь бы были здоровы! А младшенький?! Тоже уехал, работа, мол, в Шерабаде, и сноху забрал, государственная работа, что скажешь, э-э-эх! Как подумаю о внуке, сердце кровью обливается, дедуль. Вы мужчина, вам не понять... Я, когда похоронила троих детей... предала земле, дедуль, сдала. Это я с виду такая важная, а этот мой громогласный голос вовсе не мой, а отцов, это ничтожный след его могучего голоса. Эх, доля моя, доля... Э-э-э-эх....

Старуха, глубоко вздохнув, залилась горячими слезами. Старик встал с места и, покачиваясь, потерянно обошел вокруг супы.

– Ну все, перестань, Тош... успокойся, Тош.

Старик, горестно вздыхая, вышел в прихожую. Набрал полный ковш воды, подошел к старухе и брызнул ей в лицо. Старуха вздрогнула и затихла, уставившись на скатерть.

– Старший сын вот уже пять лет носа не кажет в кишлак, – запричитала старуха. – Соседка говорит: «Ваш сын – большой человек, приехать, видать, времени нет». Говорить-то говорит, но чтобы меня успокоить, я знаю это. А я: «У него все в порядке, он недавно приезжал, работы у него много, много работы». Я говорю, что он навешает нас каждые два-три месяца. А вы радуетесь, что по телепону разговаривали. А вчера дочь соседки Хамсои прибежала: «Бабушка, – говорит, – вашего сына по телевизору показывают!» Вы были в саду. Включила телевизор. Он так хорошо говорил, но тут этот проклятый свет выключили. До утра не могла заснуть. Рано утром пришел ваш средний и что говорит... Мама, мол, ваши двое детей стали большими людьми, а я один ташу все хозяйство, и никто даже не думает мне помочь. Дедуль, давай отдадим ему этот сад, всех баранов, быка, корову. Зачем нам все это?.. Отдадим, избавимся. Зачем тащить эту непосильную ношу.

Старик вспыхнул:

– Он так и сказал? Сам попросил?

– Нет, ничего не просил. Даже не заикался. Но я по глазам все поняла. Прочитала по его глазам...

Старик опустил голову. Дрожащими худыми пальцами затеребил край скатерти. Больше он не мог противостоять своей бледной, задыхающейся от горя супруге.

– Хорошо, как скажешь. Зови среднего, пусть вечером придет, пусть владеет и садом, и баранами, и прочей скотиной. Завтра утром отправимся в путь. Наведем старшего.

* * *

На рассвете поезд, идущий из Денау, доставил стариков в Ташкент. Их встретил шофер старшего сына, посадил в диковинную машину и помчал к «старшóму». Старуха была счастлива, будто на крыльях летела. И старик, хоть и не подавал виду, но тоже был доволен. Обоих переполняли радость и счастье от предвкушения долгожданной встречи.

Остались позади резвая речка с хрустальными водами, необъятный

фруктовый сад. Перед взором стариков открылась совсем иная картина: на открытой местности вереницей выстроились многоэтажные дома.

– Наверное, это городское селение, – предположил старик, ни разу в жизни не видевший таких высоких зданий. – Ву-ий, а какие крыши, а это не шифер, как же блестит-то, сверкает, еще в разные цвета покрасили... А построены-то как! Остроконечные, туповатые, треугольные, четырехугольные!

Машина остановилась у огороженного шикарного лазурного особняка с алой крышей-колпаком. Вышли из машины. Шофер нажал на белую кнопку сбоку на огромных бронированных серых воротах. Старики удивленно ждали. Позвонил снова. Через какое-то время послышался стук, и в больших воротах открылась маленькая дверца, из-за которой показался их сын Турдикул, опухший, с взерошенной копной седых волос, в майке и шортах. Старуха бросилась с объятиями и поцелуями к сыну, а старик стоял рядом, радостно улыбаясь.

– Вай, мой сыночек! Дорогой мой Турди! Ты мой хороший. Жив-здоров, у тебя все в порядке, мой мальчик?!

– Все хорошо, как сами, добро пожаловать, проходите. Проходите. Отец, как доехали? Добро пожаловать, проходите.

Отец с сыном обнялись. Турдикул повел гостей к особняку по дорожке, вымощенной красной плиткой, вдоль которой росли диковинные цветы. Шофер шел за ними, неся сумки стариков. Старуха важно следовала за сыном, а старик с любопытством оглядывался по сторонам: «Ну, двор так двор. Просторный, ничего не скажешь».

Повсюду аккуратно постриженная зеленая трава. Посредине живописный фонтан, вокруг него благоухающий цветник. Чуть поодаль отделанный мрамором бассейн. Вода прозрачно-голубая. Рядом прекрасный яркий крытый айван. Разноцветные пластмассовые столы и стулья. За бассейном вдоль стены тянутся, выстроившись в ряд, колпаки длинноногих фонарей. Видимо, их включили еще вчера, и до сих пор горят. По краям тротуара такие же фонари, только белые, мигают яркими лампами. У дома слева крытый двухэтажный резной сурт.

Они прошли мимо огромного особняка с огромными темными стеклами и присели на двухэтажный настил.

– Сейчас... Сейчас. Минуточку. Невестка ваша еще спит. Сейчас разбужу. Рисол! Рисолат! Гости пожаловали... – и сын, поднявшись по лестнице, вошел в дом.

«В городе поздно встают», – подумал отец. «Уже полдень на дворе, а они все еще спят, лежебоки!» – возмутилась про себя мать.

Наконец дверь открылась и появилась невестка. Вот это да-а-а, и она в шортах. Правда, ее майка длиннее, чем у мужа. Ну да ладно, не будем придираться, какое нам дело до чужой одежды. Но хотелось бы заметить, что и бабка, и старик прятали глаза, смущенные внешним видом невестки.

Невестка, поздоровавшись, стала собирать на стол. Может, почувствовав замешательство стариков, она накинула на плечи халат. Вскоре стол был уставлен яствами. Сноха принесла жаркое. Сын справился о здоровье всех родственников в кишлаке, поинтересовался новостями. Невестка почтительно ухаживала за родителями.

– Что-то детей твоих не видно, сынок? – не дождавшись, когда внуки появятся в дверях, спросила старуха.

– Наргиз в Германии, Бекзод в лагере, – сухо ответил сын.

– Жаль... – сказал старик.

Бабка, взглянув на него, затараторила:

– Ладно, самое главное, чтобы были здоровы!

– Хорошо, что приехали. Мы по вам скучали, – любезно произнесла невестка.

– Мы, когда дети вернутся, сами собирались приехать в кишлак, – подхватил сын.

– Хорошо, хорошо, – обрадовался старик.

– Сынок, дед Чори, тетушка Сарви умерли. Дядюшка Тожи сильно болен, лежит, не вставая, – печально произнесла мать. – Вы приезжайте в кишлак, сынок.

– Ох и огромный у тебя двор, сколько места, как в кино, – вмешался старик, желая повернуть разговор в другую сторону.

– Да, отец, двор так двор!

– Сынок, сын дядюшки Хуррама в городе в больнице лежит, ты бы навестил его. Дядюшка обижен, говорит, что звонил племяннику по телепону, мол, а он толком со мной и поговорить не захотел.

– Много работы, работы много... Хорошо, схожу, – вяло согласился сын.

– Мама, папа, угошайтесь. Попробуйте-ка этот салат, – потчевала невестка.

– Двор отличный, – начал опять старик, боясь, чтоб старуха что-нибудь не ляпнула. – Вон те арчи хорошо выросли, а это что? Похоже на белые тополя...

– Это березы, папа, березы.

– Хорошо, хорошо. А что яблонь, черешен не посадил? Ну да ладно, в каждом месте свои порядки. Сынок, я пойду, мне надо подготовиться к молитве, а потом мы вместе с тобой погуляем по твоему двору.

Старик выразительно взглянул на старуху, мол, не скажи ничего лишнего, и встал из-за стола. Сын проводил отца к бане в конце двора.

– Мама, вам постелить? Немного отдохнули бы...

– Хорошо, невестушка, хорошо. Постелите, деточка.

День тянулся бесконечно, тягостно и уныло.

Гуляя по двору, старик увидел за разросшимися елями большую клетку, а в ней огромного волкодава ростом с медведя. Обернувшись к сыну, старик удивленно воскликнул:

– Это что, отродье дива?!

– Ну, это... Бекзод увлекается, папа!

– Ты бы лучше привез сюда четырех баранов, полезнее было бы. Ребенок бы не скучал, стал бы заботиться о животных. Вместо этого чудиша мог бы откормить приличного бычка... И дети бы не слонялись без дела, где это видно разводить таких огромных собак, скотину-то полезнее.

– Отец, мой сын не разводит собак, – рассердился сын.

– А это что? Чем этим увлекаться, лучше за скотиной ухаживать, – кивнул он в сторону клетки.

Собака зарычала.

– За собакой следит специальный работник.

Отец посмотрел на сына с сожалением. Криво усмехнувшись, покачал головой.

– И для чего это чудише?

– Он днем и ночью сторожит дом. Это же город, отец!

Старик сердито посмотрел на собаку. Волкодав снова зарычал.

...Наступил вечер. Старики на супе расположились чаевничать. Невестка начала поливать шлангом двор. Позвонили в дверь. Рисолат, бросив все, поспешила открыть. Вошел худощавый мужчина с двумя ведрами в руках и направился к собачьей конуре. «Принес собаке еду. Наверное, это смотритель собаки», – подумал старик. За ним пришел шофер. С двумя рабочими они прошли к бане и приспособили на двух шестах белую ткань, которая отделила бассейн от сури, где сидели старики. Из багажника машины вынесли и поставили на стол две огромные коробки. Через некоторое время на столе появились различные яства

и напитки. Старики удивленно переглянулись.

– Мама, папа, сегодня у нас гостевой день. Сейчас должны прийти гости: знаменитый актер с супругой. Они захотели навестить нас, неудобно было отказать, – скромно сказала невестка.

– Ну разве можно отказываться от гостей, то, что гости пожалуют, – это хорошо. Дом, где много гостей, – полная чаша, дорогуша, – поддержала старуха невестку. Сын, устанавливающий под елями шашлычницу, бросил быстрый взгляд на родителей. Старик улыбнулся, мол, мы без претензий, сынок.

Вскоре пожаловал актер, который действительно частенько мелькал по телевизору, с супругой. Рисолат бросилась им навстречу. Актер расцеловал Рисолат, его супруга поступила так же. Турдикул, не нарушая этого странного обычая, тоже расцеловал гостей и повел их знакомить со своими родителями, вставшими для приветствия. Потом поташил гостей за недавно сделанную «штору». Старики, обескуражено переглянувшись, присели. За занавесью послышался веселый шум, крики, всплески воды, звон бокалов, кто-то кричал, кто-то смеялся...

– Здесь жизнь совсем другая, дедуль, – произнесла старуха.

– Другая. Все по-другому... – усмехнувшись, согласился старик.

– Ну, что будем делать, дедуль?

– На рассвете уедем. Или ты останешься?

– Нет, ваша правда. Что скажете, то и будет! На этот раз вы правы, дедуль.

Старуха примолкла, уставившись в одну точку. Ей не хотелось, чтоб кто-то увидел навернувшиеся слезы. Старик тоже отвернулся. Бабка украдкой вытерла глаза.

За стеной из ткани снова послышались всплески, женский визг... Появился смотритель собаки, он вел этого огромного черного волкодава, держа одной рукой цепь, а в другой была наполовину опустевшая бутылка водки. Собака, глянув в сторону сури, недовольно зарычала и пошла за своим смотрителем к бане.

Через четверть часа старик направился к бане, чтобы подготовиться к молитве. Набрав воды, он прошел через двор и, нагнувшись к елям, вдруг почувствовал, что на него что-то с шумом летит. Резко обернувшись, старик увидел стремительно мчащуюся огромную собаку. Он застыл не в силах пошевелиться. В голове молнией сверкнуло: собака растерзает на части. В этот момент... в этот момент раздался гром, земля задрожала – это бабушка-гром изо всей силы рявкнула:

– Стоя-я-я-ять!

Собака встала как вкопанная. Закружившись на месте, она трусливо поджала хвост и побежала обратно. Люди у бассейна застыли от изумления.

А не ведавший ни о чем смотритель собаки безмятежно храпел, прислонившись к стене за баней.

Перевод Саодат КАМИЛОВОЙ.

Саодат КАМИЛОВА

Родилась в 1974 г. в Ангрене. Доктор филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы НУУз, литературовед, переводчик.

ТРУДНО ВЕЧНО ХРАНИТЬ ТО, ЧЕГО НЕТ

Рассказы

Татьяна ОСИНА

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Наша мама была женщиной необычной судьбы. Ее история могла бы показаться вполне обыкновенной, если судить о ней с точки зрения реалий сегодняшнего времени, когда отношения в семье кардинально изменились, нравы стали иными не только на просторах некогда огромной страны, но и на ее бывшем Востоке. И подобной историей никого не удивишь, пожалуй, уже ничем не удивишь. Но если представить, что начало маминой истории уходит в далекие 50-е годы прошлого века, то гримасы маминой женской судьбы не покажутся столь уж тривиальными. Нам – детям и участникам семейной драмы – они открылись не сразу и очень постепенно – по мере нашего взросления. А в те безвозвратно ушедшие времена мама, безусловно, была женщиной смелой и очень решительной.

Теперь, по прошествии многих лет, уже можно откровенно сказать, что родились мы в браке с нелюбимым мужчиной. Долгие годы это обстоятельство было скрыто от нас, поэтому ее уход из семьи оказался внезапным, и нам ничего не оставалось, как погоревать и смириться, оставшись с отцом, который нас бесконечно любил, но мать, конечно, не смог заменить. Прошли годы, произошел очередной слом в нашей семье. Мама вновь возникла на пороге нашего дома, и после долгих переговоров с отцом, которые неизменно происходили за плотно закрытыми дверями, мы неожиданно для себя оказались в другом городе и в другой маминой семье. Однако пробыли здесь недолго, относительно быстро произошел очередной сбой. Как нам показалось тогда, исключительно по нашей вине, пока мама спустя годы не разоткровенничалась и мы не узнали настоящую причину драмы. А тогда она мгновенно собралась, и мы, словно «попрошайки», вновь оказались у порога родного дома. Отец принял нас – детей, – но мать не простил и не принял. Он предоставил ей угол в квартире, и о совместной счастливой жизни в полной семье у нас остались только далекие детские воспоминания.

Шли годы, родители проживали параллельно. Как-то незаметно ушел из жизни отец, затем мама. А из коротких ее реплик и замечаний на исходе жизни сложилась горькая картинка ее судьбы... Мама вышла замуж за папу

Татьяна ОСИНА. Родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентскую государственную консерваторию. Кандидат философских наук, доцент. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, в сборниках научных трудов.

не по большой любви, а потому что так надо было, потому что пришло время, его нельзя было упустить, чтобы не остаться бездетной «бобылихой». Любила же она с ранней юности другого, несвободного, человека. Влюбившись в него совсем девчонкой, она пронесла это чувство через всю жизнь в браке с нелюбимым человеком – нашим отцом. Отец, умный, тонко чувствующий, осознавал это, но мама была единственной в его жизни любовью. Он принял ситуацию и даже, как ни трудно ему было, отпустил нас к матери, когда ее любимый мужчина остался вдовцом и сообщил ей об этом. Сбежав от нас, бросив на алтарь своей любви нас с отцом, она постепенно поняла, что, как это часто бывает, любила не конкретного, реального человека, а нарисованного в далекой юности, воображаемого и несуществующего в действительности. Последней каплей оказалось совершенное им насилие. Он ударил ее. Оценила ли она по возвращении к отцу его благородство и верность, его великодушие и некую даже жертвенность, мы никогда не узнали, ведь уходя из жизни, она так и не раскрыла эту последнюю тайну.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Не знаю, что это было, словно не со мною. Помню только, что я брела по дороге в какой-то странной неухоженной и неприбранной местности. Пожалуй, это была даже не дорога, а скорее, протоптанная многими людскими стараниями тропинка, по обе стороны которой то тут, то там чередовались участки с кустарниковой колючкой и людским хламом. Он валялся повсюду кучами, загромаждая горизонт. Я брела по этой безлюдной необычной местности, минуя пригорок за пригорком в поисках относительно чистого и удобного места, чтобы немного передохнуть. Усталость буквально валила с ног, тело становилось неуклюже тяжелым, ноги деревенели, валил с ног сон. Наконец, где-то в низине с трудом я приглядела относительно чистое место и, собрав остаток сил, еле доковыляла до него... И тут появилась она. Женщина возникла абсолютно неожиданно, словно материализовалась из воздуха. Это была даже не женщина, а некое с женскими признаками неухоженное существо неопределенного возраста в замусоленном тюрбане на голове, торчащими седыми растрепанными волосами и в старой хламиде. Она прошлась по мне остро-колючим, как бритва, взглядом, зацепившись им за мой портфель, который я судорожно прижимала к груди, концентрируя таким образом покидавшие меня силы, и вдруг исчезла так же неожиданно, как и появилась. Однако закравшийся холодок страха от ее хищного, обволакивающего взгляда никуда не исчез.

Наконец, вот оно, облюбованное мною место. Я опускаюсь на колени, стараюсь пристроить портфель вместо подушки и вдруг сбоку от себя слышу скрипучий, как звук несмазанной телеги, голос: «Давай помогу». С тревогой поворачиваюсь и вижу: опять она, возникла из ниоткуда, с угрожающей настойчивостью повторяет одно и то же и тянет руки к моему портфелю. Сон исчез мгновенно, будто и не бывало. Я возвращаюсь к реальности не спеша, стараясь не спугнуть старуху и прежде всего себя. Она настойчиво продолжает бубнить. И я вдруг осознаю, что мой портфель для нее – воплощение всех надежд на скорую добычу. Он пуст... Но она этого не знает, а я вижу по ее лицу, по остекленевшему взгляду, что решимость ее нарастает, она готова на все, даже на крайние меры, чтобы завладеть моими, существующими только в ее воображении, сокровищами.

Я глубоко вдыхаю воздух, закрываю глаза, продолжаю внутренне сопротивляться неизбежному концу, не оставляя надежды, которая, как известно,

умирает последней. И избавление наступает – пережитый ужас накрывает меня с головой. А за секунду до этого я слышу лошадиный хриплый взвизг, вижу лошадь, поднявшуюся на дыбы, которая вот-вот передними копытами затопчет женщину. Та в ужасе покидает желанную добычу, унося ноги. Теперь уже она спасает свою никчемную жизнь. Я благодарю небо, моя жизнь продолжается.

РЕПЕТИЦИЯ

Обычно она сидела где-нибудь в уголке в зрительном зале, пока шли изнурительные, многодневные репетиции на сцене. Актриса и жена главного режиссера Ольга Сергеевна Курдюмова прекрасно знала: всему свое время и час, придет ее время, она окажется на сцене и именно она, и никто другой, будет играть премьеру. Муж любил ее и никогда не позволял себе неприятных сюрпризов. С другими актрисами театра он не церемонился, был жесток: никто никогда не знал, что будет в главный премьерный день «на выходе» спектакля, главный режиссер и главнокомандующий, он все решал единолично, актрисы терпели это и иногда, случалось, выигрывали. Ольга Сергеевна же всегда знала – пока она сидит тут, в уголке в зале, а они блистают на сцене, готовится очередная неожиданность: в день премьеры все будет наоборот – царить на сцене будет она. А пока он репетирует с ними, она учит роль, запоминает мизансцены, постигает суть характера своей героини.

Но на этот раз все получилось иначе, весьма неожиданно для нее. Он «выташил» ее на сцену не в день премьеры, а прямо из закутка. Во время очередной репетиции прервал ее скромное и незаметное присутствие в зрительном зале и пригласил на сцену. Она не растерялась – роль была, в принципе, уже «сделана» ею, а так как Ольга Курдюмова считалась хорошей актрисой, с легким, обычным для нее волнением, обязательным при каждом выходе на сцену, и некой внутренней убежденностью в своей актерской «правоте» она уверенно отыграла репетицию. А по окончании – это было впервые за многие годы их творческого и одновременно супружеского союза – Ольга Сергеевна вдруг услышала от мужа-режиссера нелюбезную профессиональную критику в свой адрес. В присутствии всех участников репетиционного театрального действия, прямо на сцене, не после – наедине в его кабинете или даже дома, как это иногда бывало, а здесь и сейчас, прилюдно. Муж не пощадил жену. Не удивительно, что в голове у нее в этот момент помутилось, на нее что-то «нашло» и она заговорила в ответ – сумбурно, торопливо... Сквозь речевой туман вдруг неожиданно и тоже прилюдно обнаружилась та неприглядная нелюбезная правда, о которую в одночасье разбился их семейный очаг, под обломками которого был похоронен и их незыблемый творческий союз.

«Что это за правда?» – спросите вы. Так, мелочь, пустяк. Бестактность мужа, отповедь жены. Цена вопроса – разгром, руины, испорченная репутация актрисы, блещущей на театральной сцене, а в жизни – авантюристкой-двоемуженки. Но что за бред? А вот и нет! Муж первый у нее – дрейфующий моряк, гость и редкая залетная птица в доме, муж второй – Пигмалион (и в главной роли он), муж-режиссер, годами лепящий жену и собственное гнездо. И вот конец...

Потом он не раз спрашивал себя: «Что на меня нашло тогда?..» Что повлияло, подтолкнуло к резкому критическому выступлению? Но так и не находил ответа наш новоявленный Пигмалион. Ведь трудно вечно хранить то, чего нет!

НЕ ТВОЕ – НЕ БЕРИ!

Рассказ

Александр ТРИШКИН

Господь, прежде чем наказать, каждому из нас обязательно посылает предупреждение, а сам человек в зависимости от воспитания, убеждений или особенностей характера делает или не делает из этих посылов вывод. К примеру, каждому доводилось видеть на дорогах водителей-лихачей, я их называю скакунами или скаконавтами. Этаким ездунёнок, как правило, молоденький и не обременённый жизненным опытом (хотя попадают и седенькие из категории «до ста лет дожил, а ума не нажил»), лихо объезжает одного, другого, притормозит, газанёт, упиваясь своим шоферским гением, мощностью своего «болида», удачным деньком, молодостью и иными прелестями. Сам прошёл через это и знаю точно: в такой момент очень важно не заиграться, не переувлечься, не переупиться. И вовремя увидеть Божий посыл в виде чудом увернувшегося пешехода или выскользнувшей из-под носа машины. Увидел, понял, осознал, прекратил игру – живи. Не осознал, что ж, следующий посыл будет посерьёзней. Не обессудь – тебя предупредили.

Каждый день я таксую, раненько встаю, ну и до вечера, пока не устану. А то просто покатаюсь маленько и будя – а не вздремнуть ли часок-другой... Что ни говори, а на пенсии в этом смысле здорово – никомуничёнедолжный: сам себе и начальник, и замначальника, и подчинённый. Одно из достоинств работы таксиста – общение с людьми. Когда пассажир садится в такси, обязательно надо обменяться с ним хотя бы парой слов. Сам я не стремлюсь к разговору и никогда его не навязываю, но если чувствую, что пассажир хочет общения, – пожалуйста, и даже с удовольствием. С иными пассажирами расстанешься чуть ли не друзьями, а бывает и наоборот, но об этом вспоминать не хочется. Только что высадил девушку-лапушку-симпанзель, поболтали о том о сём, непринужденный, легкий дорожный разговор... как, говорит, вы не устаёте в этакой автотолчее с утра до ночи... не-е, говорит, разок попробовала себя за рулём – больше ни ногой. Да-а, говорю, вы правы: если нет тяги братья «за вожжи», то лучше этого и не делать, не твоё – не бери... М-м-да... а ведь мне тоже (и не раз!) были послы-предупреждения: «не твоё – не бери». Много и при самых разных обстоятельствах, но сейчас почему-то ярко вспомнилось три из них по теме: «охота».

Александр ТРИШКИН. Родился в 1957 г. в Гулистане. Окончил ТашВОКУ. Живет в Омске. Публиковался на сайте «Проза.ру». В «Звезде Востока» печатается впервые.

Предупреждение первое

Я не охотник, не рыбак. Ну да, конечно, при случае не упущу возможности посидеть с удочкой у водоёма, но уж ни в какую дискуссию, где, что, как и на что лучше клюёт, не вступлю, и даже в каком магазине какая рыба дешевле – обсуждать не стану. Захотелось рыбки – зашёл в магазин, купил одно-другое рыбное туловище и, от души поколдовав над ним с помощью всяких приправ да подвергнув соответствующей термообработке, слопал. Со знанием дела.

Перед окончанием ТашВОКУ в 1978-м году каждый из выпускников должен был написать рапорт с пожеланием: где, в каком из округов нашей необъятной Родины он хотел бы служить. Многие поехали за границу. Кто не попадал в желаемый округ – не хватило вакансий, или не соответствовали параметры, – тех отправляли в «непрестижные» места службы – пески или сибирские морозы.

Я не писал никакого рапорта вообще.

Во-первых, лучше начать службу смолоду в тяжёлых условиях, а к пенсии устроиться где-нибудь потеплее.

Во-вторых, служить я шёл не для того, чтобы импортный шифоньер купить. Поехал, как бы это пафосно ни звучало, куда Родина-мать направила.

В-третьих... не с моими курсантскими «доблестями» проситься в престижные места.

Итак, место службы – Амурская область.

Километрах в шести от гарнизона, в тайге, затеял наш командир новую стрелковую директрису построить. Вот и поручили мне это дело. 16 бойцов, инструмент, палатка. По весне, чуть только начала оттаивать накрепко смёрзшаяся под 30–40-градусными морозами земля, начали. Бойцы мои жили в палатке, а я каждый вечер возвращался домой – в гарнизон. Марш-бросок в 6 километров до дома и столько же утром на стрельбище. Нравились мне эти пробежки, а точнее, эта невозможность избежать двух ежедневных шестикилометровых марш-бросков. Если бы не такая обязательность, то от ежедневной физподготовки можно было бы отлынивать: за день вымотаешься – не до олимпийских рекордов, а тут – хошь-не-хошь, а будьте, Сан-Саныч, любезны дважды в день!

Бойцы мои крепили на берёзы банки, а поутру собирали их и пили свеженький, чистый, ароматный берёзовый сок. После марш-броска особенно приятно выпить пол-литра-литр свежего берёзового сока.

Дожди в Амурской области часты, а весной и осенью особенно. И дичи в тайге навалом: козы, зайцы, куропатки всякие, тетерева... Мои сослуживцы, охотники-фанаты, конечно же, не упускали случая поохотиться, а потом похвалиться своей добычей и угостить товарищей свежинкой под водочку да под грибочки домашнего посола.

Ходил я всегда одним маршрутом – по заброшенному танкодрому, по накатанной колее, служившей когда-то трассой для обучения вождению танков и БТРов. Изъезженная, исковерканная колея. Земля почти всегда влажная, тем более после дождя. Идёшь утром – следов козых не счесть, вечером возвращаешься – истоптано, как на Арбате. Ну и закралась мыслишка брать с собой автомат, да и сослуживцы присоветовали: чего вхолостую шастать, глядишь, козятинкой бы поживился. И себе, и бойцам на стол не помешало б. В общем – уговорили. Стал каждое утро таскать с собой АКМ. Выхожу за

гарнизон, пересекаю марь, а за ней глухая тайга, и сразу – патрон в патронник, в общем, автомат в полной готовности: поднимай и жми на курок.

День, другой, третий... пусто, ни одной животинки не попалось. А следов, как назло, ещё больше, будто нарочно дразнят, да не показываются. Неделю хожу, вторую – ничего. Стали мне опытные охотники советы давать, подсказывать, что и как... Бесполезно. Нет дичи и всё! Чего только не делал: и солонцы-приманки ставил, и с подветренной стороны заходил, в засаде сидел, даже с ночным прицелом до полуночи по тайге бродил – пусто. Мои старания продолжались месяца полтора-два.

И вот иду ранним утречком по хоженому-перехоженому маршруту. У трассы стоит старая-старая сосна. Ствол сухой, высокий, но мертвый, отжила своё, только сучья по стволу – как лестница. Давно я подумывал взобраться на её вершину да окинуть взглядом окрест. Вот с неё-то уж наверняка увидел бы я хоть какую-нибудь дичинку. Приближаюсь к этой сосне, прикидываю, как подняться, на какие сучья опереться, где пристроиться вверху для наблюдения. Когда сосна остаётся уже метрах в 10-ти позади, вдруг вижу: поблизости в густом кустарнике скрывается круп здоровенной косули! ОП-ПА! Вот это да! Вскинул автомат, пальнул туда, где могла быть косуля, в ответ – удаляющийся топот... м-м-да-а... охотник хренов...

ВСЁ! С того дня автомат я больше с собой не брал. Верите или нет, но будто какой-то груз с души свалился в один миг, стало так легко и ясно. Больше об охоте я не помышлял, почувствовал, что это знак: не твоё – не бери!

Предупреждение второе

Второе предупреждение свыше было дано годков этак через шесть.

Нет, не охотился я и не думал об охоте ни до, ни после того случая с косулей, но вот подвернулась такая оказия во время службы на одном из островов Курильской гряды, на Итурупе.

Вот где раздолье-то для разного рода романтиков, путешественников, любителей экстрима! Вулканы, горячие гейзеры, водопады, с одной стороны – океан, с другой – Охотское море, останки старых деревянных кораблей, вросших в прибрежный песок... Едешь по дороге, а по сторонам валяются подбитые в войну японские танкетки. А морских обитателей – тьма: и тюлени, и дельфины, а однажды зимой прибилась к берегу посёлка «Рыбаки» стайка молодых акул. Подошли льды, и шуга закрыла акулятам выход в море. Не помню как, но спасли рыбаки акулят. А рыбакам лучше места не найти: рыбы – хоть руками бери, и не какой-нибудь там пескарёв, а всё породы именитые: палтус, кета, горбуша, нерка, таймень, форель, есть и королевские крабы, в общем, не перечесть. Очень много медведей, лис, крыс. А крысы-то какие здоровенные – как небольшие кролики!

А ещё врезались в память и впечатлили вороны бомбардировки. Никогда б не поверил, если бы самому не пришлось неоднократно уворачиваться от вороньих атак. На островах нам паёк консервами выдавали: тушёнка, горбуша, кальмары, разного рода консервированные овощи, салаты. На помойках было полно консервных банок. И прикормились здесь вороны огромные, да не одна-две, а многочисленные стаи, можно сказать, тучи. Даже жутковато как-то. И вот представьте себе: идёшь выносить мусор, а они взлетают с пустыми банками в клювах, летят навстречу и сбрасывают свои «бомбы», стараясь попасть в тебя. Зрелище не для слабонервных! Однако сейчас не об этом.

Три года службы пролетели как в сказке, но... настало время отправляться

на новое место службы, на материк. И засела в голове мысль: а увезу-ка я отсюда медвежью шкуру! Ну когда ещё подвернётся такая возможность? Беру три дня отпуска (вроде как съездить в госпиталь!), одалживаю у друзей колёсный вездеходик ГАЗ-52 повышенной проходимости, беру винтовку СВД – и ходу на Ветровой перешеек. Кстати, на Ветровом, когда-то был аэродром японских камикадзе, и в 1987-м году ещё валялись тележки-шасси от их самолётов. Места там малохоженные и труднопроходимые. Казалось бы, по бамбукам идти нетрудно: он всего лишь по пояс, но попробуйте побродить по плотно растущему бамбуковому ковру высотой в полроста человека! Ставишь ногу на землю, а со всех сторон ее теснят крепкие тугие бамбуковые стебли. Чтобы двигаться вперёд, ногу надо переносить с одного места на другое, а этому препятствуют те же бамбуковые заросли. И так КАЖДЫЙ шаг. Процедура выматывающая, устаёшь очень быстро, даже если молод и силён.

Приехал на Ветровой, остановился у друга в избушке, взял в помощники двух местных парней, и двинулись мы втроём. Побродили часа 2–3, сели перекусить, и вдруг опустился туман. Плотный, густой. Благо, от машины отошли недалеко. Пришлось вернуться в дом. Три дня у меня было отведено на это предприятие, и все три дня туман стоял плотной стеной. Казалось бы, ну и что тут особенного?! Туман как туман, пришёл – ушёл... Да, НО!.. Прожившие на острове Итуруп хотя бы несколько дней имели возможность заметить, что ветер на островах практически не прекращается. Он может стихнуть лишь для того, чтобы сменить направление или просто «передохнуть», но только на полчаса-часок, а уж никак не на трое суток. А при ветре туман плотной стеной не удержится, и окрестности всегда можно прекрасно обозреть. И охоте это никак не мешает. Вот те и «информация к размышлению»: послы это или нет?

...Пора возвращаться, время истекло. Еду обратно. Погода – чудо: солнышко, лёгкий ветерок, и опять вспомнилось то самое ощущение несовершенного греха, какая-то лёгкость на душе. Вспомнилась оставшаяся в живых косуля. Да, теперь я уверен, что это было второе предупреждение: не твоё – не бери!

Предупреждение третье

Третье предупреждение случилось через пять лет. И было оно гораздо серьёзнее двух предыдущих.

Произошло это не со мной, но, можно сказать, на моих глазах.

На пенсию я вышел рано, в 34 года, этаким юным пенсионер, как я себя тогда называл. Ну и позвал меня друг Толик с собой на сезон поработать на поливных землях на дождевалках. Может, видели, проезжая по сельским угольям, стоящую в поле на огромных колёсах длинную трубу? А из трубы этой фонтанами брызжет, орошая поле, вода. Через каждые четыре часа эту трубу надо перегонять на новое место. Этих самых Волжанок у нас с Толяном двенадцать штук, и каждую через четыре часа надо перегонять и включать силовые установки подачи воды.

Движутся установки самоходом с помощью двигателя ЗИД, заводится этот самый ЗИД простым, как три рубля, способом: надо намотать на маховик шнур и дёргать резко и сильно, пока не заведётся.

Когда-то по случаю я приобрёл мелкокалиберную винтовку и огромное количество патрончиков к ней. Мелкашку я взял с собой в поле. А жили мы в вагончике.

И тут тоже стало наблюдаться что-то непонятное. Идёшь, к примеру, в поле Волжанки перегнать или ЗИД подремонтировать (мелкашка, естественно, остаётся в вагончике), так зайцы чуть ли не на голову прыгают, а то и лисичка пробежит перед носом. Но попробуй выйти с мелкашкой – дудки, Митька прят! Будто сидят в кустах какие-нибудь заячьи наблюдатели с биноклями и контролируют твои шаги. Нет ни одного!

Работали мы с Толяном посменно – через неделю. У меня москвич, у него жигуль-копейка. Работаем месяц, другой – всё ровненько. Менялись с утра во вторник, чтобы выходные проводить в семье. Каждый вторник с утра прислушиваешься. О, заурчало – едет Толян! Мы всегда выходили встречать друг друга на крыльцо.

Наступает моя неделя. Подъезжаю к вагончику, предвкушая радость встречи... что такое? Толик не выходит на крыльцо... странно... Дверь вагончика открыта настежь... хм... если б ушёл на полевой стан, дверь бы запер... Та-ак... поднимаюсь на крыльцо. Тишина. Прохожу по коридорчику и вижу сквозь дверной проём: на своей койке, свернувшись калачиком и забившись в угол, то ли лежит, то ли сидит мой друг Толян и молча каким-то бессмысленным взглядом смотрит прямо на меня. На полу пятна крови, правой рукой он придерживает окровавленную левую.

– Что такое?! – спрашиваю.

– Маховиком ЗИДа клок мышц с предплечья вырвало.

– Прыгай в машину! Быстрее! В больницу!

От потери крови Толян ослаб, но в москвич сел сам. Гоню во весь опор по колдобинам километров десять.

Пока ехали, Толя рассказал:

– Перегнал я все Волжанки, выполнил все положенные процедуры, осталось запустить силовую установку – водокачку. Зашёл на секундочку зачем-то в вагончик. Выхожу и вижу: шагах в десяти передо мной сидит заяц и глядит прямо на меня. Сидит как-то по собачьи, на попе. Я остановился, заяц сидит и смотрит. Я спокойно вернулся в вагончик, взял мелкашку и вышел на крыльцо... заяц сидит и смотрит на меня... Прицеливаюсь – бабах! Ранил. Заяц скачками в камыши и притаился, я же, подойдя ближе, добил его вторым выстрелом. Привязал за верёвку и опустил в воду. Думаю, приедешь – сварганим что-нибудь. И тут, представляешь, понять не могу, зачем и почему я вернулся к Волжанкам и стал заводить ЗИД, будто кто тянул меня, а я был не в силах противиться... Завожу, а рука соскользнула – и в маховик! Я и сейчас не понимаю... Сань, что это было? Почему? Мне кажется, что это наказание за расстрелянного зайца: это ж не охота была – убийство...

От этого Толянова рассказа у меня по коже мурашки забегали. По сей день помню его смятение. В себя он пришёл не сразу, лишь через неделю вышел на работу в свою смену...

История эта со временем забылась, но долго ещё не покидало меня ощущение того самого ТРЕТЬЕГО предупреждения... Не твоё – не бери!

**Я соловей,
потерявший
свой сад**

Абдували КУТБИДДИН

Редакция предлагает своим читателям первый опыт создания стихов на русском языке популярного поэта, пишущего на узбекском языке, Абдували Кутбиддина, чье творчество вызывает безусловный интерес и воспринимается неоднозначно.

* * *

Воздух пропитан мёдом,
Бабочки на ладонях...
Кружат разноцветные птицы,
Озарённые лучами...
Я пьян с утра...
В жилах не кровь – роса.
Над землей поднимусь
Высоко, высоко,
Дождем прольюсь,
За радость Бога поблагодарю...
Я пьян с утра...

* * *

Осима, где найти волны
В этой пустыне?
Море ушло,
Оставив пески.
Сердце пустое,
Руки пустые...
Зачем грустить,
Собирая куски
Неубережённого счастья?
Оберегая несчастье...

* * *

Сны мои тают в ресницах твоих,
Метель замечает искры прошедших ночей...
Верни любовь Хайяма
Из прошлого
И будь со мной до грешного утра...
Выпей слёзы мои,
Выпей слёзы свои...

Абдували КУТБИДДИН. Заслуженный журналист Узбекистана. Родился в 1960 г., окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор многочисленных эссе, сборников стихотворений («Найсон», «Хумо», «Хаёл кечаси», «Бор» и др.).

* * *

Очарованный всплеском огня и воды,
Бродит ветер возле избы среди грома и шума,
Я соловей, потерявший свой сад,
Сошедший с ума,
Порхаю печально...

* * *

Бешеный вихрь обидел кусты,
Плачут они...
Свернул я с пути,
Грехи мои – змеи –
Огненным обручем
Замыкаются в круг.
Мне туда надо,
Но не пройти:
Слева закрыто,
Справа закрыто.
Почему так случилось,
Никому не понять.
Плачут кусты,
Я их должен спасти.
Может ты, милая,
Там замерзаешь?
Вихрь тянет к бездне,
Голубой пучине.
Прости меня,
Дорогая, прости
За то, что я
Тебя отпустил.
Не познав себя до конца,
Не поняв намерение вихря-гонца...
Что же прячется там,
За кустами?..

* * *

Превратить бы в камни
Свои страдания,
Соорудить из них гору,
Если возможно,
Потом подняться на неё
И дожидаться белоснежного аиста
Чтобы его поцеловать и
С надеждой вернуться назад...

* * *

Поэзия – иллюзия,
Там хоронят души,
Изошрённую ложь...
Ласковый лепет...
Не верь словам,
Красивым слогам,
Не рыши
По волшебным берлогам,
Дыши свободно,
Живи свободно:
Поэзия в тебе,
Имя её – свобода.

* * *

Мама, не улетай,
Мама, не спеши,
Время – собака, злая воровка,
Забрала отца, увела в колодезь.
Опять она воет возле двора.
Ты среди ночи
Вроде бормочешь:
«Никого не отдам,
Я уйду, когда хочешь...»
Мама, не спеши,
Я сердце вырву,
Брошу собакам –
Месяцам и годам.
Без тебя пропаду,
Попаду я в беду
Сорвусь в пропасть,
Где Время хохочет,
Быть моей матерью хочет.
А я не хочу,
а я не хочу...

* * *

Одиночество разъедает душу
В разлуке,
Грудь разрывает червь скуки
И муки.
Сползаю всё ниже. Низко.
Не подходи ко мне близко,
Не уходи от меня далеко...

ТРЕТЬЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Рассказ

Рисолат ХАЙДАРОВА

Жара в саратан в Мавераннахре становилась невыносимой. Предрасветная прохлада быстро сменялась настоящим пеклом. И казалось, что солнце лишней раз пытается уверить людей, весь растительный и животный мир в своем могуществе... Всё, даже ветерок, замерло.

Только внутри трехъярусного величественного сооружения прохладно. Это обсерватория. Здесь недавно закончилось строительство, и воздух еще пропитан запахами ганча-алебастра и краски. Большинство помещений пустует, и поэтому эхом раздаётся звук каждого шага...

По лестнице обсерватории поднимается молодой мужчина лет тридцати. На нем широкий легкий чекмень, надетый поверх шелковой рубахи. Горловина и плечи одежды обшиты изящными строчками. На аккуратно повязанной белой чалме сверкает прозрачный дорогой камень величиной с орех. Это преданный своему отцу старший сын властелина Ирана и Турана Темурида Шахруха Мирзы, а ныне правитель Мавераннахра и Туркестана Мирзо Улугбек. За ним следует его ученик Али Кушчи.

– Алауддин Али, – обратился к нему Мирзо Улугбек. – Завтра к вечеру я пригласил в обсерваторию ясновидца мавляну Мухаммеда Ардистони. Ты, наверное, помнишь, мы как-то с ним поспорили по одному поводу.

Али Кушчи молчал, ожидая продолжения, так как знал, что, когда речь идет о каком-нибудь важном деле, Мирзо Улугбек начинает говорить вполголоса, словно рассуждая с самим собой. И это очень нравится Али Кушчи.

– Ясновидец мавляна Ардистони – непревзойденный предсказатель в рамле – гадании на песке, – заметил Улугбек. – Но мне думается, что он немного преувеличивает роль судьбы. Аллах, наделяя душу своего раба плотью, дарует ему определенный срок жизни и возлагает на него миссию, которую тот должен выполнить, явившись в тленный мир. Это истинная правда. Но если каждое событие предписано судьбой, то для чего человеку дается разум, сознание и могущество? А раз Аллах, так сильно любя человека, дает ему силу, целомудрие и талант, то невозможно, чтобы он сделал его немощным перед судьбой! Я считаю, что человек не случайно является в этот мир и приходит не для того, чтобы уйти бесследно.

Рисолат ХАЙДАРОВА. Член Союза писателей Узбекистана. Родилась в 1966 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Автор книг «Мағзура» и «Жавзо». Публикуется в периодической печати Узбекистана.

Улугбек остановился на последней ступеньке лестницы, ведущей на третий ярус, и, обернувшись, спросил:

– Почему ты молчишь, Алауддин Али?

Али Кушчи улыбнулся:

– Учитель, вы сами говорили: для того чтобы доказать, что предположение не преувеличение, необходима перепроверка. Но высказывания мавляны, основанные на его учении, никак не подлежат перепроверке. А раз так...

Улугбек похлопал ученика по плечу:

– Молодец, Алауддин! – затем, рассмеявшись, добавил: – Значит, говоришь, в перепроверке нет надобности? Перепроверка невозможна? Но невозможного ведь ничего нет!

Али Кушчи не понял, что заставило учителя вдруг рассмеяться. Улугбек же рассмеялся от приятной мысли. Он жестом велел своему ученику, молодому мударрису, следовать за ним и вошел вовнутрь.

– Дней через десять наступит месяц Асад (Лев) – пятый месяц солнечного года, – сказал Улугбек. – Именно в этот период в нынешнем году звезда Великая Дубхе окажется выше обычного, в апогее... Изготовление нового астрономического прибора не задерживается?

– Учитель, я разговаривал с мастером Мухаммадкули. Он обещал основу прибора закончить в течение трех дней. Чтобы все было точно, я у него на глазах транспортиром еще раз перепроверил расчеты.

– Прекрасно!

Улугбек, прохаживаясь по коридору, уже, наверное, в сотый раз восторженно разглядывал стены обсерватории. В самом центре третьего яруса лежал на небольшом глиняном помосте аккуратно завернутый в бязевую ткань сверток. У помоста двое молодых плотников, положив на землю, разбирали тешой со сверкающим лезвием небольшие леса, используемые при штукатурке. Улугбек вернулся. Али Кушчи последовал за ним.

Несмотря на несносную жару, площадь была полна людей. Вокруг возвышающегося посреди площади огромного глиняного помоста расположился еще десяток помостов, только размером поменьше. Водоносы, доставлявшие в бурдюках воду, обильно поливали их. Мардикяры, нанятые на базаре, вносили в ворота ковры и сотканые из камыша циновки. За всем наблюдал надзиратель – мужчина богатырского телосложения, обвязанный в три слоя белбагом. Он следил за выполнением работы. Время от времени звучали его короткие указания. Стражники, стоящие у двери, ведущей во двор, заторопились, увидев правителя. Один из них подвел коня, второй приготовился помочь владыке оседлать его. Работающие застыли в поклоне. Не обращая внимания на засуетившихся людей, Улугбек сел на коня и в сопровождении свиты выехал.

За стенами двора, на огромной поляне, были вырыты ямы под очаги, на них установлены громоздкие казаны. На циновках под большими бязевыми тентами вкруговую расположилось около пятидесяти человек. Одни чистили, другие шинковали морковь. Чуть поодаль мясник с засученными рукавами сдирал шкуру с бараньей туши, подвешенной на сук урючного дерева. Мирзо Улугбек решил в честь окончания строительства обсерватории устроить пиршество для народа. Праздник должен был начаться на рассвете.

Али Кушчи долго смотрел вслед удаляющимся всадникам. Затем, размышляя о предстоящей беседе, а может быть, даже и полемике с Мухаммедом Ардистони, вернулся во двор.

* * *

Мирзо Улугбек, чтобы не отвлекать население города от обыденных дел, старался по возможности быстро и без помпезности ездить по улицам Самарканда. Хотя некоторые из его придворных каждым появлением рядом с правителем старались подчеркнуть свою близость к нему. Это раздражало Улугбека Мирзу. Поэтому и сегодня он поспешно въехал в свой дворец Кок-сарай. Через приемную он прошел прямо в одну из прохладных комнат. Стены ее были разрисованы изяшными голубыми узорами, между которыми красовались белоснежные бутоны цветов. На потолке гармонично сливались голубизна неба и прозрачность нежных облаков. Окна были завешены белыми занавесками. В знойные летние дни в этой комнате всегда царила прохлада. Мирзо Улугбек любил здесь отдыхать, обдумывать трактаты, размышлять о запутанных задачах и проблемах. Поэтому эту комнату прозвали «уголком обозрения».

Улугбек снял с плеч чекмень и растянулся на узком стеганом шелковом одеяле-курпаче, обдумывая слова Али Кушчи: «Перед предположениями господина Ардистони научные исследования бессильны...»

А ведь и вправду круговерть земной жизни связана со звездами. И это, бесспорно, веление самого Творца. Но какая суть заложена в человеческой сущности? Предначертана ли она судьбой? А если так, то к чему его стремления и старания? Неужели человек, прожив целую жизнь, стремясь к чему-то, трудясь, сражаясь, выполняет всего-навсего предназначение судьбы?

Если бы не та беседа с мавляной Ардистони, сейчас бы он наверняка не думал об этом. Прошло пять лет, а он не может забыть про нее.

* * *

Тогда была ранняя весна, зимние холода нехотя уступали оттепели.

В теплых читальнях библиотеки медресе завершились учеба и трапеза, организуемая после занятий для воспитанников и преподавателей правителем.

Али Кушчи, расположившись на курпаче, стал прислушиваться к беседе учителя и мавляны Мухаммеда Ардистони. Время от времени из кувшинчика в скромно разрисованные пиалы он наливал теплый яблочный сок и молча подавал им.

– Ваше превосходительство, предсказания исполняются по нескольким причинам. Во-первых, для этого создают условия окружающие человека жизненные ситуации и среда. Во-вторых, предсказания исполнимы там, где есть органическая связь событий.

Мирзо Улугбек улыбнулся:

– Продолжайте, мавляна... А разве в этом не участвует виновник предсказания?

Мавляна ухмыльнулся:

– Его участие прямое и... непосредственное.

– То есть?

– То есть... сам человек является причиной всех событий, которые должны исполниться. А порой он сам создает предстоящие события!

– Удивительно! – Улугбек задумался, затем, улыбнувшись, спросил: – Мавляна, вы не попробуете погадать и мне?

Ардистони задумался, поглаживая бороду. Потом нерешительно сказал:

– Гадать на жизнь правителя равносильно предсказанию судьбы салтана-та, кураган.

– Нет же, вы погадайте на мои дела, не связанные с государством.

Ардистони усмехнулся и глянул на Али Кушчи:

– Не получится в присутствии третьего человека!

Улугбек махнул рукой:

– Мавляна, Алауддин Али не чужой мне человек! Можете говорить!

Ардистони взял в руки четки. Начал нашептывать молитву и вытащил из кармана тоненькую тетрадь.

Улугбек с внезапно заколотившимся сердцем стал пристально разглядывать полуседую бороду мавляны, мелкие морщины, густо покрывающие его веки, мешки под глазами, чалму бежевого цвета, закрывающую половину его лба, и бледные шепчущие губы.

– В ближайшие дни в жизни курагана произойдут два неприятных события, – сказал, наконец, мавляна. – Он потеряет ту, с которой его связала судьба, потом он лишится своей возлюбленной. Первый случай станет причиной исполнения второго предсказания, и в результате кураган останется один.

Улугбек опешил от такого предсказания, потому что ожидал услышать о рождении сына, который восполнит утрату его сына Ибадуллы Мирзо, умершего два года назад. И сейчас он думал, как вознаградит мавляну, услышав радостную весть.

Ардистони был обеспокоен молчанием Улугбека:

– Если кураган сам не станет неожиданно причиной, наверняка можно будет избежать исполнения второго предсказания! – вымолвил он тихо.

– Но первое исполнится точно?

– Да!

Воцарилось молчание. Наконец, Улугбек прошептал:

– Что ж, живому рабу Аллаха суждено увидеть и пережить все...

Али Кушчи попытался успокоить Улугбека:

– Учитель, вас так сильно впечатлили слова мавляны. Может быть, и не исполнятся эти предсказания?

– Алауддин Али, я не поверил этому. Разве человек может разлучиться со своей душой? Ты думаешь, это так легко? Нет! А для того чтобы сбылось второе предсказание, необходима такая сила, которая способна мою душу и мое сердце заставить признать эту разлуку. Я даже не могу себе представить, что такая сила существует! Кто решится на подобное?

Но такая сила, к сожалению, есть!

* * *

Царица Уги Беги-ханум захворала. Поначалу вроде не было ничего серьезного. Царица якобы простудилась, доверившись обманчивому весеннему солнцу.

Но на третий день у нее подскочила температура. А на четвертый пожилой лекарь, дрожа, предстал перед государем с опущенной головой:

– Здоровье Ее величества вызывает беспокойство, мой повелитель. Мы созвали известных лекарей столицы и провели совещание. По нашему предположению, у Ее величества воспаление легких, а может, чахотка.

– Уважаемый, неужели чахотка не лечивается? – спросил Мирзо Улугбек.

– Мой властелин, чахотка, может, и поддастся лечению, но мы, Ваши слуги, беспокоимся, что обострилась и старая болезнь – ревматизм...

В тот день Мирзо Улугбек вошел в гарем навестить Уги Беги-ханум. Двадцатипятилетняя царица выглядела старше своего возраста: была бледна, под глазами темные мешки, из-за высокой температуры потрескались губы, между бровями залегли две глубокие морщины, в глазах затаилась жгучая скорбь, ослабевшие руки, лежавшие поверх одеяла, слегка подрагивали. При виде больной жены у Улугбека зашемило сердце. Он присел на край постели и положил руку на ее исхудавшее запястье с набухшими синими венами.

– Исцеление в руках Аллаха, Ханум, – сказал он и добавил: – Лекарши говорят, что ваша болезнь излечима.

Уги Беги-ханум слабо улыбнулась:

– Дело лекарей обычно утешать...

– Почему вы так говорите? Человек всегда должен жить надеждой. Эта болезнь излечима, Ханум. Подумайте о нашей девочке Хабибе Султан.

Женщина, словно пытаясь заглушить рвущийся из глубины сердца вздох, крепко сдавила грудь руками. В глазах сверкнули слезы. Она нерешительно погладила руку правителя. Мирзо Улугбек, чтобы приободрить царицу, стал рассказывать ей о строящейся мечети, об интересных случаях, свидетелем которых он был, об услышанном из уст других. Уги Бегим-ханум слушала его заворуженно. Только под вечер Улугбек собрался уходить. Царица заговорила с надеждой:

– В душе появилось удивительное спокойствие, вы правы, мой господин. Наверное, действительно моя болезнь излечима... А потом, я обязана думать о Хабибе Султан...

На следующий день состояние царицы резко ухудшилось. Спустя два дня она скончалась.

Когда стали засыпать ее могилу, Улугбек вдруг вспомнил о предсказании Мухаммеда Ардистони. «Первое предсказание сбылось, но что послужило причиной его исполнения? Среда ли, связь событий, или же непосредственное, прямое, участие людей? Неужели мавляна прав? Что теперь будет со вторым предсказанием?»

Сердце его заледенело. Один из амиров, увидев, как правитель побледнел, взял его под руку.

* * *

Уги Беги-ханум была в жизни Улугбека первой женщиной. Его дед Сахибкиран Амир Темур после своих сирийского и турецкого походов сыграл большую свадьбу в Канигиле, женив своих внуков Ийджала, Сайди Ахмеда, Пирмухаммада и Бойкаро. И тут же сосватал одиннадцатилетних внуков Улугбека и Ибрагим Султана. Улугбек помнил, как, еще будучи принцем, он увидел худенькую девочку лет семи с выпавшими передними зубами, торчащими косичками и еле удержался от смеха. Он вспомнил, как брат Ибрагим Султан дернул его тогда за рукав и сказал:

– Наши невесты такие некрасивые! Посмотрите, брат, у моей нет зубов.

– У нас тоже в семь лет зубы выпадали, разве не помнишь? – ответил тогда ему Улугбек.

– У девочек тоже выпадают зубы? – удивился Ибрагим.

Улугбек, не сдержавшись, расхохотался.

...С тех пор прошло около шести лет, и Улугбек женился на той девчужке по имени Уги Беги-ханум. В день свадьбы, поднимаясь по мраморной лестнице дворца, воздвигнутого в честь невесты, ему вспомнились слова Ибрагима Султана, сказанные когда-то в Канигиле: «Наши невесты такие некрасивые. К тому же беззубые...» И улыбнулся.

Улугбек вошел в небольшую комнату, отведенную для брачной ночи. Приближаясь к невесте, стоящей за белоснежной шелковой занавесью, он вдруг почувствовал гулкое биение своего сердца. Он понимал, что время, конечно, изменило его невесту, но в его памяти она оставалась хрупкой беззубой девчужкой.

Он вспомнил, как невеста тогда откинула с лица прозрачную белую бурка. Перед ним оказалась стройная, приятная, миндалеокая девушка, на кругленьком личике которой играл нежный румянец. Невеста, заметив растерянность жениха, незаметно улыбнувшись, отвела голову в сторону. Улугбек взял ее за запястье:

– Не прячьте свое личико, – торопливо произнес он. – Не лишайте вашего слугу своей улыбки!

Невеста смущенно опустила голову и еле слышно прошептала:

– Почему Вы себя называете слугой, мой господин?

– Если умоляю одарить меня всего-навсего одной улыбкой, то кто же я, как не слуга?

Уги Беги удивленно глянула на него широко раскрытыми глазами:

– Почему вам так нужна моя улыбка?

Не зная, что ответить, Улугбек немного растерялся, потом, вздохнув, выпалил:

– Я... хочу видеть ваши зубы.

Услышав это странное желание, Уги Беги громко рассмеялась. Улугбек увидел ровные, белоснежные, как жемчуг, зубы в два ряда и почувствовал облегчение.

* * *

Уги Беги в шесть лет потеряла отца и осиротела. Она была внучкой Джахангира Мирзы, старшего сына Амира Темура. Наверное, поэтому Сахибкиран посчитал, что она достойна Улугбека, тогда еще маленького Мухаммеда Тарагая, и решил связать их брачными узами. Может быть, он этим своим решением хотел излечить свою душевную рану, нанесенную смертью совсем молодых сына Джахангира Мирзы и внука Мухаммеда Султана – отца Уги Беги. Он, видимо, беспокоился о том, чтобы Уги Беги не обидели, когда она, повзрослев и выйдя замуж, попадет в чужую семью. Кто знает? Только Творец и сам Сахибкиран знают, что было у него на душе.

Во всяком случае, первые теплые чувства, которые пережил Улугбек, были связаны именно с этой женщиной. И первое отцовское чувство ему подарила именно она – Уги Беги. А теперь его девочка осиротела, осталась без матери.

Улугбек утонул в этих грустных воспоминаниях.

* * *

– Чем вы так опечалены, мой господин? – Ак Султан Хан-ага стала гладить своими нежными белыми руками плечи Улугбека.

Он поднял голову и повернулся к ней. Царица в белоснежном шелковом

платье, поверх которого был надет парчовый халат – мунсаг, в платке, расшитом серебряными нитями, с серьгами с крупными бриллиантами была подобна полной луне, озаряющей своим светом темную ночь.

– Как же мне не быть опечаленным, моя красавица?! – вздохнул правитель. – Говорят, что жизнь человека подобна росе на листке. Блеснет и вмиг исчезнет.

– А раз так, какой смысл печалиться? – царица кокетливо улыбнулась. – Или Уги Беги была так любима вами?

– Моя госпожа, ведь Хабиба Султан, моя дочь, осталась сиротой!

– Это совсем не горе. Дочь Уги Беги при Гавхаршодбегим. Она и не почувствует отсутствия матери.

От этих жестоких слов жены Мирзо Улугбек на мгновение потерял дар речи. Ак Султан Хан-ага, приподняв красивые брови вразлет, кокетливо отвернулась и сказала обиженно:

– Вы называете меня своей красавицей, а сами страдаете по моей сопернице!

– Я переживаю, что мать ушла безвременно из жизни, и горюю оттого, что осиротел ребенок. О каком соперничестве может быть речь, ханум? – раздраженно возразил ей Улугбек.

– Я недовольна тем, что вы печалитесь о какой-то женщине, которую я – ваша царица – терпеть не могла, – Ак Султан жеманно отвернулась от него.

Она замолчала в ожидании, что он, как всегда, обнимет ее и скажет ласковое слово. Потому что раньше, если между ними происходила размолвка, Ак Султан резко отворачивалась, а Мирзо Улугбек, рассмеявшись, начинал ласкать ее. Царица же делала вид, что очень обижена, и лишь через некоторое время, словно уступив, улыбалась, и они мирились.

Но на этот раз на правителя не подействовали ни обида царицы, ни ее жеманство, ни кокетство. И это ее сильно разозлило.

Из-за этого разговора у Улугбека неприятно шемило сердце. То, что Ак Султан Хан-ага, его любимая жена, Дочь Хана, так нагло и бессовестно, так жестоко выговаривала ему, не скрывая своей радости по поводу смерти соперницы, Улугбек простить не мог. Он резко поднялся и вышел, открыв пинком дверь.

В тот день, чтобы как-то успокоиться, он долго бродил по аллеям сада, разбитого в Кок-сарае.

...Мирзо Улугбек при первой же встрече был очарован красотой Ак Султан Хан-аги. Эта белолицая девушка своими изогнутыми бровями, черными раскосыми глазами, густыми волосами, струящимися, подобно водопаду, по плечам, напоминала сказочных пэри. Она отличалась от них только тем, что под ногами у нее не распускались цветы, из ее уст, когда говорила, не сыпались яхонты, и она не спустилась с мифических гор Кухикафа, а была всегонавсего дочкой монгола Султана Махмудхана, которого Сахибкиран Амир Темур когда-то наградил титулом хана.

Женившись на этой девушке, Улугбек получил звание «кураган», титул, подчеркивающий его родство с чингизидами. Придворные стали величать царицу Дочь Хана. У Ак Султан не было причин и повода не любить Уги Беги, потому что Улугбек после женитьбы на Ак Султан месяцами не вспоминал про Уги Беги!

И теперь, думая об этом, Улугбек чувствовал себя виноватым: ослепленный любовью к Ак Султан, он не оказывал почтения и уважения несчастной женщине. Она, его первая жена, жила, месяцами не видя его ласки, даже не претендуя на его любовь и благосклонность, он же не замечал у себя под

ногами эту смиренную любовь...

...Хоть Мирзо Улугбек и осознавал, что больше не может оставаться с любимой женщиной, из головы не выходили слова мавляны Ардистони: «Если только сам кураган не станет причиной, то второе предсказание может и не сбыться...»

Первое предсказание сбылось. А исполнение второго предсказания зависит от него. Но, увы, для того чтобы второе предсказание не стало явью, нужно терпеть упреки царицы, забыть ее бестактные, злые слова! А способен ли на такое Мирзо Улугбек?

...С наступлением вечера тепло весеннего дня сменилось прохладой. Правитель принял решение. Нет, только опасаясь того, что сбудется предсказание, проявлять не свойственную его характеру нерешительность недостойно!

Вернувшись во дворец, он вызвал шайхулислама¹ Исамиддина и кази-каляна² Хаджи Мискина, приняв окончательное решение. Но, когда он начал говорить, у него неожиданно пропал голос. Шайхулислам и казий, пытаясь узнать причину срочного вызова, ждали, не отрывая взгляда от правителя.

– Я пригласил вас, защитников шариата, – наконец сказал Улугбек, стараясь подавить дрожь, охватившую его, – для того чтобы уведомить о моем намерении удалить из гарема мою законную жену – дочь монгольского хана Султана Мухаммеда Ак Султан Хан-агу, и по этому поводу я прошу у вас фетву.

Служители шариата молча ждали от правителя разъяснения его решения. Но Мирзо Улугбек коротко сказал:

– Я уверен, что мое решение окончательное.

Наконец, заговорил кази-калян Хаджа Мискин:

– Властелин может объяснить, что послужило причиной такого решения? Если мы узнаем причину, может быть, найдется возможность разрешить это разногласие и не будет необходимости в талаке?

– Разрешение разногласия невозможно, господа, – сказал Улугбек решительно. – Я настаиваю на талаке с Ак Султан Хан-агой.

– Султаны – это тени Аллаха на земле. А значит, их желание должно исполняться! – сказал шайхулислам.

Вместе с вырвавшимся из груди вздохом у Улугбека мелькнула мысль: «Вот, мавляна оказался прав, в этом случае причиной стал я сам...».

* * *

Эту девушку Мирзо Улугбек впервые увидел при Ак Султан Хан-аге и чуть не рассмеялся. У пухленькой среднего роста девушки была детская улыбка, по-детски чистые зеленоватые глаза, непослушные кудрявые волосы, задорные косички, как у малолетней крошки. Словом, от всего ее вида веяло искренним дыханием юности.

Он вспомнил, как, когда он вошел, девушка засуетилась и, забыв, что правителю нужно кланяться, она лишь сказала:

– Ассаляму алейкум!

– Ваалейкум ас-салям! – ответил тогда на ее приветствие Улугбек.

Девушка покраснела от смущения.

– Как тебя зовут? – спросил Мирзо Улугбек, улыбаясь.

¹ Глава духовенства.

² Верховный судья.

– Меня зовут Рукия, – ответила она дрожащим голосом.

– И кто тебя нарек таким красивым именем?

Девушка простодушно пожала плечами. Улугбек рассмеялся.

– Я новая личная каниза Ак Султан Хан-аги, – поспешно доложила Рукия.

– Да?! Хорошо, – сказал правитель и, усмехаясь, ушел в опочивальню...

Мирзо Улугбек и потом много раз встречал Рукию. Девушка при виде его краснела и опускала глаза. Это Улугбек воспринимал как невинный поступок озорного ребенка и улыбался. Порой он пытался заговаривать с ней, но служанка, коротко отвечая на его вопросы, торопилась убежать. Улугбек не обращал на это особого внимания и, улыбаясь, подумывал: «До чего же эта девочка стеснительна, она все еще дитя».

На следующий день после того, как он объявил шайхулисламу и кази-калянну о своем разводе, Улугбек встретил в гареме Рукию. Девушка, повязав ярко-красной косынкой свои непослушные локоны, шла с опущенной головой, держа в руках маленькую шкатулку.

Сердце Улугбека было погружено во мрак, но при виде этой простенькой девочки, он вдруг почувствовал в душе какое-то просветление и, хотя не улышал приветствия, произнес:

– Ваалейкум ас-салям.

Рукия вздрогнула и, не поднимая головы, поспешно поклонилась.

Мирзо Улугбек рассмеялся:

– А, Рукия, вы что, проглотили приветствие, а?!

И вдруг обратил внимание на ее припухшие, покрасневшие глаза.

– Что случилось, девочка? Кто заставил тебя плакать?

– Мой повелитель, я тоже с Ак Султан Хан-агой уйду из гарема? – спросила девочка. – Ведь я ее служанка!

– А ты не хочешь уходить? – удивился Улугбек.

– Не хочу!

– Почему?

Девочка, словно перед казнью, плотно зажмурил глаза, выпалила:

– Если я уйду, то больше не смогу вас видеть! – и убежала.

* * *

«Я-то думал, отчего эта девочка Рукия такая стеснительная, оказывается, есть причина! – подумал Мирзо Улугбек. – Эх, девочка! Простодушная девчушка, влюбленная в Улугбека... В этом мире легко быть любимым, но влюбленным быть нелегко...»

Мирзо Улугбеку показалось, что время тянется бесконечно, рассвет наступает с трудом. Удивительно, и чужая любовь, оказывается, может лишить сна! Чье-то признание способно встревожить даже невлюбленное сердце... Наивная девочка не могла и предположить, что ее обычные слова так повлияли на намерения Мирзы Улугбека. Он решил не поддаваться предсказаниям ясновидца мавляны Ардистони. Нет, пока в мире есть влюбленная в него девушка, правитель не останется одиноким!

Утром придворным было объявлено решение властелина: «Правитель Мавераннахра и Туркестана Мухаммед Тарагай ибн Шахрух Улугбек Мирзо выражает желание взять благословенным бракосочетанием в жены канизу Рукию! В связи с этим теперь она нарекается именем Милостивая Рукия Султан Хатун!»

Через неделю из Герата прибыл гонец. Мать Улугбека Гавхаршодбегим писала: «Не страдайте из-за Ак Султан Хан-аги. Рукия Султан Хатун, которую Вы выбрали по своему желанию, принимается нами как Ваша законная жена, и мы поздравляем Вас с супругой. Но, так как для Мавераннахра необходима царица из рода Темуридов, мы посчитали достойной дочь Халила Султана Мирзы Хусн Нигяр Хан-агу. Ваш достопочтенный отец, Его превосходительство хакан Саид Шахрух Мирзо намерен сыграть свадьбу в Герате и велит Вам прибыть в Хорасан до двадцать третьего числа месяца зулькаада ».

Прочитав письмо, Мирзо Улугбек рассмеялся: «Нет, ясновидец мавляна, ваше предсказание не сбылось. Царю не дают оставаться одиноким».

* * *

Солнце едва поднималось, а Самарканд уже утопал в звуках карнаев и сурнаев. Народ шел в сторону холма Кухак. Ароматы, источаемые более чем тридцатью огромными казанами, оповещали о доселе невиданном торжестве. Дастарханы вокруг холма покрыты белыми скатертями, придворные с блюдами в руках бегают между рядами, обслуживают гостей, веселятся толпы собравшихся людей. Виновницей праздничного торжества была чудесная обсерватория, созданная Мирзо Улугбеком. Народ давно привык к созидательной деятельности своего правителя, каждое новое строительство в этом великом государстве было обычным явлением, и люди не очень-то удивлялись, видя, как строители и мастера копошатся то там, то здесь. Но обсерватория – особое событие. Люди толпами приходили смотреть на еще не заверщенное сооружение. Причиной того, что народ шел на это благотворительное пиршество, было любопытство, желание увидеть своими глазами уникальное здание во всем его величии.

Поднявшись на третий ярус, Мирзо Улугбек огляделся. Люди толпами стекались к холму. Сердце его переполнилось гордостью: его старания дают плоды. Эта обсерватория вскоре станет обителью невиданных свершений и открытий!

– Алауддин Али, – сказал он. – За зданием обсерватории я велю разбить большой сад. И тогда человеку, стоящему здесь и любующемуся садом, будет казаться, он плывет по огромному зеленому океану! Что скажешь?!

– Учитель, надеюсь, сад и обсерватория будут в полной гармонии.

– Ты хочешь еще что-то сказать?

– Да.

– Говори!

– Учитель, я кое-что услышал о Вашем подданном мавляне Ардистони. Он якобы впредь отказался заниматься песочным гаданием!

– Почему?

– Не знаю.

– Выходит, мавляна сегодня вечером не явится в обсерваторию... – произнес Улугбек задумчиво. – Я хотел с ним побеседовать еще раз. Жаль!

* * *

Мирзо Улугбек из-за предсказаний мавляны Мухаммеда Ардистони стал часто рассуждать о сущности человеческой жизни, о законах развития общества и даже решил написать трактат об этом. Он размышлял о роли общества

в судьбе человека, о том, каким образом различные жизненные ситуации могут сказываться на судьбах людей, каким образом воля человека влияет на его участь, да и вообще – на судьбу общества. Он искал ответа на эти вопросы и никак не мог отвлечься от мысли, появившейся у него в связи с высказыванием Али Кушчи о том, что песочное учение невозможно научно объяснить. А почему невозможно? Ведь то, что мавляна Ардистони предсказал пять лет тому назад, да и последующие события, разве невозможно логически обосновать?

Первое предсказание мавляны оправдалось. Второе предсказание исполнилось при непосредственном участии самого Улугбека. Но исполниться еще одному предсказанию он сам не позволил. Вот, слава Творцу, Рукия Султан Хатун родила ему двух дочерей, Хусн Нигяр Хан-ага возвеличивает достоинство Улугбека. Растут его сыновья Абдулло Мирзо и Абдурахмон Мирзо, вселяя в сердце надежду. Недавно появился еще один сын. Его нарекли именем Абдуллатиф. Разве все это не доказывает, что человек не бессилен перед судьбой? Нет, Аллах не случайно наделил человека разумом, властью и могуществом!

* * *

Мавляна Мухаммад Ардистони отрекся от гадания, объясняя тем, что постарел. Но истинная причина была в тайниках его души.

Когда исполнились оба предсказания, мавляна решил еще раз тайно от других погадать на судьбу самого Улугбека. И... О, ужас!

Мавляна увидел: любимый сын Улугбека станет причиной упреков и порицаний, другой его сын станет поэтом и... казнит собственного отца!!! И через пятнадцать лет после смерти отцеубийцы род Мирзо Улугбека совсем исчезнет!

Четки выпали из рук мавляны. Он опустился на колени, склонив голову в молитве, и произнес, обливаясь слезами:

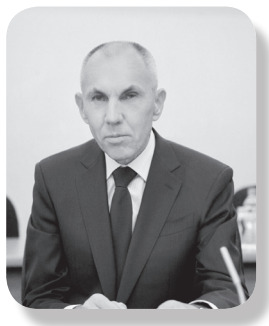
– О Великий Творец, пощади его!

Перевод Надиры РАШИДОВОЙ.

Надира РАШИДОВА

Член Союза писателей Узбекистана, переводчик, преподаватель, редактор. Окончила РПИРЯиЛ.

Юрий ФЛЫГИН

ТАШКЕНТСКИЙ ГУБЕРНАТОР

Летом 1867 года в Петербурге проходила этнографическая выставка. Одним из наиболее популярных её отделов был Туркестанский. Он вызвал большой интерес, потому что в связи с начавшимся продвижением России в Среднюю Азию о Туркестане много писали в газетах, говорили в салонах, в военных и купеческих кругах.

Среди посетителей выставки особой дотошностью при её осмотре отличался один крупный военный чин, генерал-лейтенант. Он с явным интересом рассматривал ковры, яркие сюзане, образцы оружия, одежды. Это был Константин Петрович фон Кауфман, только что получивший назначение на должность генерал-губернатора новых российских владений в Средней Азии – Туркестанском крае.

Кауфман, русский немец, со всей основательностью подошёл к своему новому назначению. Ещё будучи в Петербурге, он хотел предварительно как можно подробнее ознакомиться с регионом своей будущей службы. Именно желание узнать о Туркестане как можно больше привело его на этнографическую выставку.

Достоверной информации о Средней Азии тогда было немного, зато изобиловали всякие слухи, подчас самые вздорные. Из книг о Средней Азии в распоряжении Кауфмана оказалась всего одна – «Путешествие в Бухару» Арминия Вамбери. Эта книга о недавней поездке венгерского путешественника-востоковеда под видом турецкого дервиша по Средней Азии как раз была опубликована незадолго до назначения Кауфмана (1863 г.).

7 ноября 1867 года Кауфман прибыл в Ташкент, центр Туркестанского генерал-губернаторства. Русская часть города только начинала формироваться. Кругом была неустроенность, быт первых русских чиновников и военных был буквально бивуачный. Обстановка за пределами города была тревожной; отношения с соседними феодальными правителями были нестабильны.

К. П. фон Кауфман родился в 1818 году, к моменту назначения на должность генерал-губернатора ему было 49 лет. У него уже был достаточно

Юрий ФЛЫГИН. Родился в 1950 г. в Ташкенте. Окончил исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Историк, публицист, общественный деятель. Автор многочисленных научных, научно-популярных статей и книг, преимущественно по проблематике российско-среднеазиатских связей.

яркий послужной список: он проявил себя лучшим образом в Крымскую войну, был одним из сподвижников военного министра Д. А. Милютина в деле реформирования армии в начале Великих реформ Александра II, показал себя опытным администратором в период недолгого генерал-губернаторства в Северо-Западном крае.

Но именно его 15-летнее генерал-губернаторство в Туркестане стало главным делом его жизни. Широкий кругозор, организаторские способности, предусмотрительность позволили ему проявить себя гораздо масштабнее, нежели это удавалось большинству других администраторов его уровня.

Конечно, личность Кауфмана не лишена противоречий и, очевидно, ей трудно дать однозначную оценку. Но, думается, что жителям Узбекистана, да и других стран Средней Азии в попытках объективно оценить итоги деятельности Кауфмана невозможно проигнорировать тот факт, что ещё при жизни он получил своего рода почетный титул – Устроитель Туркестанского края.

В феврале 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения К. П. фон Кауфмана. Юбилейная дата – повод вспомнить, за какие дела и деяния он удостоился столь почетного титула?

Кауфман сочетал в себе хорошие организаторские, дипломатические и военные таланты. Как раз такой человек был нужен в регионе, отличавшемся сложной и противоречивой ситуацией. При своем назначении генерал-лейтенант К. П. Кауфман получил широкие полномочия, вплоть до права начинать боевые действия и заключать мир, вступать во внешнеполитические контакты. Давая такие полномочия, император наверняка учитывал благоразумие и осторожность Кауфмана.

Императорская грамота в золотом переплете, прошнурованная толстыми золотыми шнурками, пропущенными сквозь массивный серебряный вызолоченный ковчежец, залитый красным воском с вытесненной большой государственной печатью, с большими золотыми кистями, прикрепленными к концам шнурков, с текстом, написанным золотом в рамке из гербов всех губерний и областей Российской империи, с красивой подписью императора, производила огромное впечатление на каждого, вызывала благоговение и почтение к её обладателю. Кауфман, несомненно, это понимал и не отказывал себе в удовольствии иногда показывать её местным владельцам и важным иностранным гостям.

Говоря о заслугах К. П. фон Кауфмана, нельзя не поставить на одно из первых мест в их ряду его инициативы по части географического исследования Средней Азии. Начальник края был ещё в дороге, к месту назначения он поехал по окольному пути с целью познакомиться и с соседними администраторами, и с далёкими окраинами вверенной ему территории, а в Ташкенте его уже ждало письмо Г. Е. Шуровского, руководителя Общества любителей естествознания при Московском университете. Тот писал, что возглавляемому им Обществу «хорошо известна благосклонная готовность... оказывать просвещённое покровительство интересам науки... поэтому Совет Общества смело решается представить на благоусмотрение... просьбу помочь Обществу в изучении области, вверенной» Кауфману.

Кауфман прекрасно понимал, что управление вновь присоединенными землями невозможно без их тщательного изучения. В ответ он написал, что принимает «с большим удовольствием услуги, предлагаемые Обществом».

Получив письмо Кауфмана, Общество любителей естествознания «после строгого предварительного обсуждения» выбрало для командировки в Туркестан молодого энергичного исследователя А. П. Федченко.

К. П. Кауфман оказал ему максимальную материальную и организационную помощь. Такую же поддержку с его стороны получили экспедиции Н. А. Северцова, А. Ф. Миддендорфа.

Фергано-Памирская экспедиция под руководством Северцова собрала исключительно большую информацию о ранее неизвестном регионе. Именно Северцов первым выделил Памир в особую горную систему и разносторонне охарактеризовал его. До Северцова, пожалуй, единственным источником информации о Памире оставались воспоминания Марко Поло, который в годы своих странствий посетил и Памир, поразивший его своим суровым климатом и безлюдьем.

Марко Поло писал, что на Памире «нет ни жилья, ни травы, еду нужно нести с собой. От великого холода и огонь не так светел и не того цвета, как в других местах, и пища не так хорошо варится». Кроме Марко Поло, до Северцова первые сведения о загадочной «Крыше мира» были получены в ходе экспедиций супругов Федченко, но только о северных отрогах Памира.

Кауфман не только материально поддерживал различные экспедиции, но и заботился об издании материалов этих экспедиций. А в связи со смертью Федченко и Северцова хлопотал о назначении их вдовам пенсии.

Для исследования края, изучения его природы, картографирования Кауфман способствовал организации в Ташкенте метеорологических станций, топографического отдела, обсерватории.

Почти сразу же по прибытии в Туркестан К. П. Кауфман занялся вопросами народного образования. Он, в частности, предполагал открыть школы грамотности во всех поселениях с русским населением, привлечь общество к участию в делах развития школ, ввести в школах обучение ремеслам, сделать школы доступными и для детей из мусульманского населения, по возможности распространить образование среди женщин.

Кауфман справедливо полагал, что для успешного налаживания в крае школьного образования на европейских принципах необходимо учреждение специального ведомства, а также создание учебного заведения по подготовке учителей для начальных школ. По этим вопросам Кауфман консультировался с известным казанским специалистом по организации школьного дела среди нерусских народов, крупным арабистом Н. И. Ильминским. Он даже специально выехал в Казань для встречи с ним.

С 1 января 1876 года в Ташкенте стало функционировать Управление учебными заведениями. В 1879 году открылась Учительская семинария. Поначалу центральные власти предлагали отложить организацию семинарии, ссылаясь на нехватку средств, начавшуюся русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Но настойчивое ходатайство Кауфмана об учительской семинарии в Ташкенте вынудило императора и военного министра рассматривать этот вопрос в Дунайской ставке, отвлекаясь от решения стратегических задач.

Традиция первостепенного внимания к делам народного образования была после Кауфмана продолжена последующими генерал-губернаторами. Благодаря этому Туркестанский край к началу Первой мировой войны был одним из самых благополучных регионов Российской империи по охвату

детей школьного возраста начальным образованием, а Ташкент был практически первым крупным городом, в котором была решена задача всеобщего начального образования (среди европейского населения). В 1912 году в Сырдарьинской области, центром которой был Ташкент, 95 процентов детей школьного возраста обучались в начальных школах. Таких результатов не было ни в одной губернии европейской России.

Кауфман уделял большое внимание и образованию среди коренного населения. Правда, это дело усложнялось тем обстоятельством, что в мусульманских странах образование традиционно носило конфессиональный характер. Но постепенно оформился тип образовательного заведения, приемлемого для местного населения, получивший название русско-туземной школы. Такие заведения сочетали принципы традиционной мусульманской и русской школы. В них изучались родной и русский языки, арифметика, основы исламского вероучения. Со временем они стали довольно популярными среди местного населения. Правда, первые такие школы были организованы уже после смерти их инициатора.

Первые попытки наладить архивное дело в Средней Азии также связаны с именем Кауфмана. Сознавая, что хранение документов в разных ведомствах не гарантирует их сохранности и затрудняет возможность работать с ними исследователям, не позволяет систематизировать документы, в октябре 1873 года Кауфман дал указания для постройки специального здания центрального архива.

В 1870 году по инициативе К. П. Кауфмана в Ташкенте началось издание первых газет в Средней Азии – «Туркистон вилоятининг газети». Вторая выходила сначала на казахском языке, а несколько позже – на узбекском.

С именем К. П. Кауфмана самым непосредственным образом связано основание первой в Средней Азии общедоступной библиотеки. Идея о создании в Ташкенте библиотеки появилась у него летом 1867 года в Петербурге, как только он узнал о своем назначении. Причем сразу библиотека мыслилась им как хранилище в первую очередь туркестановедческой литературы.

Еще до своего отъезда к месту новой службы, Кауфман обратился в научные и образовательные учреждения Петербурга – академию наук, университет, Азиатский музей, Географическое общество, императорскую Публичную библиотеку с просьбой пожертвовать книги для будущей библиотеки. С подобной просьбой он обратился даже к своим знакомым. Было собрано довольно много книг. И когда в сентябре 1867 года Кауфман отправился в путь, то эти книги вместе с его багажом отправились через пустыни и степи в далекий Ташкент. И впоследствии он постоянно уделял внимание своему детищу – библиотеке, которая послужила предшественницей нынешней Национальной библиотеки Узбекистана, одного из крупнейших книжных собраний Центральной Азии.

Академик В. В. Бартольд, подчеркивал: «Постоянные заботы устроителя Туркестана К. П. Кауфмана о всестороннем изучении края выражались... [в том числе] в принятии мер к тому, чтобы Туркестан в меньшей степени, чем другие местности... страдал от недостатка книжных пособий».

Среди многочисленных раритетов библиотеки выделяется «Туркестанский сборник», почти шестьсот томов которого являются до сих пор одним из

ценнейших источников по истории, географии, этнографии, экономике и культуре Средней Азии. Своим появлением этот сборник обязан инициативе и поддержке К. П. Кауфмана.

В 1868 году Туркестанский генерал-губернатор предложил петербургскому библиографу В. И. Межову составить библиографию литературы о Средней Азии. Межов согласился, но справедливо заметил, что просто перечень литературы при ее отсутствии в Ташкенте и его отдаленности от тогдашних книжных центров империи не будет иметь практического значения. Он выждался составить сборник сочинений и статей, относящихся к Средней Азии.

В. И. Межов составил 416 томов «Туркестанского сборника». В последствии, в начале XX века, уже другими лицами предпринимались усилия по продолжению работы и количество томов выросло до 594. Кауфман очень дорожил «Туркестанским сборником» и ни под каким видом не разрешал выдавать его тома на дом кому бы то ни было. Н. П. Остроумов в своих воспоминаниях о Кауфмане рассказывал: «Однажды попросили выдать на дом один том сборника для кого-то из приезжих ученых. Кауфман отказал. Просивший заверял, что ручается своей головой за сохранность тома, но генерал оставался непоколебим и сказал: “Голову Вашу можно снять, а тома потерянные все-таки не восстановишь, какая же польза в том для библиотеки и для меня с Вами?”».

Еще одним раритетом нынешней Национальной библиотеки Узбекистана, своим созданием тоже обязанным Кауфману, является «Туркестанский альбом». Он был задуман, как гласил приказ генерал-губернатора, с целью охарактеризовать бытовую жизнь местного населения Туркестанского края.

Составление альбома было поручено ориенталисту А. Л. Куну, который сделал множество фотографий этнографического, археологического, исторического характера. «Туркестанский альбом» был подготовлен по распоряжению Кауфмана в 1871–1872 годы. В его четырех томах, изданных всего в нескольких экземплярах, содержится более 1200 фотографий, рисунков, портретов, чертежей. По отзыву Географического общества того времени, «альбом представляет... такой богатый материал, который никогда не был собран ни для какой части Российской истории, и все, кому дороги интересы... этнографии, должны питать полнейшую признательность к виновнику этого альбома, генералу Кауфману».

Созданием «Туркестанского сборника» и «Туркестанского альбома» К. П. Кауфман проявил завидную предусмотрительность, сохранив хотя бы в описаниях, фото, рисунках для последующих поколений многое из исторического культурного наследия народов Средней Азии, ныне, к сожалению, уже утраченного.

Предусмотрительность Кауфмана поразительно проявилась в приглашении в Туркестан художника. Еще будучи в Петербурге и готовясь к отъезду в Туркестан, он обратился в Академию художеств с просьбой порекомендовать живописца, который мог бы в рисунках и полотнах отобразить новый край, его природу, этнографические особенности, архитектурные памятники. Зачем? Кауфман понимал, что такие картины будут способствовать проявлению интереса к Туркестану, популяризировать новые владения.

Но, конечно, у него была еще одна цель: приглашенный художник должен был также показать действия русских войск, запечатлеть туркестанские батальоны для истории.

Профессор Академии Бейдеман порекомендовал своего бывшего ученика Василия Верещагина. Тот согласился и действительно создал великолепное туркестанское собрание картин, которое не имеет аналогов в мировой живописи. Хотя он и не совсем оправдал ожидания Кауфмана, однако тот способствовал организации первого показа картин художника в Петербурге.

Успех Туркестанской серии в России был огромным, что неоднократно отмечалось в художественных кругах.

В признание немалых заслуг на ниве научного изучения Средней Азии, К. П. Кауфман в 1870 году был избран почетным членом Московского университета, а в 1873 году – почетным академиком Петербургской академии наук. К заслугам Кауфмана следует отнести выработку принципов отношения власти к исламу, традиционной конфессии населения Средней Азии. Это было очень важно, ибо только при межконфессиональном согласии, уважительном отношении к вере коренного населения можно было обеспечить в регионе спокойствие и стабильность. Кауфман не заострял внимания на различии вероисповеданий, учитывая свое государственное положение, считая, что власть должна способствовать развитию края, распространению новых порядков и принципов в управлении, хозяйстве, образовании, но ни в коем случае не должна обострять межконфессиональные отношения. Кауфман категорически был против прозелитизма. Избегая вмешательства во внутреннюю жизнь мусульманской конфессии и избегая ее влияния на администрацию. Такие установки распространялись и на православную церковь.

Туркестан представлял существенный интерес для российской промышленности как источник хлопкового сырья. Однако до присоединения к России в крае не производилось хлопкового волокна в товарном количестве и должного качества. Местный хлопок отличался плохим качеством, низкой урожайностью.

Кауфман подошел очень основательно к развитию в крае хлопководства. Он командировал на два года в США двух специалистов-агрономов Бродовского и Самолевского, снабдив их денежными средствами. Они изучили процесс выращивания хлопка, ознакомились с соответствующим инструментарием, привезли семена американских сортов. По указанию Кауфмана под Ташкентом была устроена опытная хлопковая станция. Семена новых сортов раздавались бесплатно всем желающим. Это способствовало быстрому росту производства хлопка в регионе. Но действительно огромный рывок в этом деле был сделан тогда, когда селекционеры вывели на основе скрещивания американских и местных сортов новые районированные сорта хлопка, приспособленные к жизни в среднеазиатских условиях и сочетавшие высокую урожайность и хорошее качество.

Большое внимание уделял Кауфман развитию в Туркестане шелководства. Хотя оно было известно в крае испокон веков, но тормозилось отсутствием сортировки и поступлением в производство зараженной грены. По инициативе Кауфмана была устроена в Ташкенте школа шелководства, напоминанием о которой служит до сих пор сохранившийся городской топоним – Шелковичная улица, хотя она давно уже называется иначе. Были устроены также гренажные станции, где гrena сортировалась на предмет изъятия зараженной.

Покровительствовал Кауфман также виноградарству и развитию качественного виноделия. Распространение новых разновидностей овощей,

ягодных культур, пчеловодства, садоводства – это все не было обойдено вниманием Константина Петровича.

Заботясь о хозяйственном развитии края, Кауфман обратил внимание на проблему сыпучих песков в Ферганской долине. Это был воистину бич для местных дехкан. Причиной движения песков было бесконтрольное уничтожение населением древесных насаждений и камышовых зарослей. С поразительной скоростью пески засыпали поля, сады, целые кишлаки, вынуждая земледельцев покидать обжитые селения и искать пристанища в других местах. Для долины, всегда отличавшейся перенаселённостью и нехваткой сельскохозяйственных угодий, это было большой трагедией.

Была создана специальная комиссия, разработан комплекс мер по охране лесов и тугаёв (зарослей кустарников и камыша). Кауфман в печатных листовках на узбекском языке лично обратился к местному населению, предлагая в том числе альтернативные способы удовлетворения потребностей в топливе и меры по восстановлению лесонасаждений.

К. П. Кауфман явился инициатором учреждения в Ташкенте городского самоуправления. В России оно стало утверждаться после принятия 16 июня 1870 года «Городового Положения». Но поначалу на Ташкент оно не распространялось. Предвидя широкое развитие Ташкента как административного, хозяйственного и культурного центра Средней Азии, Кауфман решил дать столице края право самоуправления и 7 августа 1877 года ввел своим решением действие «Городового Положения» в Ташкенте. В городе на выборных началах создавался представительный орган власти – Городская дума, которая формировала исполнительный орган – Городскую управу. Значительная часть гласных (то есть депутатов) были из коренного населения.

Деятельность городского самоуправления способствовала развитию инициативности и ответственности его жителей, в конечном итоге была шагом к формированию гражданского общества. На одном из своих заседаний гласные Городской думы избрали Константина Петровича фон Кауфмана первым почетным гражданином Ташкента.

Инициативы Кауфмана охватывали практически все стороны жизни Туркестанского края. Кауфман, конечно, не был застрахован от ошибок, не все его начинания, в частности, в хозяйственной сфере, оказались эффективными. Но он был искренне заинтересован в развитии края, многое было полезно, а кое-что сохранило свою ценность и востребованность до наших дней и заслуживает признательности.

РОМАНТИКА ОБЫДЕННОСТИ

Эссе

Владимир КАРАСЁВ

*...Преподнося сюрприз
суммой своих углов,
вещь выпадает из
миропорядка слов.
Вещь не стоит. И не
движется. Это – бред.
Вещь есть пространство, вне
коего вещи нет.*

Иосиф Бродский

Первый этюд

Могу с полной уверенностью утверждать, что сегодня на небосводе живописного пространства Узбекистана появилась новая яркая звёздочка, которая активно заявила о приверженности академическому типу творческого осмысления мира. Ташкентская художница Эвелина Григорьянц в узких кругах художников уже начинает признаваться мастером натюрморта.

Эвелина окончила РХУ им. П. Бенькова (преподаватель Петрова И. А.). Хотя она сама считает, что основам живописного творчества обязана Армену Миносянцу. Блестяще защитила дипломную работу в Институте живописи и дизайна им. К. Бехзада (преподаватель Рахметов С.).

...Обращаясь к разнообразным жанрам, Э. Григорьянц в своих творческих поисках не оставляла излюбленную натюрмортную живопись, считая ее основой своего творчества. Размышляя над проблемами света и тени, контраста, соотношения образа, формы и содержания, она изучала и разрабатывала традиции классиков. К. С. Малевич справедливо отмечал: «...Давая ту или иную освещаемость объемной форме, постоянно видишь, что свет и тень здесь присутствуют в какой-то зависимости друг от друга. Причем их зависимость иная, чем при восприятии мира объектов. Свет и тень становятся не элементами света в картине, а теми средствами, которые открывают нам другую природу ощущения мира вне световых качеств». Именно такое отношение к светотени характерно для полотен Григорьянц.

Владимир КАРАСЁВ. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

Натюрморты молодой художницы смело можно поставить в один ряд с работами в этом жанре таких признанных мэтров узбекистанской живописи, как Е. П. Мельников и В. М. Лысов. Такая же ответственная работа над композицией, стилевыми особенностями языка изображения в зависимости от воспроизводимых форм, светотенью, передающими настроение художницы.

В последнее время в натюрмортах Эвелины Григорьянц очевидны новые акценты. Письмо её отходит от гиперреализма в сторону неких условностей. А это порождает иные эффекты восприятия. Хотя классическая школа продолжает доминировать и тут. Всмотритесь внимательней в произведения «Завтрак холостяка» (2018 г.) и «Аннотации» (2018 г.)!

Иногда в её картинах являются взору предметы, совершенно не связанные между собой. Будь то старинный фолиант с раковиной, бутылочки и графинчики, бронзовые и керамические кувшинчики, балетная туфелька... Но каждый предмет несет определенную смысловую нагрузку.

Второй этюд

...Старая брошенная вещь очень поэтична. У Набокова об этом много написано. Перчатки, забытые в траве, как говорит Рустам Хамдамов, это уже Картина! Казалось бы, бытовой момент – белая балетная туфелька. Однако это целый мир эмоций, в котором есть ощущение сюрреализма в духе де Кирико, который говорил: «То, что я слышу, – ничего не значит. Существует только то, что я вижу своими глазами. И даже более – то, что я вижу с закрытыми глазами».

Натюрморты Григорьянц можно сравнить с тихими задушевными напевами, в которых слышится нечто родное и понятное. Но классический реализм работ Эвелины – это не возвращение в прошлое. Время, конечно, странная вещь. Когда в нём живёшь, не ошушаешь его как стиль. Потом оно проходит, и ты явно чувствуешь. Окунуться в прошлую жизнь вещи, предмета, всегда захватывающе, пьянит, как глоток свежего воздуха.

Во многих картинах Григорьянц присутствует эта лёгкая воздушность, свежесть и чистота. На первой персональной выставке представлено около тридцати работ Эвелины Григорьянц. Здесь нет заимствований, повторений, художница ищет в окружающих её обыденных вещах смыслы и знаки, краски, настроения, удачно передавая их зрителю, который видит в элементарных и знакомых предметах нечто возвышенное и как бы необходимое. Именно в этом прелесть романтического символизма, прочно обосновавшегося у нас в Узбекистане начиная с двадцатых годов прошлого столетия. «Аналитический взгляд способен вычленить абстракцию из любого объекта окружающей действительности. Измы, выделенные, например, Малевичем в его версии истории изобразительных искусств, занимались последовательным разложением пейзажей, натюрмортов и портретов на цвета и формы. Но совершить эту процедуру возможно лишь тогда, когда правильно воспринимаешь субстанцию. Поэтому, перед тем как все усложнять умозрительными идеями, необходимо как следует насладиться красотой природы, предмета, цивилизации и людей».

Пусть это только кажется кому-то, что Григорьянц входит в сферу «большого» искусства лёгкой и непринуждённой походкой. На самом деле это далеко не так. Только труд, повседневный, порой изнуряющий, не требующий сиюминутного признания, может, и создаёт в её работах эстетическое сопереживание...

Молодую художницу можно поздравить с удачно выбранным направлением в творчестве и пожелать новых открытий на этом нелёгком пути!

«РУБАИ» БОРИСА ГИЕНКО В ФОРТЕПИАННОЙ МУЗЫКЕ УЗБЕКИСТАНА

Феруза МУХАМЕДОВА

В фортепианном творчестве Б. Гиенко особое место занимают 12 концертных миниатюр под общим названием «Рубаи» (1974 г.). Парадоксально то, что сам композитор не считал «Рубаи» циклом, но, анализируя эти пьесы, Н. Кадырова отмечает, что «они объединены общим замыслом, иногда интонационно сходной основой, секундо-терцовым конструктивным интервальным комплексом, определенно организованным тональным планом (по восходящей секундовой цепочке)» (Камерно-инструментальная музыка//История узбекской советской музыки. Том III. 1968–1984. Т., 1990, с. 213), «Рубаи» действительно имеют целостную идейно-художественную концепцию и являются циклом.

Прежде всего обратим внимание на эпиграф, предпосланный «Рубаи» композитором:

«О, если бы горение души
Всегда огонь свой мысли отдавало...»
(А. Навои)

Это не всё рубаи (четверостишие), а только его половина. Эпиграф проникнут высоким духовным смыслом, стремлением найти гармонию между чувством и разумом. Это извечная проблема музыкального исполнительского искусства, в котором чувство, эмоции и логика в идеале образуют единство.

Рубаи как жанр философской лирики привлекали Гиенко своей многозначностью, метафоричностью, предельно концентрированным выражением мыслей и чувств. Исследователь творчества Навои Л. Серикова пишет, что рубаи его «посвящены <...> тем же темам, что и <...> газели, поэмы и проза. Но в соответствии со спецификой этих форм они развиты здесь более четко и лаконично. В них раскрывается дарование великого поэта, его мощный интеллект, тонкая интуиция, глубокие общественные интересы» (Серикова Л. Малые формы лирики Алишера Навои. Т., 1981, с. 9). Малые формы лирики всегда наполнены у Навои глубоким содержанием, скрытым смыслом, дающим возможность интерпретировать. Эти же качества присущи и «Рубаи» Гиенко. Здесь обнаруживается крайнее своеобразие жанровых обобщений – речитатива, серенады, ноктюрна, элегии, скерцо, колыбельной песни, марша, канона. Композитор ориентируется не на содержательную жанровую сторону, а на внешнюю, формальную.

Феруза МУХАМЕДОВА. Родилась в 1986 г. в Ташкенте. Окончила магистратуру при ГКУз по классу фортепиано. Лауреат Международного конкурса в Италии. Ныне докторант ГКУз. Автор 20 публикаций в республиканских и 5 публикаций в зарубежных изданиях.

Тяготение к обыгрыванию, связанное с жанровой основой, проявляющейся в форме фортепианной миниатюры, позволяет обнаружить в «Рубаи» черты сюиты. «Тяга к сюитности, ярко проявившаяся в творчестве узбекских композиторов», по пронизательному наблюдению Т. Гафурбекова¹, способствует органичному взаимодействию разнообразных жанров и форм, направленных на раскрытие духовного мира, душевных движений, по-шумановски психологически утонченных, при этом не теряющих связей с жанровыми прообразами.

Пьесы контрастируют по темпам, жанрам и формам, богатству эмоциональных характеристик, разнообразию фактуры, ритмических и диатонических ладовых структур.

Весьма интересна сфера формообразования пьес, непосредственно связанных с поэтической композицией «Рубаи». Характеризуя творчество Гиенко, В. Головина отмечала: «Много творческой инициативы проявляет композитор в формообразовании. Он не замыкается в рамках классических схем, часто трактуя их более свободно». Творческая инициатива и свобода трактовки музыкальных форм в «Рубаи» поражает неистощимой фантазией и изобретательностью.

Первая пьеса выдержана в форме философско-лирического созерцания пасторального пейзажа и передает процесс рождения мыслей и тончайших душевных движений, поэтично выраженных легкой, прозрачной фактурой, воссоздает образ поэта, мечтающего о гармонии человека и природы, восхищающегося красотой мира, дуновением ветерка, журчанием ручья, щебетанием птиц. Фортепианная фактура подобна затейливым арабескам, их тематизм возникает из фактурных форм, движущихся свободно и непринужденно. Удивительная гармония, чистота образа выражены белой тональностью до-мажор, окрашиваемой легкими хроматизмами, удивительно гибкая мобильная форма передает национальный характер музыки. Взаимодействие двух тематических образований – песенно-мелодичного и танцевально-токатного – придает этой пьесе необъяснимое очарование, настроит на широкий образный круг последующих миниатюр.

Вторая пьеса – *Allegro scherzando*, D-dur – логически продолжает первую: кварто-квинтовые вертикали в ином метроритмическом оформлении приобретают скерцозный, полетный, характер и, словно порхая, задорно устремляются ввысь, в верхний регистр инструмента, возвращаясь затем в исходную высотную зону. Как и первая пьеса, вторая миниатюра соткана из мелких фигураций в процессе движения объединенных в восходящие и нисходящие мелодические линии-волны. Игровое начало подчеркивается прихотливым ритмом. Камерная фактура графична, имитирует танцевальные движения, почти лишена эмоциональных красок.

Третья пьеса – *Andantino*, Es-moll – контрастирует с предыдущей миниатюрой своим скорбно-сосредоточенным самоуглублением. Основной формообразующий фактор здесь оstinатность. В отличие от предыдущих пьес, имеющих свободную строфическую форму, данная миниатюра написана в трехчастной форме с динамической репризой психологического плана, поскольку не связана с усилением громкости динамического начала, как это обычно бывает в пьесах подобного плана. Начало пьесы проникновенно, доверительно, оно напоминает узбекскую мелодию типа «катта ашула». Изложенная в партии левой руки в виолончельном измерении, мелодия сопровождается мягкими октавными фигурациями. Скрытая печаль, нежная тоска постепенно обнажаются, прорываются страстной патетикой. Ритмическая формула мягко покачивающихся октав в верхнем регистре инструмента переходит в низкий регистр в октавном и аккордовом сопровождении, приобретает совершенно новый – драматичный,

¹ Гафурбеков Т. О народно-национальных истоках узбекской камерно-инструментальной музыки // Музыкальная культура Узбекской ССР. М., 1981, с. 235.

страстный – характер. Кульминационная зона – аудж: выражение боли и страдания, напряжения, экспрессии чувств застывает в долго выдерживаемом аккорде.

Следующая за кульминацией реприза образует широкое звуковое пространство – океан скорби человеческой души, постепенно замирающей и исчезающей в вышине.

Четвертая пьеса – *Allegro ironico, Es-dur* – интересна оригинальным решением сочетания усюльного ритма в басу и развивающейся плавно восходящей песенной мелодии. Их полифоническое сочетание создает впечатление традиционного узбекского ансамбля национальных инструментов. Двухтактовый усюль подобен магическому заклинанию: завершающая его пауза придает ритму ощущение незавершенности, вопросительной настороженности и в то же время утвердительности тезиса. По форме пьеса представляет собой свободно трактованную композитором мини-пассакалью. Фазовый принцип развития с модуляционными сдвигами позволяет говорить об использовании некоторых приемов минимализма.

Лаконичная кода на материале усюля уравнивает динамическое развитие фаз, приводящих к токкатно-аккордовым кульминациям обобщающего значения.

Пятая пьеса – *Sostenuto, E-dur* – образует резкий контраст предыдущей, хотя тематически вырастает из нее. Это лирический ноктюрн со страстной патетической кульминацией. По-прокофьевски широкого охвата мелодия парит в вышине, чаруя красотой мелодических хоров, красочных хроматизмов, свободно развертываемых на фоне сопровождения арпеджированного типа, выросшего из усюля предыдущей миниатюры.

Пьеса заканчивается возвышенно и умиротворенно, растворяясь в тишине, в парении в верхнем регистре. Смена различных видов фактуры – от ноктюрна к болеро и речитативу – позволяет сделать вывод о влиянии строфической формы рубаи на формирование данной миниатюры.

Шестая пьеса – *Lento, F-dur* лидийский – близка пасторальной прелюдии. Она изысканна по изложению, полифонична по значимости составляющих её мелодических линий и выдержанных педальных созвучий. Диатонический склад письма усиливает состояние возвышенного духа поэта, созерцание природы и углубление в размышления. Гиенко использует здесь трехстрочную партитурную запись нотного текста, широко охватывающую звуковой простор от глубоких басов до высоких мелодических фигураций. Плавные движения аккордов в среднем регистре создают полную гармонию звукового пространства, красочную хроматику. Миниатюра имеет сквозную форму импровизационного, прелюдийного типа, развертывающегося движения музыкальной мысли, в которые вливаются отдельные мотивы, фигурации, аккорды и созвучия. Логика развертывания музыкальной мысли в этой пьесе обусловлена взаимосвязью всех элементов фактуры, образующей единое звуковое поле.

Седьмая пьеса – *Allegro Moderato, Fis-moll* – создает страстный, мятежный, по-шумановски беспокойный образ. Фактура пьесы, обнаруживающая признаки трехчастной репризной формы, очень разнообразна и переменчива: арпеджированные фигурации сменяются гаммообразными волнистыми линиями, остро-акцентные токкатные эпизоды – плавными движениями. Уплотнение фактуры придает пьесе большую выразительность и драматичность.

Восьмая пьеса – *Largo, G-moll* – отличается своим величием, строгой возвышенностью чувств и мыслей. Пьеса имеет трехчастную форму с динамической репризой: открывается сумрачной монодией, изложенной в партии левой руки в октавном унисоне свободно развертывающейся музыкальной мысли, средняя часть – *Roco riu mosso* – приобретает маршевый оттенок остинатного звучания до первой октавы, придающий несколько монотонный характер, драматическую

экспрессию, и непосредственно вводит в репризу, где басовая тема воспринимается как фундамент, на который наслаиваются другие голоса. Звучание достигает монументальной эпической силы. В музыкальную ткань вливаются скорбные октавные фигурации из Третьей пьесы, что позволяет сделать вывод об общности художественного содержания этих пьес. Миниатюра завершается на FFF грандиозными аккордами, утверждающими вечность и могущество Вселенной.

Девятая пьеса – *Andante con moto*, фригийский лад – близка «катта ашула». Начинается постепенно в низком регистре. Напев последовательно разворачивается с плавным восхождением в более высокую тесситуру, достигая ауджа. Пьеса полифонична, также полимонодична (термин Т. Гафурбекова). Разветвление голоса, мотивы-ответвления от темы обогащают её, усиливают психологическую сферу образности. Здесь явно ошутим образ великого Навои.

Десятая пьеса – *Allegro*, B-dur – в драматическом отношении близка предыдущей пьесе, но написана в ином эмоциональном ключе. Её основная тема, близкая макомному мелосу, изобретательно развивается различными выразительными средствами: подголосками, имитацией, переключками, будто проходит путь суфия.

Контрастные смены фактуры, размера придают пьесе эпический характер, несмотря на быстрый темп. Энергетика движения, неустанное стремление к познанию мира и духовному восхождению представлены здесь иначе, чем в предыдущей миниатюре, но не менее значимо и весомо.

Одинадцатая пьеса – *Andante cantabile*, H-moll – имеет связь с четвертой пьесой. Магический усуль предстает здесь несколько иначе, без ироничного оттенка. Спокойный темп, напевность мелодии придают пьесе нежный и сокровенно доверительный тон. В отличие от других данная миниатюра выдержана в единообразном виде фактурного изложения. Она трехчастна, но средняя часть, не резко контрастная, углубляет лиричность и выразительность.

Двенадцатая пьеса – *Presto*, C-moll – миксолидийский лад, стремительная, энергичная токката с фактурным тематизмом, интересными метрическими переборами. Открывается она решительным музыкальным эпиграфом: движением по восходящим чистым квартам. В финальной пьесе композитор использует разнообразные виды фактуры, присущей токкате, и нагревает музыкальное развитие в плане динамичной энергетике движения, передавая бесконечность жизненного потока, неуловимый бег времени в космическом пространстве.

Обобщая аналитические наблюдения над «Рубаи» Гиенко, необходимо подчеркнуть, что это целостное произведение с глубоким художественным содержанием, внутренними и внешними связями. Оно отличается современностью музыкального языка, яркой национальной характерностью, опорой на узбекский мелос и усульность в разных их проявлениях. Творческое претворение особенностей узбекского музыкального наследия в аспекте современного музыкального мышления, использование полифонии, политональности, полиладовости и полимонодии, тембральные разработки музыкального материала, отсутствие стереотипов и штампов, создание новых сквозных музыкальных форм с элементами монтажа кадров, опора на закономерности жанра рубаи в свободном восприятии, понимании и интерпретации в пьесах делают этот цикл одним из самых оригинальных и ярких в узбекской фортепианной музыке XX века. Цикл имеет название «Рубаи», но смысл его многогранен. Композитор исходит в «Рубаи» не только из образного мира лирики малой формы Навои, но и из собственных жизненных впечатлений и переживаний, пропуская поэзию Навои через призму собственного восприятия, своего духовного мира. Благодаря этому возникает высокое художественное откровение, диалог композитора XX века с величайшим поэтом XV века в эпоху возрождения истинных духовных ценностей.

ЗАПИСКИ МИГРАНТА

Рассказ

Николай ПОПОВ

НА БЕДНОГО ВАНЮШКУ ВСЕ КАМУШКИ...

Черт возьми, срок регистрации заканчивается в ноябре, а получение вида на жительство ожидается лишь в конце декабря, прямо перед Новым годом... Задаю себе вопрос, что делать, и не нахожу на него ответа. Не хватает какого-то месяца, чтобы свести концы с концами... Я к зятю, а тот вешает с каланчи своей компетентности:

– Нужно регистрироваться однозначно, а после получения вида на жительство – снова регистрироваться...

– Всего месяц, и снова платить как за год?..

– Ну уж эти претензии к федеральной службе миграции.

Я к одному, другому. К людям, искушенным в этих вопросах. Все заявляют в один голос: «При получении вида на жительство без регистрации могут возникнуть большие проблемы...» Делать нечего, звоню своему хозяину-крезу. Так, мол, и так. Даю ему полную раскладку. Тот весьма флегматично отвечает мне в трубку:

– Без проблем! Я продлю вам регистрацию по тому же адресу. Определите время, встретимся, и я вас перерегистрирую. Разумеется, за определенную плату.

– А может, какие-то скидки?.. – робко вопрошаю я. – Ведь всего один месяц, а платить за год. Может, избытете шадящий коэффициент?..

– Торг здесь не уместен! – с жесткостью Кисы Воробьянинова заявляет тот. – Каждая печать в вашем паспорте – пятнадцать тысяч! И независимо от того, сколько раз в году ее придется штамповать. Мои условия неизменны!

Проямлив слова благодарности, разумеется, я принял условия толстосума.

Прием в регистрационный отдел начинался с одиннадцати, что поначалу меня немного расстроило. Думаю, куда девать время... Ведь я, как обычно, прибыл ночной электричкой и был в первых рядах списка. Наудачу просмотрел списки лиц на получение вида на жительство. Увы!.. Моей фамилии в них не значилось.

Около девяти утра я доложил «хозяину», что нахожусь в фэмээс и готов осуществить нашу сделку.

Николай ПОПОВ. Родился в Омской области в 1950 г. Окончил оформительское отделение Ташкентского республиканского художественного училища им. П. П. Бенькова; художественно-графический факультет ТашГПИ им. Низами. Член творческого объединения при Академии художеств Узбекистана. Неоднократно печатался в журнале «Звезда Востока».

– Свои данные перешлю эсэмэской. Вы сразу ступайте в службу сервиса, где оформлялись в прошлый раз. Попросите заполнить заявление, это недорого – рублей двести-триста... Дайте мне знать, когда перед вами будет два-три человека, я тотчас подъеду.

Вскоре сообщение было получено, и я тут же направился к моей армянке – начальнику сервиса.

– А, от Сергея? – вглядывается она в окошечко мобильника на его данные. После моего утвердительного кивка она дает указание одной из девушек заполнить мое заявление, и та быстро занялась подготовкой документов.

– А где ваша регистрационная карточка? – спрашивает армянка, перелистывая мои бумаги.

– Какая? – недоумеваю я.

– Как какая? Из жилищного управления. О вашей регистрации по месту жительства.

– Мне Сергей ничего не говорил...

– Срочно езжайте туда и привезите карточку, мы ее добавим, и все будет в порядке...

– О боже мой! Я же ни разу там не был, и куда ехать – не знаю! Да и кто мне даст эту карточку?

– Свяжитесь с Сергеем, он объяснит. Карточку вам выдадут без домовладельца. И быстро, быстро! – почти вытолкнула она меня из своей богдельни.

– Сергей, мне срочно нужна регистрационная карточка из ЖЭКа, – беспокою взываю я в трубку, надеясь, что он возьмет на себя решение возникшего вопроса.

– Езжайте, – всё так же спокойно отвечает он, – адрес я сейчас пришлю.

Вскоре приходит сообщение. Прочтя адрес, я с трудом набираю ответ – пальцы отказываются служить, на улице минус двадцать...

«Каким транспортом добираться?»

«Такси», – приходит всё разрешающий ответ.

Мне не остается ничего другого, как последовать его «разумному» совету. Заискиваю поглядывая на продавцов, я цуиком просовываюсь в дверь небольшой булочной.

– На улице холодно, я не могу набрать номер телефона вызова такси, – отвечаю я на почтительно-вопросительный взгляд продавщицы. Она милостиво кивает головой.

– Куда? Адрес? – звучит голос из трубки. – Куда подъехать?

– Магазин «Магнит», – после небольшой заминки отвечаю я, припомнив знакомую вывеску на углу перекрестка.

– Улица, номер дома? – раздражается трубка.

– Простите, сейчас узнаю, – тарашась, я обращаюсь с вопросом к продавщицам.

– Шестьдесят, шестьдесят! – угодливо в один голос подсказывают они.

– Улица Ленина, шестьдесят, – тороплюсь успокоить я оператора, но трубка уже безмолвствует...

Набрав заново номер телефона и назубок отшелкав вопросы оператору, я возымел результат: серебристая «Лада» вскоре подкатила к дверям булочной.

На прием к паспортистке ЖЭКа передо мной была всего лишь одна женщина. Повезло!

Когда она скрылась за дверью, я принялся от нечего делать разглядывать режим работы кабинета. Вдруг меня словно током ударило: там четко

значилось: «Прием с 08.00 до 11.00». Мои часы показывали без трех минут одиннадцать... Перехватив дверь из рук предыдущей посетительницы, заранее состроив умоляющую мину, я подлетел к столу паспортистки.

– По какому вопросу? – без тени ссылки на режим, вежливо спрашивает она.

– Мне нужна регистрационная карточка... Для продления регистрации в фэмээс, – толкую я.

– Адрес, пожалуйста.

Называю улицу, номер дома и квартиру. Перелистав несколько раз какие-то картонки, паспортистка, озарившись, констатирует:

– А этот дом в нашем ведомстве уже не значится. Его перевели...

– Как так? Куда? Адрес не подскажете? – чувствуя провал, цепляюсь я вопросами за край бездны.

– Узнайте у своего домовладельца. Я больше, к сожалению, ничем помочь не могу.

Пользуясь приютом жилищно-эксплуатационной конторы, я снова звоню Сергею и, глотая возмущение, объясняю ситуацию.

– Минутку, сейчас проясню вопрос и отвечу, – слышу его невозмутимый голос.

Считая, что другие жилищные конторы тоже работают в одном режиме, я на всё махнул рукой. Было жаль потраченный без пользы день, дорожную передрягу и израсходованные на это деньги... Тем не менее жду, надеясь на наш русский «авось». Через полчаса пропишал мобильник, оповестив о сообщении. Как ни парадоксально, но присланный хозяином новый адрес указывал почти то место, с которого я начал свой экшен в «никуда». Я снова заказал такси и рванул наудачу... Проникнув не без помощи сантехника через кодовые двери ЖЭКа, я оказываюсь в паспортном отделе. Паспортистка, пышечка лет тридцати пяти, сдвинув брови, встретила моё приветствие:

– Чего надо?

– Мне бы регистрационную карточку, – лепечу.

– Прием окончен! – рубит она, как корсар канаты.

– Девушка, войдите, пожалуйста, в моё положение, – молю я её. – Поверьте, вовсе не по своей воле я оказался в роли футбольного мяча, – произвожу полную раскладку...

– Проживали бы по месту регистрации, уж наверняка бы знали, по какому адресу вносить квартплату, – умыла меня паспортистка, уткнувшись в шкаф.

Я конфузливо поник головой...

– Пишите расписку и забирайте карточку.

– Большое спасибо, кудесница! – обласкал я её на прощанье.

– Вот теперь всё в порядке, – толковала начальница сервиса, присовокупив регистрационную карточку к остальным документам. – С вас семьсот пятьдесят рублей...

Однако!.. Неожиданная сумма, конечно же, меня удручила, тем не менее я поблагодарил хозяйку и принялся звонить Сергею.

– Сообщите, когда перед вами останется человека два. Я подъеду, как раз нахожусь неподалёку, – спокойно заверил он.

До обеда на прием я не попал. Народу в тесной ожидальне набилось – не продохнуть. Слышались истошные женские голоса, взывающие к человечности, просьбы не закрывать входную дверь. Наконец, передо мной замаячили три человека. Звоню Сергею, но выясняется, что у предшественников тоже отсутствуют домовладельцы. Мне приходится пропустить стоящих за мной

очередников. Объясняю Сергею положение и корректирую его действия, чтобы он, подъехав, не ждал меня в машине, а пробирался к дверям кабинета. Мол, если я вылезу из этой людской толчеи, назад уже не влезу... Вскоре я замечаю его статную, как ствол бамбука, фигуру, пробивающуюся ко мне. Очередь скрепя сердце расступается... Уполномоченная по регистрации дама, деловито перелистав бумаги, затребовала паспорта. Оказалось, что в заявлении от домовладельца неверно указан адрес проживания, а у меня, как обычно, не оказалось квитанции о госпошлине. Поставив штамп убытия в моем паспорте, она весьма доброжелательно и лаконично провозгласила:

– Квитанцию и заявление!

– А можно я перепишу его здесь? – находчиво предлагает Сергей.

– Нет! Пусть эти кулемы добросовестно отработывают свой хлеб.

Мы снова протиснулись через людскую лавину. Не желая признавать свою оплошность, начальница бюро услуг сослалась на сообщение в моем мобильнике. В качестве доказательства Сергею пришлось предъявить послание на своем смартфоне. Инцидент был замят к всеобщему мирному спокойствию. Я помчался в банк, Сергей же остался исправлять заявление.

– Да что ты будешь делать, господи! – в отчаянии воскликнул я, когда обнаружилось, что находящийся рядом с ФМС банк куда-то переехал. Трусой рванул к следующему. Медлить было нельзя, дабы не вызвать неудовольствие хозяина, тем не менее пара его звонков все же стимулировала меня к более стремительным действиям. Бизнесмен! У него каждая минута на счету. В испарине, как кляча после галопа, я предстал пред набобом. Отхватив свою порцию внушений, угрями преодолев людскую массу, мы вновь предстали перед дамой-инспектором, которая, присовокупив квитанцию к бумагам, попросила Сергея предъявить паспорт.

– А-а-а... – растерянно протянул он, – я его оставил в машине...

– Так идите и принесите.

Я только представить себе мог, как он пробирался сквозь людскую толчею туда и обратно. Сверка паспорта с заявлением поставила последнюю точку в регистрационном вопросе. Отсчитал Сергею пятнадцать тысяч, и мы расстались до скорого свидания...

Дабы не попасть впросак, я накидываю время на всякую непредвиденность... Оставив за спиной новогодние праздники, включая и Рождество Христово, я отправляюсь за вожделенным видом на жительство. Не ведая, что там, за бронированной дверью, в списках по моему вопросу, занимаю очередь. Снова ночное бдение с приплясом вокруг фэмээс. На сей раз очередь оказывается живой, только воочию, лицо в лицо... До приема пробежался в ЖЭК за карточкой регистрации. А что, вдруг успею решить два вопроса разом, чем черт не шутит? Увы, черт оказывается, не шутил, а куражился. В пятницу у паспортистки неприятный день... За открывшимися металлическими дверями меня поджидал следующий сюрприз: в списках на получение вида на жительство моей фамилии не значилось. «Может, какой-то недочет, оплошность или моя фамилия отвисела свое время, уступив место свежим спискам...», – ломаю я голову, выстаивая очередь.

– Вот моя справка о подаче документов на ВНЖ, – протягиваю бумажку инспекторше.

– В списках ваша фамилия есть? – поражает меня девушка вопросом, как выстрелом из базуки. – Когда подавали?

– В списках нет. Документы подавал более шести месяцев назад... Парень из очереди подал после меня, а в списках есть, – блуждая в поисках причины,

добавляю я.

Девушка идет к шкафу и извлекает несколько корочек зеленого цвета.

– Фамилия?

– Горемыкин...

– Нет, с такой фамилией нет.

– Так что же мне делать?

Девушка пожимает плечами:

– Езжайте в УФМС. К нам все документы поступают от них...

– А какие могут быть причины? – спрашиваю я совершенно потерянный.

– Мало ли что? Мы не знаем, – оторвавшись от бумаг, приходит на помощь вторая инспекторша.

«Но почему все эти камушки в меня?» – совершенно расстроенный пускаюсь я на поиски застрявших неведомо где моих концов вида на жительство.

В уфэмээсе я обращаюсь к старшему инспектору.

– По какому вопросу? – не оборачиваясь, отреагировала чиновница на мое приветствие.

– Меня нет в списках на получение вида на жительство, удостоверения тоже нет. В общем, меня направили к вам.

– Подойдите сюда, – ответила спина. – Оставьте паспорт и справку. Выйдите и подождите в коридоре.

Несмотря на резкость тона чиновницы, от сердца у меня отлегло: «Значит, документ будет...»

В обмен на расписку мне вручили синие корочки с гербом России, удостоверяющие мой статус. Я воссиял...

На следующей неделе, преодолев, как под копирку, всё те же злоключения и обеднев еще на пятнадцать тысяч, я, наконец, возымел штамп регистрации в своем удостоверении вида на жительство.

Получив талон подачи документов на гражданство, я полюбопытствовал у чиновницы:

– Когда мне теперь явиться?

– Через четыре месяца, день в день, – с участливой улыбкой пояснила она.

Пользуясь её расположением, я поспешил прояснить свои последующие шаги и как скоро я смогу получить российский паспорт.

– После подачи документов на гражданство вам назначат новый срок. Таковы условия. Если с вашими бумагами всё в порядке, вам выдадут справку о гражданстве, далее готовите новый комплект документов и подаете их на получение паспорта. Какое время это займет – ведает только Господь, – также лучезарно улыбнувшись, добавила она, – к Новому году непременно получите...

«К Новому году... Шутит дамочка...» – ухмыльнулся я в душе. На дворе заглянул о своих правах еще только январь...

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ПОСТИГАЕМ...

– Привет, эмигрантская душа, – раздался в трубке мобильного задорный голос моего друга Николая Сидоренко. – Скучаешь?

«Конечно, весельчак, ты-то можешь скакать от счастья, у тебя уж несколько лет как российский паспорт в кармане, а у меня сплошные тёрки. И неведомо, будет ли желанный финиш...» – невольно пронеслось в моей многострадальной головушке.

– Лето, кажись, пожаловало, – не теряя веселого настроения, продолжал он, переключившись на погоду. – На дворе август, а зима только-только отступила. Дождались...

– Что тебе далась погода? Для меня любая в радость...

– Да я не про то, меня погодой тоже не устроишь. Я к тому, что это погложее окошечко может в любой момент захлопнуться... Я к тому, что, если ты ничем особо не занят, рванем в Москву, ну-у-у хотя бы, скажем, в ботанический сад... Заодно прокатимся по новой окружной дороге. Как?

– Отличная идея! Я в сад так и не удосужился заглянуть, да и кольцевой дорогой ещё ни разу не довелось воспользоваться.

– Не переживай, дорогой! Я уже обкатал... Как добраться до сада, дочь втолковала. Не переживай, я поведу! – аргументировал мой друг на кавказский манер.

...За два прожитых в России года электрички разительно изменились. Старых, с деревянными сиденьями, я уже давно не встречаю, их плотно вытесняют комфортные электропоезда различных модификаций, но то, что я увидел на МЦК, превзошло все мои ожидания. Кондиционированный воздух, просторные салоны, удобные кресла с подлокотниками, мягкий ход... Непрерывающийся поток информации – звуковой и визуальной, даже скорость поезда высвечивается на разных этапах пути.

– Слушай, молодец Собянин... – заметил я.

Сидоренко, видя производимое на меня впечатление, важничал, с видом доки распространяясь по тому или иному поводу.

– Сейчас двигаемся в направлении Владыкино, выходим на станции Ботанический сад, а там, как сказала дочь, прямехонько пешочком к станции метро Ботанический сад, и мы у цели.

– Слушаюсь, командир! – козырнул я, затем, нарочито смущаясь, добавил:

– Никола, грешно одному упиваться таким блаженством, можно я приглашу свою куму, она живет в Москве. Глоток озончика из твоего сада ей, думаю, не повредит. Звякну – она мигом примчится...

– Какой разговор, конечно звони, я никогда обществом дам не тяготился. Сдается мне, она бывшая твоя директриса? Помню, помню, на биеннале в Ташкенте ты нас как-то знакомил...

Я набрал номер телефона Зои Михайловны и объяснил ситуацию. Она с радостью согласилась. Неоднократно наказав, что буду ожидать её на станции метро Ботанический сад, я разъединился: наш поезд прибывал к станции назначения.

– Дверь автоматически не отворяется, нужно нажать кнопку, – не преминул подсказать тезка.

– Да уж слышал, грамотей...

Миновав станцию метро Ботанический сад, мы ступили в лесок напротив, считая, что это и есть ботанический сад.

– Какой-то он не того – хмурый и неухоженный...

Сидоренко пожал плечами.

Какое-то время мы с опаской брели дорогой, разбегающейся множеством тропинок, теряющихся в зарослях леса, обезображенного валежником. Минут через двадцать мы уперлись в шлагбаум с немой, но довольно выразительным знаком «STOP». Я вопросительно глянул на поводыря. Он ответил обезоруживающим, разом разрешающим все проблемы «А хрен его знает...»

За шлагбаумом гусаком расхаживал полицейский. Я к нему: не подскажите,

мол, где мы находимся. С одной стороны лес, с другой – шлагбаум, а где же ботанический сад? Служивый обходительно пригласил нас под запрещающую перекладину, похоже, было, не мы первые задаем подобные вопросы. Как оказалось, рядом со станцией, вопиющей о ботаническом саде, сада вовсе и нету! Чистейшая инсинуация.

– Пройдете метров триста, – пояснил полицейский, – будет развилка, дорога налево ведет на ВДНХ, вам же – направо. Минуете пруд, за ним недалеко и будет ботанический сад...

– Так, братэлла, – заявляю я своему спутнику, – идти назад к месту встречи смысла нет. Нужно переадресовать куму и встретить её на станции ВДНХ.

– Вполне разумно, а то, чего доброго, заплутаешь в этой чашобе, хорошо ещё, если с кумой... – ерничал хохол.

Экспоцентр предстал размежеванным строительными ограждениями, являя собой гигантский лабиринт. Было похоже, что Собянин решил в одно лето всё перелопатить и вернуть народу ВДНХ в наилучшем виде. Отрадно!..

Было ужасно жарко. Возле станции метро ни скамеечки, ни деревца. Коротая время, мы слонялись между площадок с веселящими народ этническими ансамблями. Пялились на товары импровизированного рынка: здесь прекрасно уживались бахча, фрукты, морские черепашки, кошечки разных мастей и ещё бог весть какие экзотические зверьки. При виде полиции, базар в мгновение ока превращался в пирамидки коробок, выставленных вдоль забора Музея космонавтики. Мол, моя хата с краю – ничего не знаю... Происходящие превращения были похожи на игру правоохранителей и торговцев, правила которой неукоснительно соблюдались обеими сторонами.

– Как в Ташкенте на «Максимке». Та же самая картина, только там узбечки улепетывают от ментов, подхватив свои тазы, – с улыбкой подметил я.

Появившаяся Зоя Михайловна искромётной улыбкой оборвала наши бестолковые трения.

– Ба-а-а! Знакомые всё лица! – протянула она руку моему другу. – Очень рада видеть земляка.

– Да вон их здесь сколько, к нашей великой радости, хоть пруд пруди... – оставаясь верным своему юмористическому укладу, повел головой Николай в сторону торгашей. – Радости через край, только рот разевай...

Я улыбнулся шутке хохмача, не преминув натянуть верхнюю губу на зубы, чтобы скрыть шербину от глаз дамы. Этот нехитрый приемчик я освоил после того, как узнал от дантиста стоимость имплантата, – семьдесят пять тысяч, сумма для меня неподъемная, так что пока приходится изворачиваться.

– Да-а-а, будто и не покидали Ташкента, – согласилась мадам.

Полуденное солнце, очевидно, желая угодить, по-азиатски жарко душило нас в своих объятиях. От ладоней знойных стройплощадок к островам зелени, дарящей прохладу, мы перебежками продвигались к цели. Поначалу Зоя Михайловна, еще бодренькая, видя, как мы с Николаем бесформенными кулями переваливаемся с боку на бок, подтрунивала над нами:

– Ну и кавалеров мне сегодня Бог послал... Где ваш запал, земляки?

Она же не ведала, что мы уже дважды покоряем этот отнюдь не близкий путь. Как могли, мы всё же бодрились: замечания дамы обязывали держаться мужиками. Однако вскоре и нашей спутнице понадобилась поддержка и мобилизация сил.

– Нет, ребята, я больше не могу, – взмолилась она, стоически покорив выставку

достижений, – пристрелите меня, как гнедую, что сломала ногу, но я больше не могу... Когда же конец этим истязаниям? Лягу сейчас здесь и дальше ни ногой...

– Зоя, – отозвался хохол в своей манере, – этого мы и сами не ведаем, это дороги, которые мы постигаем...

Удовлетворить желание дамы не представлялось возможным – у нас просто не оказалось кольта... Зоя тоже не успела выполнить своё ультимативное намерение: показались вожаденные куши ботанического сада. Воспрянув духом, мы устремились под сень деревьев. В саду скамеечек не оказалось, зато обнаружившаяся вскоре поляна очаровала нас безупречной зеленью травы, купами цветов невероятной красоты и несколькими вполне казистыми пенёчками, любезно подставившими нам свои плоские спины. Вот оно, настоящее блаженство! Ухайдокавшиеся ноженьки приятно гудели, передавая всему организму трепетную истому и ненавязчиво вешая о выпавшем на их долюшку бремени.

Переведя дух, мы тропками устремились дальше, движимые неумемным желанием насладиться красотами диковинного дендрария. Нередко среди красот сада встречались люди, праздно расположившиеся на лужайках и в тени деревьев. Они назойливо внушали мысль о том, чтобы так же запастись провизией, покрывалами и день-деньской нежиться в объятиях животворящей природы...

Изрядно проблуждав, какими-то неведомыми путями мы вышли к Японскому саду. Перед входом в сад была довольно обширная площадка с выложенными на ней валунами, окаймленная плоскими без спинок скамейками. Этот уютный уголок оказался как нельзя кстати. Здесь ютился притомившийся в дороге люд: одни отдыхали, усевшись на скамейки, другие, сомкнув очи, возлежали. Мы выбрали лежаки под сенью раскидистых ив и с удовольствием растянулись на них – плоти вновь требовалась энергетическая подпитка.

Каким бы симпатичным и радушным ни был наш нежданный приют, но и с ним пришла пора расставаться: время возвращаться домой! Нужно было решить, к какой из станций метро нам следовать. Расстояние до станции Ботанический сад мы с Николаем вымерили своими шагами, и повторить этот путь снова не поднималась нога.

– Слушайте! – озарился идеей Николай Павлович. – Правда, я не знаю, сколько придется идти, но думаю, лучше двигаться вперед... Вперед к неизведанному!

– И куда мы выйдем, Сусанин? – не скрывая иронии, отозвался я. – Может, всё-таки двинем по известным дорожкам?

Зоя Михайловна, казалось, была безучастна к нашим стратегическим проектам. То ли целиком полагалась на мужчин, то ли так умоталась, сердечная, что ей уже было всё равно...

– Мне дочь объяснила, – взял инициативу Николай, – центральный вход в сад находится неподалеку от кольцевой дороги станции Владыкино.

– А Зое Михайловне будет удобно? – вставил я, примазываясь к тактике стратега. – Ей надо попасть на фиолетовую линию подземки...

– Всё продумано, – уверенно отозвался Ганнибал. – После Владыкино по часовой стрелке следующая станция наша – Окружная, но мы поедем в сторону, нужную Зое, то бишь, против часовой стрелки. Доедем с ней до станции Панфиловская, там она пересядет до станции Октябрьское поле, а мы помчимся дальше и, почти замкнув кольцо, прибудем на станцию Окружная с обратной стороны. Убьем сразу двух зайцев: обозрим столицу с наземной дороги и прокатим нашу даму супер поездом! – вдохновенно заключил командир.

«Так ты, кроме романтика, еще и джентльмен...» – подумал я, вслух же высказал:

– Лихо завернул, остался пустяк – выйти к этой самой станции...

Под приглядом указателей первые километра полтора мы проследовали довольно бодро. Делились впечатлениями, перешучивались. Тем не менее усталость брала своё, заставляя засомневаться в верности выбранного направления. На наш вопрос о точности следования к центральному входу встречающиеся люди утвердительно кивали, а более доброжелательные даже ориентировали на предстоящие повороты. Вскоре стал доноситься звук электропоездов железной дороги. Мы переглянулись: «Верной дорогой идете, товарищи!..»

Однако звук стал затихать и вскоре исчез вовсе... Зато на смену шумовым эффектам показались монументальные трехстворчатые ворота, близ которых в сопровождении неизбежной свиты под руку с женихами дефилировали чопорные невесты, блистающие своими нарядами. Отлегло...

Подаваемые электричками знаки, как оказалось, были не напрасными. С «тропы» нам следовало сойти гораздо раньше. Теперь же приходилось исправлять свою оплошность с внешней стороны ограды.

Переглядываясь с Николаем, мы, как в раскрытой книге, прочитали по лицам друг друга страшную неловкость перед дамой, вовлеченной нами в этот прогулочный бедлам. Но все наши переживания улетучились, когда ультрасовременное техническое чудо приняло нас в свое лоно. Окинув наши опрокинутые физики, Зоя Михайловна заявила, не скрывая восторга:

– Спасибо, мальчишки! Всё так здорово!..

Заверение дамы вновь окрылило моего адмирала. Его блестяще выстроенный план подходил к завершению. Однако голос из динамика заставил меня насторожиться: «Следующая станция Ботанический сад». Я уже знал, что после неё будет Владыкино.

– Мы что, проскочили Окружную? – дернул я поводья за рукав. – Зашли на второй круг?

– После Владыкино будет наша, Окружная, – невозмутимо отозвался он.

– А с какой станции мы едем?..

– С Владыкино...

– Это же какой тригонометрической спиралью должна была изогнуться дорога в пространстве, чтобы, отправившись в путь против часовой стрелки, вернуться по часовой? – откровенно засомневался я.

Николай задумался.

«Следующая станция Окружная», – оповестил механический голос, положив конец умозаключениям друга.

– Ну что ж, и на старуху бывает проруха, – разразился смехом дружок. – Концы попутал. Бывает. Не переживай, Колюня, земля – она круглая, куда бы мы ни ехали, а куда надо приехали...

Признаюсь честно, будучи «рулевым», я и сам попадал в подобные парадоксальные ситуации. Наша младшенькая дочь, почувствовав силу крыльев, решила оторваться от родных пенат и окунуться в самостоятельную жизнь, говоря проще – перебраться в столицу. Собрав свой немудреный скарбишко, обвешалась рюкзаками сама, матери всучила габаритные, требующие особого внимания и осторожности пакеты, ну а мне, как самому выючному из выючных, досталась пара увесистых чемоданов. Вот таким восточным караванчиком мы двинулись из дому.

Дабы основательнее врезался в сознание родителей маршрут продвижения к ее новому пристанищу, дочь не стала нас баловать таксомоторами, и от станции Лианозово мы поехали автобусом. Шустро закинул я поочередно чемоданы на четвертый этаж – лифта нет, а каждый чемодан двадцать килограммов – для меня это не вес. Только не думайте, что я ропшу на свою долюшку. Каждому досталось по его деяниям. Я к тому, что в неполных семьдесят я еще ого-го-о!

Казалось, быстро прибрались, растолкали вещички, а времечко-то, оно не ждет. Часы показывали начало восьмого, нужно поспешать, электрички-то тоже до своего часу функционируют. Доченька по смартфону высветила расписание. Оказалось, что первая буквально через полчаса, вторая следом, а затем зиял пропастью интервалише аж в целый час. Нужно было бежать.

Дочь с нами, ей всё равно в маркет – нужно же что-то и кушать...

Бежим!.. Переходы длиннющие, движение машин в несколько рядов, поэтому и светофоры меняют цвет от середины улицы до середины. Попал на красный – торчи неизвестно сколько... Видим, вот-вот разрешающий сигнал загорится для пешеходов. Бежим.

На остановке дочь еще раз напоминает номер нашего автобуса, искренне поблагодарив за помощь, целует, всучив «деньжиш» на дорогу, смущенно извинившись, спешит за провизией. «...Неужто мы не понимаем, беги, чадушко... Я уж вечером в честь твоего благополучия непременно тяпну. Святое дело...»

Теперь путь домой целиком ложится на мои плечи. Концентрируюсь. Хотя сложностей особых не вижу, разве только подгоняющее время. А так-то, автобусом до Лианозово, а там электричка и – ту-ту! Дома...

Правда дочь наказала:

– Будьте внимательны, названия автобусной остановки и станции могут не соответствовать, справьтесь у водителя.

Едем. Что мне водитель, мы и сами с бородой и усами. Вот и жена, насколько истово уверена в моих навигационных способностях, что глаза смежила и беззаботно подремывает. Ну я, конечно, бдю, прислушиваюсь к информации об остановках и ловлю фразы пассажиров, касающиеся продвижения по маршруту. Не хочется ударить в грязь...

Тут на одной из остановок в дверь нашего микроавтобуса просовывает голову дама в возрасте и – к водителю:

– До Лианозова доедем?

Тот утвердительно кивает головой. Ага, обрадовался я, вот и нашелся звончок...

Перейдя дорогу перед станцией, моя старушонка заметалась и – к народу, мол, подскажите, люди добрые, где касса-то тута...

Я тоже не знал где. Брошенный глас народа не успел раствориться в эфире, как я вырос перед окном кассы, следом старушка уткнулась в мою спину. Времени практически не оставалось. Я, подстегиваемый обстоятельствами, тут же обращаюсь к кассирше: «Где переход на противоположный перрон?»

Мой вопрос повис в воздухе. Вручив билеты, та уже занялась бабусей.

– Немного дальше – деревянный настил через пути, – отозвался участливый голос из народа.

Бросив «спасибо», я подхватил женушку, и мы устремились к противоположной платформе. Как назло, из всех проходов турникета навстречу перли прибывшие пассажиры.

– Черт знает что, – бесновался я, облачившись в ментальность россиянина. – Не могли оставить пару проходов для входящих? – заявляю людям в униформе.

Мои слова возымели действие, служивый откорректировал людской поток, и мы выскочили на почти безлюдный перрон. Оглядевшись, я узрел ту же пожилую даму, мой звоночек. У платформы напротив шумно тормозил электропоезд. Я решил пройти по платформе и уточнить в расписании время прибытия нашей электрички. Старушка с оторопелым видом уточкой увязалась за мной.

– Что за дурацкая станция, – подойдя к жене, возмущаюсь я в сердцах, – ни одного расписания в сторону Дмитрова. На Москву, Москву...

Уточка тоже поглядывает на нас, вывернув шею, всё так же беспокойно бега глазами.

– Смотри, Коля, и на указателях стрелки все на Москву... – робко, сама не ведая, разоблачает супруга наше истинное положение.

...А на противоположном пути вихревой шлейф заявлял об исчезающей электричке.

– Это была наша! – воскликнул я, констатируя очевидное. – Значит, мы приперлись не на ту платформу...

– То-то я и подумала... – неумышленно ниже плитуса опускает жена мои амбиции, – зачем это мы снова пересекаем этот деревянный настил? Вроде, приехав из Дмитрова, тоже по нему топали...

– Не могла раньше сказать? – огрызнулся я, пытаюсь совладать с ущемленной гордыней.

Оторопев, утопив пальцы во рту, старушка как на идола, не мигая, взирала на меня. Через мгновение, отойдя от столбняка, выпалила:

– И я, как дура, поперлась за вами... Я ж думала, вы знаете – билеты до Дмитрова взяли... Понимающие! Теперь что ж, снова тратиться?

Дернув плечами, я поспешил к турникету прояснить ситуацию. Команда, вцепившись в жоака, устремилась следом. Так, мол, и так, наперебой толкуем мы, взывая войти в положение... Девушка в униформе забрала наши билетки, внимательно просмотрев, расписалась в каждом.

– Покажете ребятам на той стороне, и вас пропустят, – пояснила она.

И всех делов-то... «Видать, система отработанная... – подумал я. – Не мы первые, не мы последние...» Однако расслабляться было некогда. Светя проекторами, оповещал о приближении поезд, следующий в нашем направлении. Мы с женой рванули, здесь уже не до соблюдения приличий. Прости, бабуся... Лихо проскочив пути перед самым носом электропоезда, мы, не сбавляя темпа, преодолеваем дистанцию до турникета.

На скаку, пытаюсь миновать общие щели проходов, объясняю служивым своё исключительное положение, маяча руками в сторону противоположной платформы. Характерным шумом электричка уже оповещала о своем прибытии, таща состав вдоль перрона. Тем не менее педантичные служаки – явно выходцы из Средней Азии – засовывают в зев турникета наши билеты, проверяя их подлинность. Супруга уже вскочила в электричку, я всё форсирую проход. Состав зашипел, отпуская тормоза...

– Беги, – скомандовал контролер.

– А билет?..

– Там, там, – махнул земля рукой.

Двери электрички с шумом захлопнулись за моей спиной.

– А где билет? – расширив глаза, вопрошает бдительная супруга. – Даже

если не будет проверки в поезде, тебя не выпустят на вокзале. Оштрафуют...

– Там, там, – вторя, как эхо, напутствующим словам контролера, отозвался я. – Там разберемся...

Электричка звякнула сцепкой. Пожалуй, в единственное приоткрытое во всем вагоне окно просунулась рука с билетом:

– Держи, брат! Счастливо!

Переведя дух, отдышались и успокоились, теперь в пути нам было над чем потешаться. Правда, искренне было жаль бабушку.

– Почти час придется куковать бедняжке, – посочувствовала сердобольная половина.

«Станция Икша, конечная, поезд дальше не идет. Освободите, пожалуйста, вагоны, поезд следует в депо...» – доходит до меня со второго дубля хлюпанье динамика.

– Поднимайся, дорогая. Приехали...

Жена недоуменно озирается в опустевшем салоне вагона.

– Что, Дмитров? Так быстро...

– Икша, – впопыхах мы воткнулись в поезд, следующий до Икши.

Нас окутал полумрак пустынного перрона.

– А куда он дальше?

– В депо. Уже второй раз наступаю на эти грабли, – смело крушу я признанием свой апломб.

– Слушай, если бы ты не успел на эту электричку, я бы даже и не подумала, что нужно выходить. И значит, укатила бы в это самое депо, – ужаснувшись, жена прижалась ко мне.

Чтобы не оставаться в ночи одинокими и заодно справиться о времени прибытия следующей электрички, мы двинулись по платформе в сторону доносившегося девичьего смеха.

Девчонки об интервале поездов не имели ни малейшего представления. Зато поведали нам, щедро сдабривая рассказ смехом, только что приключившуюся с ними катавасию, один в один повторяющую нашу. Мы в ответ поделились своей историей, не преминув присовокупить бабулю. Теперь ночной перрон Икши оглашался ржачкой целого квартета...

Однако приключения на этом не закончились. Подкатившая электричка, словно укор филантропии, как на блюдецке, преподнесла бабульку, введенную нами в заблуждение и кинутую на произвол. Причастность, хоть и косвенная, но всё ж конфузила. Но, как оказалось, смущение было напрасным. Узнав, она приняла нас как родных. А услышав о нашей осечке с электричкой, прыснула смехом.

– Да-а-а! Обмишурилась я нынче, – бормотала сквозь хохоток старушонка. – Была на поминках у свахи, деду её уж десяток, как преставился, царство небесное, – спутница перекрестилась. – Дык я к чему? Выпили мы с ней маленько, захмелела бабка, а как за тобой стрекача-то дала, так весь хмель разом вон. Сижу на перроне как чучело бестолковое и сообразить ничего не могу: как же я так оплошала?.. Никогда со мной такого, ни в жизнь, ей-богу... – старушка снова перекрестилась. – Хорошо, хоть на станции нерусский, таджик, поди, в форме успокоил. Сказал, когда поезд будет и чайку поднес, дай ему бог здоровья...

– Да вы уж простите великодушно, – почувствовав немой упрек, отозвался я. – Самого бес попутал. Даже и мысли не зародилось, что автобусом мы едем из центра Москвы, вот и развернула меня нечистая сила в сторону предполагаемого пригорода. Дезориентировался. Как бы выразился мой

дружок хохол: «Концы попутал...»

– О-о-о! С этими электричками одна морока. Вот давеча сваха моя, – понесло словоохотливую попутчицу, – ко мне в гости собралась – а что ей дома-то одной высиживать? Дети своими семьями, мужа схоронила, царство небесное. Живи да радуйся... Берет она, значит, на Тимирязевской билет – и ко мне, а там разница между электричкой, что в Лобню, и другой, что в Дмитров, – пара минут. Ну, она, сваха-то моя, минуты не считает, на лбу поезда надпись не читает, садится в первую подъехавшую электричку и едет, радуется... В Лобне слышит: «Поезд дальше не идет, конечная...» Она, значит, к народу. Участливый молодой человек вразумляет ее спешно: мол, электричка на Дмитров идет следом, чтобы на неё поспеть, надо пешеходным мостом пересечь путь, а там, дескать, как угонишься... Припустилась моя сваха. Успела в последний вагон... До Дмитрова отдышаться не могла, так и завалилась ко мне, язык на плече.

Привокзальные часы показывали без двух минут одиннадцать – роковой час россиян.

– Что, не успеваешь?.. – не ускользнула от жены моя кручинушка.

– Не беда, – отмахнулся я, – сейчас согреемся горяченьким кофе. Вот и автомат.

– Ты умеешь ими пользоваться? – не без гордости за меня бросила супруга, – а я даже и не подхожу к ним. Боязно.

– Да я тоже не имел с ними дел, ша попробуем...

– Давай, дорогой, в следующий раз. Думаю, на сегодня с нас довольно.

– Согласен, – отозвался я, – какие наши годы, разберемся и с дорогами, и с этой чертовой техникой...

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ...

Не понимаю! Не понимаю предназначение инъекций, вливаемых мне уже на протяжении двух лет. Прививка иммунитета стойкости человеку, решившему стать гражданином Российской Федерации? Почему такое чудовишно-несправедливое отношение? Где же ваш Жириновский, который брюзжит со всех телевизионных каналов: «Русским оформлять гражданство прямо на границе...»? Не понимаю, для чего его скоморошьи призывы и дебаты о гуманности по миграционному вопросу мужей с мандатами депутатов, когда всё остается по-прежнему? Ага, ясно! Одни, значит, кличут, а другие, пользуясь нашим бесправным положением, безжалостно нас дербанят.

Сроки, определяемые мне чиновниками от этапа до этапа, разменяли уже третий год, а финансовые траты доедают последние крохи от проданной «там» за бесценок недвижимости. Так где же этот обетованный берег? Душевный причал, который примет тебя просто как человека.

Законопослушным гражданином я вносил свой посильный вклад в общее дело строительства государства, но, как теперь оказалось, это было в чужой стране. Позвольте, в чем моя вина? Сколько можно болтаться, черпая лихо, когда ты уже не «там» и ещё не «здесь»? До каких пор меня, семидесятилетнего старика, будут проверять на шпионскую причастность и томить, как гуся в духовке, выдерживая на достоинство быть носителем статуса гражданина России? Где ты, Бог, хозяин страны, не ведаешь или не хочешь знать, что творят твои архангелы? Скажи, отче, за что я отбываю наказание, назначенное мне бюрократической машиной УФМС?

Сдав документы на гражданство, получаю в обмен справку и новый четырехмесячный срок. Что ж, другого ничего не остается, кроме как, вооружившись терпением, ждать, тешась мыслью, что это последний бой...

Выждав чиновничье время, я снова мчусь ночным поездом, чтобы с утра пораньше застолбиться на прием в фэмээс. Надо же, первый?! Подтягивающемуся люду объясняю: «Господа хорошие, я держу две очереди, одну на получение справки о гражданстве, а другую на подачу документов на паспорт... Так что, будьте любезны, за мной...»

– А в списках вы уже значитесь? – как мне показалось, ехидно поинтересовался мужчина, занявший очередь через пару человек после меня.

– Откуда же я могу знать, находясь перед запертой дверью, – отзываюсь я, гася в себе раздражение. – Назначенный срок вышел, есть я в списке, нет ли меня – я по любому пройду на приём. Срок вышел. Будем разбираться...

На моё грозное заявление некоторые лица отозвались ухмылкой.

– А вы в каком месяце сдавали? – продолжал гнобить меня назойливый господин.

– В мае.

– Хм, в мае... Я сдал в начале апреля, и вот только вывесили мою фамилию, и то только мою, жена утонула где-то в хаосе чиновничьей неразберихи.

Он извлек на свет мобильник.

– Как ваша фамилия?

– Горемыкин, – как солдат отозвался я.

– Такой фамилии нет, – полистав в телефоне, он повернул ко мне монитор.

– А может быть, они сегодня вывешат новые списки? – тепля надежду, вопрошаю я, уверенный на все сто, что это именно он и накаркал мне невезуху. То-то мне его рожа сразу не понравилась. И бабу свою запорол...

– Может, и вывешат, – ответил он весьма дружелюбно.

Список вывесили, но, увы, моей фамилии в нем не оказалась. За дверью кабинета инспектор, переворотив кипы бумаг, заявила:

– Нет!

– А когда будет? – мямлю я, чувствуя, как съёживается мой боевой запал.

– Не знаю! Ходите и узнавайте... Следующий! – выкрикнула твердь.

– А вы обратитесь к начальнику по месту сдачи документов, – отозвался сочувствующий голос из очереди.

Взяв сердобольную дамочку в оборот, я выясняю подробнее, куда и каким транспортом мне мчаться.

Начальник принимал с одиннадцати до тринадцати – всего лишь два часа. Пристроившись в очередь пятьдесят каким-то, на аудиенцию я, разумеется, не попал. Зато познакомился с земляком-узбеком, как и я, не нашедшим себя в списках на получение гражданства.

– Я уже двадцать лет в России, думал так и остаться в статусе ВНЖ, но, как оказалось, без гражданства невозможно найти престижную работу. Пока возраст не подпирает, решил подсуетиться. Россия мне нравится. Женюсь, обзаведусь семьей...

– Тебе сколько?

– Недавно минуло сорок.

– На вид моложе. А что с семьей затянул?

– По свету много мотался, ака, не удосужился... А вы чем занимаетесь? – неожиданно спросил он.

– По образованию художник. Николай, – протянул я руку.

– Так я и подумал, что вы принадлежите к кругу творческих людей, – просял земляк. – Меня зовут Улугбек, – с чувством пожал он мою руку. – По профессии я прораб, но сейчас приходится заниматься всем, что подвернется.

– Счастливчик! Работа – это главное, стимул к жизнедеятельности. К сожалению, я этим похвастаться не могу. Ни пенсии, ни работы. Но душа зудит, не дает покоя. То отправлю на конкурс карикатуру, то черкану рассказик. Теперь и о тебе, и о наших мытарствах, будь уверен, напишу непременно...

В следующий четверг в шесть утра я вновь вышагивал перед дверьми фэмэса.

– Вы в списке есть? – встретила вопросом инспектор мое приветствие.

– Нет. Но, может...

– Когда будете в списке, вот тогда и приходите!

– Так сколько ждать? – отчаянно взываю я, зная, что каждая поездка изнуряет дорогой в восемьсот километров туда и обратно и подрывает бюджет на две с половиной тысячи. Деньги, просто так выброшенные на ветер.

– Не знаю! – нервно отвечает чиновница. – Следующий!

– У-у, а что вы не сказали, Коля-ака, что будете здесь? – встретил меня возгласом Улугбек, ожидающий приема к начальнику. – Я бы вас записал впереди себя.

– Не полагал я, дорогой Улугбек, что меня снова принесет сюда, а потом по запарке мы даже не обменялись телефонами.

– Кажется, народу не слишком много, надеюсь, вы попадете.

– А ты что?

– Меня снова отправили сюда, ищите, говорят, там свои документы.

Мы обменялись телефонами. Улугбек, доверительно прижав пальцы к губам, сообщил:

– Видите молодчиков армянского разлива, шныряющих среди мигрантов? Это те люди, которые убыстряют прохождение документов. Возможно, наши бумаги тоже уперлись в их загребушие лапы и ждут своего часа.

– Мне, брат, хоть бы и знать, кому дать, всё равно давать нечего...

Выйдя от начальника, Улугбек сообщил: дескать, документы его похерили, теперь нужно готовить заново. В качестве морального ушерба начальник обещал гражданство в течение двух недель после подачи бумаг.

– Давай, Коля-ака, удачи, я побежал...

Выслушав мой рассказ, начальник пробежал справку о подаче документов, уточнив дату, внес мою фамилию в дежуривший на столе талмуд. Присовокупив туда же мой номер телефона, заверил:

– В среду вам обязательно позвонят. Если звонка вдруг не будет, езжайте в ФМС, если и там не окажется разрешения на гражданство, пусть инспектор на обратной стороне справки сделает отметку. И тогда, значит, снова ко мне.

Откровенно говоря, не поняв, как будет продвигаться мое дело, я поблагодарил начальника за участие и укатил в Дмитров ждать развития событий...

Спустя неделю, как я и полагал, всё оставалось на нуле. Ни в списках, ни в справке на получение гражданства моей фамилии не значилось. Возымев закорючку от инспектора и выстояв очередь, я вновь предстал пред начальником.

– Не переживайте, ваше дело на контроле. Оператор, который принимал ваши документы, был в отпуске, а теперь уволился. Образовался, так сказать, затор. Мы вам обязательно позвоним, как только прояснится вопрос. Ждите, чаще навевывайтесь в ФМС.

Вот так я и завис во временной прострации. Штурмовать еженедельно дороги мне было нелегко физически и непосильно материально. Уповаю только на «окошечко» в Facebook, там нет-нет да и выложит добрая душа список счастливиц, получивших российское гражданство.

Списки периодически появлялись, только своей фамилии я в них не находил... Чтобы отыскать хоть какие-то наметки к действиям, читаю отчаянные посты, выложенные такими же горемыками, как и я. Привожу некоторые из них, за подлинность которых ручаюсь головой:

*«...Я ходила, и толку ноль. Сказали: “Ждите”. Документы сдала 18 апреля».

*«Очень печально, я тоже сдал 18 апреля, и сколько еще ждать?!»

*«Я сдала 5 мая, звонила в колл-центр, говорят: “Идите к начальнику”, а там очереди... записалась 53. Видимо, придется опять занимать очередь с ночи, чтоб увидеть его...»

*«Дозвонились на горячую линию, специалист сказала, что с майскими обращениями какая-то беда, что уже готовы даже июньские, якобы инспектор, который должен был их отрабатывать, находился в отпуске или отсутствовал... В общем, звоните в понедельник во второй половине дня...»

*«...Не подскажете номер горячей линии? Подавали еще 14 апреля, а в списках нет. У них ничего не узнаешь толком. Вчера попали на прием, сказали: “Ждите”. Сколько же можно ждать?!»

*«Дозвонилась! Ответили, что сейчас занимаются теми, кто подавал на гражданство в мае...»

*«Сколько ждать???»

*«Просто есть те, кто еще верит в ту лапшу, которую там вешают (“Приходите через недельку-вторую, если не готово, идите к начальству”). А ни там и ни здесь ничего не делается... “Все для людей!.. ”»

*«Блин, кто сдавал в мае, вообще появляются в списках? Я просто уже на грани срыва».

*«Если мне не дадут справку, иду в прокуратуру писать на них заявление...»

Эти вопли отчаяния можно продолжать и продолжать. Многие, толпясь в очередях бесконечного и унижительного ожидания, признавались: «Ответа на гражданство нет, работы нет и денег тоже нет...» Зато понятна подлинная причина множавшихся в стране нелегалов.

По иронии судьбы я оказался в числе тех, кто сдавал документы в мае...

Полтора месяца в две недели раз я все мотался за тридевять земель, надеясь на «авось». Вы когда-нибудь пробовали, стоя в двух лодках, управлять обеими сразу? Не получается... Вот и мне, прискакав в ночи в ФМС, нужно было занять очередь, чтобы прояснить ситуацию. Узнав, что здесь всё так же глухо, мчаться через весь город на прием к начальнику. А там уже давно всё забито теми, кто решил прежде направить свой баркас сюда. Вконец отчаявшись что-либо изменить своими тщетными потугами, я махнул рукой и устался в окошечко интернета. А там – будь что будет...

Еще месяц я пялился в монитор, с трепетом вглядываясь в периодически выкладываемые списки. И вот однажды... О чудо! Я не поверил глазам, обнаружив свою фамилию, вернее, сразу две моих фамилии... Я решил, что у меня двоится в глазах от чрезмерного возбуждения. Вгляделся – так и есть: Горемыкин Н. А. Следующая в столбике точно такая: Горемыкин Н. А. Они

там что, вообще с ума посходили? Вдруг меня осенило. Я вспомнил накладку с медицинским заключением, то был чувак с перебитыми ребрами. Так вот, значит, где ты настиг меня, змей Никифор Алексеевич Горемыкин, а может, я тебя... Но это уже не принципиально.

В ноябрьскую холодрыгу я мчусь ночной электричкой, чтобы удовлетворить свое нетерпение.

– В списке есть? – задает инспектор свой неизменный вопрос.

– Есть! Горемыкин Николай Андреевич, – акцентирую я на имени и отчестве. Про себя думаю: «Сейчас я проверю вашу бдительность и подлинное отношение к своим обязанностям...»

Так и есть. Инспектор извлекает из общей кипы бумаг на букву «Г» первого попавшегося Горемыкина и протягивает мне. Как я и полагал, им оказался Никифор Алексеевич.

– Это не моя справка, – ввинтил я, частично отыгрываясь за свое мытарство.

Однако мое заявление не возымело ожидаемого эффекта, чиновник флегматично забрал бумагу и, покопавшись в «Г», протянул другую. Вот так и херятся наши документы и блуждают черт знает где, безбожно увеличивая сроки ожидания...

Испытавший на собственной шкуре безграничные фантазии чинуш, когда мне запросто вмолотили три «е» в отчестве, и выслушав ряд заверений в этой канве от бедолаг-мигрантов, я внимательно изучил листок. Убедившись, что всё верно, я искренне поблагодарил инспектора: что ни говори, а эта долгожданная бумажка начисто сметала все накопившиеся обиды. Сияющий, с удвоенной энергией, я помчался штурмовать паспортный отдел. К моему глубочайшему удивлению здесь всё прошло без сучка и задоринки. Милая девушка-чиновница, приняв документы как само собой разумеющееся, оповестила меня, когда и в какой кабинет подойти за получением паспорта.

Сердце мое ухало, интенсивно перекачивая кровь в мозг: «Неужели дождался?..» Месяц ожидания, назначенный девушкой, казался уже таким ничтожным по сравнению с годами, прошедшими в этом режиме. Мне ничего не оставалось делать, как только рассыпаться в словах благодарности, памятуя пророческие слова чиновницы, с точностью определившей срок ожидания далеким январем...

Через месяц день в день, как во сне, не имея ни сил, ни мыслей, я проделал путь ночными электричками, выждал время на вокзале и первым, абсолютно не надеясь на положительный результат, предстал у дверей ФМС. Однако мой пессимистический настрой слетел вмиг, когда в ответ на заявленную мною фамилию из окошечка прозвучало: «Минутку...» Вскоре чиновница протянула на подпись карточку, а затем вручила желанные пурпурные корочки с тисненым золотым двуглавым орлом.

«Свершилось!» – ликовав я.

Вот так внезапно закончилось мое положение мигранта. Оставив обиды из-за перенесенных лишений, я устремился в новую жизнь теперь уже законным гражданином Российской Федерации...¹

¹ Окончание. Начало в № 1, № 2, № 3, № 4, 2017 год.

Галина ДОЛГАЯ

ТАШКЕНТ – ЕКАТЕРИНБУРГ: МОСТЫ ДРУЖБЫ

Почти три часа летит самолет из Ташкента в Екатеринбург, преодолевая за это время около двух тысяч километров. Всего три часа – и теплый, напоенный ароматами весенних цветов воздух Ташкента сменяется холодным, влажным от тающего снега воздухом Екатеринбурга. По пути из аэропорта в город вдоль дороги мелькают стройные сосны, маня тайной густого бора и восхищая красотой стволов – обычных для тех, кто видит их каждый день, но сказочных для человека азиатских гор и пустынь.

Лет тридцать тому назад, в далеких восьмидесятих прошлого века, на берегах реки Исеть в таком же густом бору проводились соревнования по технике спелеотуризма, в которых мне довелось участвовать. За прошедшее время город успел обрести новое имя, превратившись из города Свердловска в город Екатерины – Великой Российской императрицы. За это же время спелеосекция в Ташкенте перестала существовать, здесь же она сохранилась до наших дней. Это достойно восхищения! Энтузиасты и фанаты спелеопутешествий Екатеринбурга не только существуют поныне, но совершают открытия и на узбекской земле! Известный любителям путешествий горный массив Ходжа Гургур-ота, который находится в горах Байсунтау, стал землей обетованной для свердловских спелеологов. Многие годы они совершают нисхождения в пещеры Бой-Булок, Фестивальная, Dark Star, первые из которых к тому же были открыты ими.

Цель поездки в Екатеринбург на этот раз – рассказать о русскоязычных литераторах Узбекистана и о своем творчестве. С организацией такой встречи мне помогли председатель Общества дружбы Урал–Узбекистан Туратов Абид Шакирович и директор Свердловской Областной Межнациональной библиотеки Кузнецова Ольга Владиславовна.

Абид Шакирович родом из Джизакской области, из Заamina. В России живет не одно десятилетие, но остался истинно узбекским мужчиной, для

Галина ДОЛГАЯ. Родилась в 1959 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский институт народного хозяйства по специальности «экономическая кибернетика». Автор романов, повестей, рассказов, стихов, очерков о путешествиях. Член Международной Гильдии Писателей. Победитель Международного конкурса «Open Central Asia Book Forum – 2012». Печатается в Узбекистане, России, Англии, Германии.

которого вежливость, гостеприимство, особое внимание к гостю – закон, познаваемый нашим народом с самого детства. Он – проводник узбекской национальной культуры в России. Организуя встречу со мной как с писателем, Абид Шакирович постарался представить гостям вечера и узбекскую музыку, и дастархан с национальными блюдами. В день встречи библиотека превратилась в островок Средней Азии в огромном российском море.

Своим вниманием порадовали не только жители Екатеринбурга, но и представители нескольких среднеазиатских диаспор, проживающих в этом уральском городе: уроженцы Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана. Они тепло встречались друг с другом, с интересом смотрели привезенные книги, внимательно слушали мое выступление и задавали вопросы о жизни в современном Узбекистане, о творчестве, о планах на будущее. Не работа и бизнес, не вопросы устройства жизни в непривычных условиях сурового климата и законов другого государства привели этих людей в читальный зал библиотеки, а интерес к культуре, литературе, жажда общения на темы, далекие от быта, но необходимые для радости и полноты жизни.

Совсем недавно в Екатеринбурге побывали и узбекские художники Дилором Мамедова и Дилмурод Юлдашев. Картины природы Узбекистана, тепло и шемящая грусть уходящих в прошлое улочек и домов старого города, уютных дворики и добрых очагов в них произвели неизгладимое впечатление на посетителей выставки. Некоторые картины Дилором и Дилмурада до сей поры украшают стены Свердловской межнациональной библиотеки.

Эта выставка – еще один аспект культурных связей Узбекистана и Урала. Люди творчества с их необыкновенным чувством прекрасного возводят прочные культурные мосты, объединяющие народы. Наши живописцы не только привезли на уральскую землю свои полотна, но и вернулись на родину с новыми работами, на которых запечатлели прекрасную природу Урала, показали очарование снежных лесов, старых изб, ярких зимних закатов. Теперь на выставках группы «Эски шахар» (как называют себя трое художников – Дилором Мамедова, Дилмурод Юлдашев и Абдухаким Каримов) почитатели их творчества могут любоваться российскими пейзажами.

На мою долю выпала почетная и ответственная миссия – представить екатеринбуржцам книги моих современников и друзей. Все книги были включены в фонд Свердловской областной межнациональной библиотеки, и теперь каждый читатель имеет возможность ознакомиться с лучшими произведениями наших мастеров слова, напоенными воздухом Средней Азии.

Владимир Васильев, Анатолий Бауэр, Алексей Устименко, Джасур Исхаков, Эльмира Алейникова, Раиса Крапаней, Бах Ахмедов, Вика Осадченко, Ашот Даниелян, Николай Ильин, Рина Рази, Сергей Гордин, Михаил Гар, Степан Балакин – слово наших поэтов и писателей отражено в книгах, в журналах «Звезда Востока», «Восток свыше», несколько номеров которых теперь тоже лежит на полках библиотеки. В этих же журналах уральские любители литературы смогут прочитать произведения мэтров узбекской русскоязычной литературы Александра Файнберга, Владимира Баграмова, Сухбата Афлатуни.

Рассказывая о русскоязычной литературе современного Узбекистана, невозможно не вспомнить таких писателей, как Явдат Ильясов, Сергей Бородин, Анна Алматинская, Михаил Шевердин. Лучшие традиции старшего поколения продолжают в творчестве начинающих авторов, с чьими

произведениями екатеринбуржцы смогут ознакомиться в альманахе «Междуречье», а в сборнике «След» прочитать стихи поэтов, ушедших в мир иной.

Интерес любителей литературы оказался шире. Прозвучало пожелание познакомиться с национальными писателями и поэтами Узбекистана, услышать их, увидеть, послушать рассказы о творчестве, прочитать книги, написанные ими. Возможно ли это? Думаю, да! Литераторы Узбекистана общаются между собой на разных площадках, в творческих гостиных, в литературных музеях. Активно переводятся стихи признанных узбекистанских поэтов на русский язык и с русского на узбекский. Оживленная творческая жизнь могла бы быть представлена в особом творческом проекте, показывающем многогранность и разнообразие современной литературы Узбекистана.

Гостей Свердловской межнациональной библиотеки удивил состав литераторов Узбекистана, среди которых прозвучали узбекские, татарские, немецкие фамилии. Беседа о литературе Узбекистана повернула в историческое русло, экскурс в прошлое напомнил времена, когда междуречье великих среднеазиатских рек Амударьи и Сырдарьи называлось Согдом, а по долинам и пустыням нашего края проходил Великий Шелковый Путь. Это внесло ясность в вопрос межэтнических отношений народов, проживающих на нашей земле, где пересекались культуры стран Запада и Востока, на земле, бывшей всегда толерантной ко всем, кто шел по ней или оставался жить.

На мощный пласт культуры коренных народов наслаивались иные, они привносили новое прочтение богатого литературного наследия. Отраднее сознавать, что русская литература в Узбекистане – один из таких пластов, отражающий не только современность, но и прошлое.

Издание книг, творческие встречи писателей и поэтов, установление культурных творческих связей, презентация печатных изданий, освещение их в прессе способствуют взаимопониманию и взаимообогащению. Встреча в Екатеринбурге может стать началом серьезного сотрудничества литераторов Екатеринбурга и Ташкента, что, безусловно, будет благоприятствовать развитию современной литературы Узбекистана.